

Воронежский Государственный Университет

Факультет международных отношений
Кафедра международных отношений и регионоведения

Научное Общество Факультета международных отношений
(НО ФМО ВГУ)

Воронежское отделение
Российской ассоциации исследователей
Иберо-Американского мира
(ВО РАИИМ)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Сборник статей, посвященных памяти
Сергея Ивановича Семенова*

Выпуск 3 – 4

Воронеж

2008

ББК 66.3
УДК 323.2
П 50

Редакционный совет:

проф., д.э.н. О.Н. Беленов
проф., д.и.н. А.И. Сизоненко
проф., д.полит.н А.А. Слинько

Редакционная коллегия:

проф., д.полит.н А.А. Слинько (пред.)
доц., к.и.н. В.И. Сальников (секретарь ред.коллегии)
преп., к.и.н. М.В. Кирчанов (сост.)
асп. А.А. Баутин

В сборник вошли статьи исследователей, работающих в сфере латиноамериканистики, из России и США. В центре внимания работ – различные аспекты политической, дипломатической, интеллектуальной истории Бразилии, Гондураса, Аргентины и других стран латиноамериканского региона. Сборник будет интересен ученым-латиноамериканистам и всем интересующимся историей, политикой и культурой стран Латинской Истории.

Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти Сергея Ивановича Семенова / А.А. Слинько (ред.), М.В. Кирчанов (сост.). – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – 110 с.

ББК 66.3
УДК 323.2
П 50

© Авторы, 2008
© Факультет международных отношений ВГУ, 2008
© Воронежское отделение РАИИАМ, 2008
© <http://ejournals.pp.net.ua> 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

<i>А.А. Слинъко</i> «Четырехдневная война» и ее последствия для Латинской Америки	5
<i>А.А. Слинъко</i> Борис Иосифович Коваль и его школа	7
<i>М.В. Кирчанов</i> Российская латиноамериканистика: между традициями норматива и вызовами дискурса	11

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Е.А. Щерблыкина</i> Бразильские немцы: проблемы идентичности и функционирования сообщества	22
<i>Н.М. Миронов</i> Основные этапы становления межамериканской системы защиты прав человека	28
<i>М.В. Кирчанов</i> Бразильская модернизация и ее контексты: дискурсы национализма, идентичности, гендера, протеста и лояльности	39
<i>В.И. Сальников</i> Особенности революционных процессов в Латинской Америке	54
<i>М.В. Кирчанов</i> Раса, феминность, мускулиность и брутальность: дискурсы политизации гендера в Бразилии середины 1950-х годов	59
<i>В. Носов</i> История, проблемы и перспективы «левых» в Гондурасе	68

«НОВЫЕ ЛЕВЫЕ»: КУЛЬТУРНЫЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ВКЛАД В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Marina A. Sitrin</i> Horizondalidad en Argentina	74
<i>Immanuel Wallerstein</i> Brazil and the World-System: the Era of Lula	83

**ЦЕРКОВЬ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ**

Леонардо Бофф
Социальная экология: бедность и нищета 86

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Фабио Джамбьяджи
Неуязвимая Бразилия? 99

О.В. Романенко
Россия – Латинская Америка: энергетический диалог 101

РЕЦЕНЗИИ

Джэймз Н. Грин
Переодетые «королевы» рабочих кварталов Мехико 104

Andrea S. Allen
Mikelle Smith Omari-Tunkara. Manipulating the Sacred: Yoruba Art, Ritual,
and Resistance in Brazilian Candomble. African American Life Series.
Detroit: Wayne State University, 2005. 107

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

А.А. Слинко

«ЧЕТЫРЕХДНЕВНАЯ ВОЙНА» И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Подготовленная при помощи США и НАТО агрессия Грузии против Южной Осетии и ее достаточно быстрый разгром вызвали значительный интерес в Латинской Америке. Однополярный мир перестал существовать, и этот факт достаточно четко отразился в позиции Венесуэлы – страны-лидера боливарианской инициативы. Президент Уго Чавес оценил события на Кавказе как агрессию проамериканского марионеточного режима и высказал неподдельный интерес к методике противодействия вероломному нападению империалистического врага. Подобная позиция Венесуэлы не случайна. В условиях постоянных успехов левой альтернативы проамериканская Колумбия, вооруженная до зубов США, неоднократно высказывала неприкрытые угрозы в адрес Венесуэлы и Эквадора. В то же время, история демонстрировала крайнюю слабость подготовленных американцами сил вторжения, если им противостоит объединенная воля нации. Блестящая ликвидация Фиделем Кастро наемной армии в заливе Свиней – яркое доказательство готовности латиноамериканских левых воевать с американским империализмом.

Куба однозначно поддержала действия России в силу, прежде всего, ярко выраженных двойных стандартов и лицемерия американской политики. Утверждая независимость малых народов перед лицом больших и влиятельных – Китая и России – США продолжают оккупировать бухту Гуантанамо, часть кубинской территории, превращенной в концлагерь ЦРУ.

Кроме того, Россия может рассчитывать на сдержанно-одобрительное отношение Аргентины к данному конфликту. Наиболее жестко и яростно против операции по принуждению Грузии к миру выступает премьер-министр Великобритании Г. Браун. Но ведь именно Англия в ходе Фолклендской войны вела военные действия на другом конце света, положив начало возрождению англо-саксонского империализма на неоконсервативной волне.

Особый отклик «четырёхдневная война» может приобрести в Центральной Америке. Грузия продемонстрировала себя как империалистическая держава по отношению к малому народу – осетинам. Малые государства Центральной Америки Панама, Никарагуа, Гонду-

рас, Гватемала, испытавшие на себе и интервенции, и империалистическое давление, постепенно осознают действия России как косвенную защиту их интересов. Не случайно именно крошечная Никарагуа уже признала Южную Осетию.

Но самое ценное в опыте «четырёхдневной войны» - это не сама война, а наоборот, демонстрация Россией способности, не прибегая к чрезмерному использованию силы, противодействовать информационному давлению англо-саксонского империализма, усиливать в ходе информационного противостояния софт-влияние в складывающемся ныне *Rax Antiamericana*.

Россия закрепляет стратегическое партнерство с Венесуэлой, а через нее – со странами Боливарианской инициативы – Кубой, Эквадором, Боливией, Никарагуа, Гондурасом. В своей самостоятельной аграрной политике и в независимой позиции в сфере новых технологий Россия находит все большее взаимопонимание с ведущей страной БРИК – Бразилией. Четкой защитой демократических ценностей и рыночных реформ Россия гарантировала прочные отношения с самыми неолиберальными странами Латинской Америки – Чили и Мексикой.

Наконец, противодействие англосаксонской территориальной экспансии существенно усилило популярность России в правящем ныне в Аргентине перонистском движении. Другими словами, Россия впервые в истории может в перспективе стать одним из основных партнеров Латинской Америки в различных сферах взаимодействия.

А.А. Слинко

БОРИС ИОСИФОВИЧ КОВАЛЬ И ЕГО ШКОЛА

Переломные моменты в истории вызывают адекватные реакции со стороны науки и общества. Так, предгрозовое брожение отечественной мысли породило великие труды С. Соловьева, В.О. Ключевского, которые заложили фундамент отечественной исторической школы. На рубеже эпох формируется и классическая институциональная школа социологии права, созданная русскими эмигрантами Ж. Гурвичем и П. Сорокиным. Религиозно-философские интуиции Н. Бердяева и Г. Федотова составили базис постсоветских социально-философских исследований.

Ученик одного из классиков советской исторической школы А.З. Манфреда, профессор Борис Иосифович Коваль «впитал» все наилучшие традиции отечественной гуманитарной мысли, и, прежде всего, умение гармонично аккумулировать как опыт прошлого, так и новейшие изыскания отечественных и западных исследователей. Характерной чертой историко-политической и философской мысли Б.И. Ковалья является глубокий, четкий и постоянный ответ на острейшие проблемы нашего времени. Автор этих строк хорошо помнит свое знакомство с Борисом Иосифовичем Ковалем.

Но для начала несколько строк справочного характера: апризм является сложным многоплановым социально-политическим движением, играющим противоречивую роль в Латинской Америке, в частности, в Перу.

Я, молодой соискатель, пришел в кабинет зам. директора Института международного рабочего движения и решительно объявил, что буду заниматься апризмом.

- Тогда я беру вас в аспирантуру, - ответил Б.И. Коваль.

Только впоследствии я смог оценить трудности работы над темой, но атмосфера непринужденного обсуждения сложнейших и острейших проблем сыграла свою роль - кандидатская диссертация, посвященная апризму, была написана вовремя и успешно защищена.

В 90-е годы в условиях кризиса и распада советской системы Борис Иосифович создал группу ученых, занимающуюся проблемами армии и безопасности, которая подготовила ряд интереснейших публикаций, документов и общественных мероприятий. Одним из выдающихся достижений Б.И. Ковалья как организатора отечественной науки является в 1989 году институализация специальности «Политология», по которой уже в 1990 году начались защиты кандидатских и докторских диссертаций. Практически двадцать лет разговоры о политологии оставались разговорами, элементы политологии перешли в отдельные отрасли советской науки - научный коммунизм, марксистско-ленинскую философию, политэкономия, но в целом эта влиятельнейшая отрасль знания находилась в СССР на полулегальном по-

ложении. Борис Иосифович Коваль возглавил экспертный совет по политологии Высшей Аттестационной Комиссии и руководил им долгие годы, закладывая основы отечественной политологической школы.

Коваль Б.И. родился в 1930 году и на первом этапе научного творчества занимался проблемами истории стран Латинской Америки. Такие книги как «История бразильского пролетариата. 1857 - 1967гг.», «Революционный опыт XX века», «Рабочее движение в Латинской Америке (1917-1959)» - составили важную часть классической отечественной латиноамериканистики и истории национально-освободительных движений. Бурные перемены в СССР вызвали глубокий интерес ученого к российской проблематике, которая ранее была под жестким идеологическим запретом. Появляются работы Коваля «Партии и политические блоки в России», «Россия сегодня: политический портрет в документах» (два тома) и другие.

В 1992-1995 годах профессор Б.И. Коваль возглавлял Институт Латинской Америки РАН. Благодаря его деятельности Институт выжил в условиях радикальных реформ, резко активизировалась издательская деятельность, увеличилось количество защищенных кандидатских и докторских диссертаций. Гибкая политика в области кадров позволила обеспечить преемственность руководства, по его инициативе директором ИЛА РАН стал В.М. Давыдов, продолживший организационную политику Коваля. Другой стороной многогранной организаторской деятельности ученого является его участие в работе Гуманистического Интернационала. В качестве вице-президента этой организации Б.И. Коваль провел в России ряд мероприятий, способствовавших укреплению контактов с зарубежными гуманистическими организациями и движениями.

Избавление от административного груза позволило Б.И. Ковалю активизировать научную деятельность. Под его руководством издается интереснейший альманах «Личность»; вышел содержательный двухтомник «Современная российская цивилизация». Он является одним из авторов «Энциклопедии нового гуманизма», изданной в Буэнос-Айресе в 1996 году. Безусловно, высокими достижениями отечественной культурной антропологии и гуманизма стали книги «Дух, душа, духи», «Смыслы жизни (мнения и сомнения)», «По эту сторону добра и зла», вышедшая на испанском языке в соавторстве с проф. Семеновым.

Одним из лейтмотивов творчества Б.И. Коваля является жесткая полемика с вульгарно-позитивистскими подходами, которые активно применялись в недрах социалистической науки и остались по-прежнему сильны и в постмарксистский период. В книге «Латиноамериканские диаспоры в США» (2003) Б.И. Коваль подчеркивает, что «вульгарно-социентальный подход умаляет силу личности и ее свободу, приписывая абстрактному социуму всю конкретную внутрен-

нюю энергию и способность к действию. Но как бы и кто бы не управлял этой энергией, сначала необходимо ее иметь. Ведь именно она воплощает в себе все духовные, интеллектуальные, волевые, эмоциональные, психодушевные и прочие способности человека, отличающие его от других людей, а всех их вместе взятых от остальной природы... Без этой внутренней энергии (силы жизни) нет и самого человека».

Автору этих строк довелось присутствовать на одной из блестяще организованных Б.И. Ковалем конференций, посвященных проблемам становления гражданского общества в нашей стране. Под эгидой Института Федерализма собрались выдающиеся ученые-обществоведы, предложившие свою интерпретацию специфики гражданского общества в России. В частности, Борис Иосифович выдвинул концепцию, которую можно условно обозначить как «невидимое гражданское общество». При этом его бесструктурность, организационная неформальность вовсе не означает пассивность. Россияне, к примеру, в ходе событий августа 1991 года смогли консолидированными действиями остановить реакцию.

На своей даче в ближнем Подмосковье Б.И. Коваль продолжает много трудиться над острыми проблемами истории, философии и политики. Иногда к нему присоединяется старинный друг профессор Сергей Иванович Семенов. Активно помогает отцу Татьяна Борисовна Коваль - известный ученый-социолог и религиовед. Не забывают наставника и ученики Бориса Иосифовича, которые работают и в сфере латиноамериканистики, и в области политологии и культурологии. Школа Коваля распространяет свое влияние и на философскую, и на юридическую проблематику. Умение работать с учениками является одной из ярчайших граней многостороннего таланта Бориса Иосифовича.

На всю жизнь ваш покорный слуга запомнил, как в ходе многочасового разговора, несмотря на крайнюю занятость административной работой, профессор медленно, шаг за шагом подводил меня к сути глубинных проблем латиноамериканской цивилизации. При этом он подробно и скрупулезно делал рукописные заметки на папке, в которой я принес вариант диссертации. В конце беседы все пространство на внутренней и внешней стороне папки было покрыто пометками научного руководителя.

И еще не раз сухие теоретические заметки «на полях» дополнялись живыми комментариями Бориса Иосифовича, который ярко прописывал латиноамериканскую действительность на основе своих воспоминаний и «зарисовок» перуанского, колумбийского, бразильского и т.д. социального бытия, вынесенных из многочисленных поездок в Латинскую Америку. Знание традиций, обычаев, музыки этого своеобразного региона, его живой души позволило ученому чутко реагировать на нетрадиционные повороты общественного сознания и

политики, разворачивая научную и общественную работу Института Латинской Америки в нужном направлении.

Поворот творчества Коваля в сторону философии, экзистенциалистских и гуманистических изысканий вызван, мне думается, известным кризисом мировой политической и социологической мысли, когда жесткие модели прогресса, выработанные позитивистскими школами, обрели свое «последнее дыхание», но конструктивных выходов на почве постмодернизма найдено не было. У Коваля есть своя программа преодоления новейших духовных и глобальных кризисов. «Смыслов жизни много, - говорит он в одной из своих книг («Смыслы жизни: мнения и сомнения», 2001), - но жизнь у каждого одна и единственная. А посему постараемся одухотворить ее светом любви и веры в человека - творца собственной экзистенции».

М.В. Кирчанов

РОССИЙСКАЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКА: МЕЖДУ ТРАДИЦИЯМИ НОРМАТИВА И ВЫЗОВАМИ ДИСКУРСА

На протяжении 1990-х годов российская гуманистика пребывала в состоянии внутреннего кризиса, вызванного изменениями роли существующих научных институтов и пересмотром идеологического фактора при проведении гуманитарных исследований. Современная российская латиноамериканистика (точнее – те ее разделы, которые связаны с изучением истории, культуры и частично политики в странах Латинской Америки) в современной России переживает не лучшие времена, пребывая в состоянии глубокого методологического кризиса. Вероятно, кризис охватил не только исследования в сфере латиноамериканистики, но и все гуманитарные науки в целом. Впервые о кризисе – сначала исторического познания, а потом и исторического описания заговорили французские историки во второй половине 1980-х годов. Российскую гуманистику, в том числе – и латиноамериканистику, волна этого кризиса накрыла после распада СССР и ликвидации методологической монополии вульгарного марксизма.

В задачи автора в этой статье не входит подробный анализ кризиса исторического познания¹. Имеет смысл остановиться лишь на тех его аспектах, которые связаны с латиноамериканскими исследованиями. Вероятно, на раннем этапе гуманитарные исследования столкнулись с кризисом роста, на смену которому пришел кризис методологический. В рамках гуманитарного сообщества сложилась ситуация, при которой исследователь оказался вынужденным рефлексировать относительно научного наследия своих предшественников, впад в состояние, по словам С. Зенкина, в состоянии «постреволюционного похмелья и разочарования в эпоху отступления радикальных учений в политике и культуре, в эпоху смутных попыток освоиться в их великолепном, но и обременительном наследии»². Это наследие оказало противоречивое влияние на российскую латиноамериканистику: собственно отечественное научное латиноамериканское наследие продолжает доминировать в то время, как западный опыт (о котором и пишет С. Зенкин) почти не востребован.

Кризисные тенденции³ характерны и для других гуманитарных наук: исследовательский дискурс фрагментирован, исследовательское

¹ Автор отсылает все, кого эта тема интересует к собранию текстов французской школы *Анналов*, изданным на русском языке в 2002 году. См.: *Анналы на рубеже веков. Антология* / отв. ред. А.Я. Гуревич, сост. С.И. Лучицкая. – М., 2002.

² См. подробнее: Зенкин С. *Наследники структуралистского Просвещения* / С. Зенкин // *Интеллектуальный форум*. – 2002. – № 2. – С. 216.

³ О кризисе гуманитарного знания см. подробнее: Бухараев В.М., Мяжков Г.П. *По обе стороны от «средней позиции»: что же дальше, историческое познание?* / В.М. Бухараев, Г.П. Мяжков // *Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации* / ред. Л.П. Репина. – М., 2005. – С. 48 – 49.

сообщество расколото (что, в принципе, позитивно), но в этой ситуации возникло «недоверие в отношении метарассказов»⁴ – попыткам написать общую картину прошлого⁵, в том числе – и относительно латиноамериканского региона. В современной российской гуманистике неоднократно высказывалось мнение, что «интердисциплинарность представляет собой неотъемлемую характеристику современного социо-гуманитарного знания»⁶. Но если мы обратимся к современной российской латиноамериканистике, то столкнемся с тенденцией к методологической и организационной автаркии. Некоторые разделы отечественной латиноамериканистики постсоветского периода напоминают дорогу с односторонним движением. Иными словами, среди тематики публикаций (например, в журнале «Латинская Америка») доминируют сюжеты, связанные с левым политическим дискурсом⁷, словно правых трендов в политической и культурной жизни Латинской Америки не существует вовсе.

Подобная ситуация – результат доминирования т.н. эссенциалистской традиции. Распад советской модели знания стал почти методологической революцией, сравнимым с триумфом постмодернизма на Западе. Комментируя подобную ситуацию (в теоретической сфере, без привязки к постсоветской действительности) голландский исследователь Ф. Анкерсмит полагает, что «с появлением постмодернистской историографией произошел разрыв с вековой эссенциалистской традицией»⁸. Советский тип гуманитарного знания, в том числе – и о Латинской Америки, был эссенциалистским. Иными словами, для советских исследователей первостепенное значение имели проблемы, связанные с «реальной» стороной истории и политической современности. Появление новых переводных и оригинальных исследований привело к кризису эссенциалистской модели знания о Латинской Америке. Традиционное для советской латиноамериканистики описание факта и процесса не было вытеснено разнообразием интерпретаций.

Значительная часть исследований в рамках российской латиноамериканистики на современном этапе создается в рамках искусственного интеллектуального вакуума. Нередко исследования, посвя-

⁴ См.: Лиотар Ж.-Ф. *Состояние постмодерна* / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб., 1998. – С. 10.

⁵ Вероятно российская латиноамериканистика в советский период «насытилась» обобщающими работами, где доминирует метанарратив и макроанализ региона. В этой ситуации уместен некоторый отказ оттого, что М.Ф. Румянцева называет «конструированием макроконтракста». См.: Румянцева М.Ф. *О двух микроисториях* / М.Ф. Румянцева // *Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории*. – Ставрополь, 2004. – Вып. 5. – С. 13.

⁶ Репина Л.П. *Историческая наука и современное общество* / Л.П. Репина // *Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации* / ред. Л.П. Репина. – М., 2005. – С. 6.

⁷ См. подробнее публикации, выдержанные в духе «нормативной историографии»: Брагин М.Ю. *Где плачут березы* / М.Ю. Брагин // *Латинская Америка*. – 2006. – № 4. – С. 88 – 91; Кармен А.Р. *Мифотворчество невежд. Сказки дедушки Пиночо и его российских последователей* / А.Р. Кармен // *Латинская Америка*. – 2007. – № 1. – С. 15 – 24; Шевцов Д.А. *Палач не жалел о содеянном* / Д.А. Шевцов // *Латинская Америка*. – 2007. – № 1. – С. 12 – 14.

⁸ Анкерсмит Ф.Р. *Историография и постмодернизм* / Ф.Р. Анкерсмит // *Современные методы преподавания новейшей истории*. – М., 1996. – С. 156.

щенные Латинской Америке, почти не пересекаются с другими областями гуманитарного знания, что парадоксально на фоне современных тенденций развития гуманитарного знания, которое, по словам Л. Репиной, развивается в условиях «роста интереса к макроперспективе глобальной истории, ориентированной на изучение экономических, экологических, демографических, культурных и интеллектуальных последствий развития глобальных взаимосвязей за последние полтысячелетия»⁹. В условиях добровольной и / или вынужденной самоизоляции современные российские латиноамериканские исследования сами создают для себя вызовы, с которыми исследовательское сообщество может не справиться – речь идет о научной провинциализации и регионализации, консервации гуманитарного знания, что может привести к методологическому кризису.

Джэфф Эли в свое время высказал весьма интересное соображение о том, что современное гуманитарное сообщество напоминает поезд¹⁰, в котором находятся две группы пассажиров. Попробуем применить это сравнение к современной российской латиноамериканистике. Первая группа – это меньшинство, которое составляют сторонники радикальных методологических перемен. Вторая группа – большинство, которое получило образование, защитили диссертации и сформировались как исследователи до 1991 года. Новые теории их вовсе не интересуют. Они, наоборот, заинтересованы в их исчезновении. Вероятно, российский латиноамериканский поезд движется по дороге с левосторонним движением: методологические новации вытеснены за пределы официального научного дискурса, а латиноамериканисты (в первую очередь - историки) крайне негативно воспринимают вторжение в сферу исторического знания политологов¹¹, социологов, антропологов и культурологов, отрицая, тем самым, возможность создания синтетического гуманитарного знания даже в рамках только латиноамериканских исследований. Многие современные российские публикации, посвященные Латинской Америке, принадлежат к т.н. нормативной историографии¹². Нормативная историография – это удел не только историков, но и некоторых политологов и литературоведов. В этом случае она трансформируется в норматив-

⁹ Репина Л.П. *Историческая наука и современное общество*. – С. 4.

¹⁰ Eley G. *Is All the World a Text? From Social History to the History of Society* / G. Eley // *The Historic Turn in the Human Sciences* / ed. T.J. McDonald. – Ann Arbor, 1996. – P. 214.

¹¹ Об этом процессе и отношении к нему см.: Савельева И.М., Полетаев А.В. «Там за поворотом...». О модусе сосуществования истории с другими социальными и гуманитарными науками // *Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации* / ред. Л.П. Репина. – М., 2005. – С. 97.

¹² Относительно определения самого понятия «нормативная историография» среди исследователей нет единого мнения. В частности, предполагается, что в пост-советских странах – это «синтез этнопопулистского исторического канона, советского наследия и постсоветских научных дискурсов» (См.: Семенов А. Дилеммы написания истории империи и нации / А. Семенов // *Ab Imperio*. – 2003. – № 2. – С. 385). Конкретизируя это определение относительно российской современной латиноамериканистики, нормативная историография – синтез левопопулистского (и как результат, отрицающего почти всё, лежащее вне пределов левого дискурса) исторического канона, советского наследия и постсоветской рефлексии относительно расцвета латиноамериканских исследований до 1991 года.

ную модель «знания», в рамках которой доминирует описание и спекуляция над работами предшественников, но не попытка познания и анализа. Нормативная историография представляет собой трансформацию и модификацию поздней советской традиции написания и описания истории, политических и литературных процессов. Она отличается внешним декларативным разрывом с советской марксистско-ленинской методологией при почти полном сохранении старого методологического инструментария.

Сторонники нормативной историографии сводят историю, политику и культуру к механической смене дат, чередованию событий и перечислению фактов. Нередко за нормативной историографией скрывается и методологический бэк-граунд в виде ностальгической рефлексии о временах полемики с «буржуазной историографией». Преобладание скрытой ностальгирующей рефлексии в некоторых современных работах по Латинской Америке можно сравнить лишь с доминированием монархической лояльности в работах Н. Карамзина¹³. Иными словами, нормативная историография – последнее издание советской историографии, или – «облегченная» советская историография.

Современная российская латиноамериканистика нередко продолжает развиваться по инерции, унаследованной от советского периода. Возникают закономерные вопросы: как долго этой инерции хватит; и что будет с латиноамериканскими исследованиями, когда этот инерционный импульс прекратится? Ответы очевидны, ибо их демонстрирует состояние значительной части публикаций, связанных с Латинской Америкой. Речь идет, в первую очередь, о статьях. В отличие от современного гуманитарного знания, которое стремится выстраивать новые интерпретации исторических и политических процессов в условиях среды, учитывающей не только внешние условия протекания событий, но и уделяющей внимание проблемам «культурно-исторической ситуации»¹⁴. Во многих публикациях отсутствует именно эта «ситуация» – вместо нее доминирует особый норматив описания событий. Иными словами, как бы латиноамериканская проблематика не анализировалась – вывод известен в виду того, что исследователь обречен воспроизводить результаты предыдущих поколений исследователей, сочетая их с условиями политической и идеологической (как правило, левой) конъюнктуры.

Именно поэтому сторонники нормативной историографии словно не заметили тех радикальных методологических перемен, которые после 1991 года произошли в историописании и историонаписании.

¹³ Ситуация не является уникальной. Современный украинский историк Ярослав Грыцак полагает, что «преобладание национальной парадигмы в трудах историков постсоветской Украины можно сравнить только с господством позитивизма извода Леопольда Ранке». См. подробнее: Грыцак Я. Украинская историография: 1991 – 2001. Десятилетие перемен / Я. Грыцак // *Ab Imperio*. – 2003. – № 2. – С. 444.

¹⁴ Репина Л.П. Историческая наука и современное общество. – С. 9.

Между тем, современные гуманитарные исследования, как справедливо указывает Г. Иггерс, должны базироваться на «разнообразии интерпретаций»¹⁵. Отечественные исследователи С.И. Маловичко и Т.А. Булыгина полагают, что «новая историческая культура плюралистична, она признает многообразие исследовательских приемов и методологических подходов»¹⁶. Именно поэтому на смену описательным методам в латиноамериканских исследованиях должны прийти работы, где «традиционная схема концепция “история – повествования” сменяется “историей – проблемой”»¹⁷.

Вероятно может возникнуть вопрос: а какое все это имеет отношение к латиноамериканистике вообще и изучению Бразилии в частности? Не исключено, что вопрос может возникнуть не просто у обычного читателя, но латиноамериканиста старшего поколения, чье становление как исследователя произошло в советский период, когда в обязанности всякого советского ученого, который занимался общественными науками, входило подискутировать с «буржуазной историографией». Все, о чем я писал выше, к латиноамериканским студиям имеет самое непосредственное отношение. Речь шла о нормативной историографии и тех концепциях модернистского или постмодернистского плана, которые в принципе являются взаимоисключающими. Выше автор уже высказывал предположение, что современная отечественная латиноамериканистика пребывает в состоянии глубокого кризиса¹⁸, что, в частности, проявляется в том, что она развивается по инерции, унаследованной от советского периода.

Попытки применить к латиноамериканским исследованиям западные методологические подходы и концепты встречают непонимание и отторжение со стороны российских латиноамериканистов старшего поколения¹⁹. Между тем, гуманитарные исследования в современной Бразилии развиваются на том базисе и методологическом бэк-

¹⁵ Iggers G. *Historiography between Scholarship and Poetry: Reflections on Hayden White's Approach to Historiography* / G. Iggers // *Rethinking History*. – 2000. – Vol. 4. – No 3. – P. 373 – 390.

¹⁶ Маловичко С.И., Булыгина Т.А. *Современная историческая наука и изучение локальной истории* / С.И. Маловичко, Т.А. Булыгина // *Новая локальная история*. – Ставрополь, 2003. – Вып. 1. – С. 13.

¹⁷ Маловичко С.И. *Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении* / С.И. Маловичко // *Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории*. – Ставрополь, 2005. – Вып. 7. – С. 5.

¹⁸ На фоне несомненных кризисных явлений есть и позитивные тенденции, связанные с появлением исследований, которые выдержаны не в духе нормативной, а нарративно-дискурсивной историографии, что, в частности, относится к исследованиям Б.И. Ковалья (который, правда, и в советский период не совсем вписывался в официальный исследовательский канон – см.: Коваль Б.И. *История бразильского пролетариата, 1857 – 1967* / Б.И. Коваль. – М., 1968; Коваль Б.И. *Латинская Америка: революция и современность* / Б.И. Коваль. – М., 1981; Коваль Б.И. *Революция продолжается: опыт 70-х годов XX века* / Б.И. Коваль. – М., 1984; Коваль Б.И. *Революционный опыт XX века* / Б.И. Коваль. – М., 1988), Б.Ф. Мартынова и А.А. Слинько... См.: Коваль Б.И. *Трагическая героика XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса* / Б.И. Коваль. – М., 2005; Мартынов Б.Ф. *«Золотой канцлер». Барон де Рио-Бранко - великий дипломат Латинской Америки* / Б.Ф. Мартынов. – М., 2004; Слинько А.А. *Переход к демократии в условиях террористической войны и политической нестабильности (политические процессы в Перу)* / А.А. Слинько. – Воронеж, 2005.

¹⁹ В частной беседе с автором один из коллег старшего поколения, когда речь зашла книге, над которой автор тогда работал, указал, что следует побольше спорить с «буржуазной историографией».

граунде, который не принимается и последовательно отторгается некоторыми российскими латиноамериканистами.

В основе современной бразильской гуманистики лежит интеллектуальная постмодернистская рефлексия, которая базируется на интересе к западной, англоязычной (этот интерес, действительно, очень велик, о чем, в частности, свидетельствуют многочисленные рецензии на англоязычные исследования о Бразилии в бразильской гуманитарной периодике, стремление использовать классические и новейшие работы европейских и американских авторов, а так же появление специализированных исследований²⁰), латиноамериканистике и попытке интеграции в сферу бразильской истории тех исследовательских методов, которые были предложены во второй половине XX века европейскими и американскими интеллектуалами. Бразильские исследователи на несколько десятилетий раньше, чем их российские коллеги получили возможность знакомиться с «актуальной» англо-американской, итальянской и французской гуманистикой: сначала – с оригинальными текстами, а потом – и с переводами на португальский язык, изданными в Бразилии или в Португалии. Еще несколько десятилетий назад отечественная и бразильская латиноамериканистика базировались на диаметрально противоположных культурах отношения к тексту, чтения текста исследования.

Для советского латиноамериканиста любая несоветская книга была или образчиком «прогрессивной» или «буржуазной» (а если степень политической лояльности режиму была максимальной, то такая книга могла восприниматься и как «реакционная») историографии. Его бразильский коллега на труд, например, американского или французского исследователя, смотрел не как бык на красное. В Бразилии европейская и англо-американская гуманитарные традиции были восприняты иначе: интеллектуальная рефлексия местных исследователей привела к постепенной интеграции западного методологического инструментария в бразильские гуманитарные исследования. Поэтому, начался обратный процесс: результаты исследований бразильских гуманитариев, которые опирались на постмодернистские методологии, оказались востребованными и в англоязычных научных сообществах. И дело тут не только в том, что большинство современных бразильских гуманитариев пишут на двух языках – португальском и английском. На этом фоне становятся совершенно непонятными и неоправданными попытки некоторых российских латиноамериканистов старшего поколения объяснить трудности в отечественной латиноамериканистике тем, что западные авторы не знают русского языка и, соответственно, не читают их работы.

²⁰ См.: DeNipoti C., Joaquin A.L. *Novos brasilianistas: temas de história do Brasil na historiografia norte-americana recente* / C. DeNipoti, A.L. Joaquin // RHR. – 2001. – Vol. 6. – No 2. – P. 175 – 185; Maura G. *História de uma história: rumos da historiografia norte-americana no século XX* / G. Maura. – São Paulo, 1995.

В такой ситуации российская латиноамериканистика (в том числе – и бразиливедение) и бразильские исследования на Западе развиваются с опорой на различные методологические основания. Если в постсоветской российской латиноамериканистике господствует т.н. нормативный подход (иначе говоря, известно, что конечный продукт должен соответствовать определенному канону, сформированными идеологическими и в наименьшей степени научными требованиями), то в самой Бразилии гуманитарные исследования опираются на ту форму постмодернистского анализа, которую условно можно определить как нарративно-дискурсивную.

В то время, когда значительная часть отечественных исследований представляет собой описания исторического и политического контекста, механическая фиксация событий, западные и бразильские работы выглядят совершенно иначе. Бразильских исследователей уже давно интересует не столько сама история по себе, сколько ее отдельные дискурсы, нарративы (фиксации прошлого в письменных источниках), представления о фактах, взаимные представления, интеллектуальная история, локальная и региональная история, микроистория и история гендера. Иными словами, единый исторический канон разрушен, фрагментирован. На смену ему пришли *case studies*, в центре которых отдельные нарративы и дискурсы, связанные как с дискретными событиями, так и историческим контекстом. В этой ситуации, сам исторический контекст, своеобразный бэк-граунд прошлого, предстает не как одна целая и единая история, а как совокупность историй, отдельных «казусов», исторических сюжетов и интеллектуальных рефлексий. Вероятно, в этой ситуации следует сказать несколько слов о развитии гуманитарных исследований в современной Бразилии, точнее – о том разнообразном тематическом спектре, в рамках которого развивается бразильская гуманистика, а именно те ее тренды, которые связаны с изучением национализма и идентичностей.

Во-первых, как было отмечено выше, бразильские гуманитарии раньше, чем их российские коллеги получили доступ к переводам работ классиков исследований национализма. Версии этих работ на португальском языке появились не только относительно быстро, но некоторые из них уже успели выдержать несколько изданий²¹. Это, в частности, относится к классическим работам Бенедикта Андерсона²², Жигмунта Баумана²³, Джона Брейлли²⁴, Эрика Хобсбаума²⁵, Энтони

²¹ В последующих сносках автор стремился привести издания, которые, как правило, вышли в Бразилии, изредка, упоминая вышедшие в Португалии на португальском языке. Автор не исключает, что этот «список» далеко не полный.

²² Anderson B. *Nação e consciência nacional* / B. Anderson. – São Paulo, 1989; Anderson B. *Comunidades imaginadas, reflexões sobre a origem e a expansão do nacionalismo* / B. Anderson. – Lisboa, 2005; Anderson B. *Problemas dos nacionalismos contemporâneos* / B. Anderson // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 16 – 26; Benedict Anderson: *um inquito observador de estrelas* // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 9 – 15.

²³ Bauman Z. *Identidade* / Z. Bauman. – Rio de Janeiro, 2005.

²⁴ Entrevista: John Breuilly // TMRON. – 2006. – Vol. 2. – No 1. P. 12 – 47.

Смита²⁶, Эрнеста Геллнера²⁷, Гопала Балакришана²⁸. Кроме того, за первым переводом быстро следовали и португальские версии других работ в то время, когда российские исследователи нередко вынуждены довольствоваться одним монографическим изданием и несколькими статьями. Знакомство бразильских интеллектуалов с достижениями американских и британских исследователей национализма началось не в 1984 году (с появлением одного из переводов Э. Хобсбаума), а раньше – вероятно, во второй половине 1970-х годов, когда в их распоряжении оказались английские оригиналы книг тех авторов, которые к концу XX века были признаны как классики изучения национализма. Во-вторых, бразильское исследовательское сообщество и в годы существования недемократического военного режима развивалось как в значительной степени открытое новым концепциям. Начиная с конца 1960-х годов, на португальском языке появляются исследования английских, американских, итальянских и французских социологов, многие из которых до настоящего времени не переведены на русский язык.

Поэтому, бразильские интеллектуалы несравнимо раньше (на языке оригинала) и в несравнимо большем количестве смогли ознакомиться с переводными исследованиями французских революционеров от исторической науки²⁹ и литературоведения³⁰, а так же с классическими работами итальянца Карло Гинзбурга³¹. Среди переводов доминировали переводы с английского языка, что относится, в частности, к исследованиям Питэра Бёрка³², Энтони Гиддэнса³³, Сэмюэла Хантингтона³⁴. В-третьих, ситуация, при которой бразильские интеллектуалы имели доступ к английским, французским или итальянским оригиналам работ американских и европейских коллег, начиная со второй половины 1960-х годов (исследования крупной французской исследова-

²⁵ Hobsbawm E. *Nações e nacionalismo desde 1780* / E. Hobsbawm. – Rio de Janeiro, 1990 (2002); Hobsbawm E. *Nações e nacionalismo: programa, mito e realidade* / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1991; Hobsbawm E. *Era dos extremos: o breve século XX: 1914 – 1991* / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1995; Hobsbawm E., Ranger T. *A Invenção das tradições* / E. Hobsbawm, T. Ranger. – Rio de Janeiro, 1984.

²⁶ Smith A. *A identidade nacional* / A. Smith. – Lisboa, 1997; Smith A. *O nacionalismo e os historiadores* / A. Smith // *Um mapa da questão nacional* / ed G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000.

²⁷ Gellner E. *O advento do nacionalismo e sua interpretação: os mitos da nação e da classe* / E. Gellner // *Um mapa questão nacional* / ed. G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000; Gellner E. *Nacionalismo e democracia* / E. Gellner. – Brasília, 1981.

²⁸ Balakrishan G. *A imaginação nacional* / G. Balakrishan // *Um mapa da questão nacional* / ed G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000.

²⁹ Chartier R. *A história cultural: entre políticas e representações* / R. Chartier. – Lisboa, 1990; Le Goff J., Nora P. *História: novos objetos* / J. Le Goff, P. Nora. – Rio de Janeiro, 1976; Duby G. *Para uma história das mentalidades* / G. Duby. – Lisboa, 1999.

³⁰ Foucault M. *A ordem do discurso* / M. Foucault. – São Paulo, 2004; Halbwachs M. *A Memória Coletiva* / M. Halbwachs. – São Paulo, 1990; Kristeva J. *História de Linguagem* / J. Kristeva. – Lisboa, 1969.

³¹ Ginzburg C. *Relações de força: história, retórica e prova* / C. Ginzburg. – São Paulo, 2002.

³² Burke P. *História e sociologia* / P. Burke. – Porto, 1980; Burke P. *A arte de converção* / P. Burke. – São Paulo, 1995; Burke P. *A Escola dos Annalles, 1929 – 1989. A revolução francesa da historiografia* / P. Burke. – São Paulo, 1991; Burke P. *A fabricação do rei* / P. Burke. – Rio de Janeiro, 1993.

³³ Giddens A. *Modernidade e identidade* / A. Giddens. – Rio de Janeiro, 2002; Giddens A. *O Estado-nação e a violência* / A. Giddens. – Rio de Janeiro, 2001.

³⁴ Huntington S.P. *O soldado e o Estado: teoria e política das relações civis e militares* / S.P. Huntington. – Rio de Janeiro, 1996.

тельницы болгарского происхождения Юлии Кристевой были изданы на португальском языке в 1969 году), не привела к возникновению методологического разрыва и различных теоретических бэк-граундов, которые существуют между российской латиноамериканистикой и зарубежными исследователями.

Подобно европейским и американским коллегам бразильские гуманитарии, начиная со второй половины 1960-х годов, говорили на одном методологическом языке, применяя в значительной степени сходный (если – не идентичный) теоретический и исследовательский инструментарий. Это проявлялось, в том числе, и в тех сферах, которые были связаны с изучением национализма. В-четвертых, остановимся на некоторых достижениях бразильских авторов. В бразильском гуманитарном дискурсе практически сразу установилось восприятие национализма как разнообразного и многоуровневого феномена³⁵, что выразилось в появлении исследований междисциплинарного характера. Значительная часть работ выдержана в духе, стилистике и методологии интеллектуальной истории³⁶, касаясь проблем развития различных политических, культурных и интеллектуальных идентичностей, которые существовали в культурном дискурсе Бразилии на протяжении XX столетия, будучи созданными, благодаря усилиям Жилберту Фрейре³⁷, а так же других бразильских классиков гуманитарных исследований, среди которых Алберту Торрес, Силвиу Ромеру, Оливейра Вианна³⁸.

Бразильскими авторами создано немало работ, которые близки к англо-американским Nationalism Studies в классическом понимании самого этого исследовательского тренда и направления. Тематика подобных исследований разнообразна. Мы можем упомянуть работы близкие к имперским исследованиям³⁹, которые существуют в некото-

³⁵ Примечательно, что первые работы подобного плана вышли тогда, когда исследований национализма в современном понимании не существовало, но шел процесс их формирования и оформления. См.: Duarte N. *A Ordem Privada e a Organização Nacional* / N. Duarte. – Rio de Janeiro, 1939.

³⁶ Baêta Neves L.F. *História intelectual e história da educação* / L.F. Baêta Neves // RBE. – 2006. – Vol. 11. – No 32. – P. 340 – 377; Fico C. *Reinventando o optimismo: Didatura, propaganda e imaginário social no Brasil* / C. Fico. – Rio de Janeiro, 1997; Ferreira T.M. *Palácios de destinos cruzados: bibliotecas, homens, livros no Rio de Janeiro, 1870 – 1920* / T.M. Ferreira. – Rio de Janeiro, 1999; Lopes M.A. *A história do pensamento político dos Grands Doctinnaires à história social dea idéias* / M.A. Lopes // TSRS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 113 – 127; Santos A.C. *A invenção do Brasil* / A.C. Santos // RH. – 1985. – No 118. – P. 3 – 12.

³⁷ Amaral A. *Relações perigosas o imaginário freyriano no discurso governamental* / A. Amaral // TSRS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 163 – 186; Araujo R.B. *Guerra e Paz: Casa-Grande e Senzala e a obra Gilberto Freyre nos anos 30* / R.B. Araujo. – São Paulo, 1994; Bastos E.R. *Gilberto Freyre e a Questão Nacional* / E.R. Bastos // *Inteligência Brasileira* / ed. R. Moreas, R. Ferrante. – São Paulo, 1986; Gilberto Freyre e os estudos latino-americanos. – Pittsburgh, 2005.

³⁸ Luiz de Souza R. *Nacionalismo e autoritarismo em Alberto Torres* / R. Luiz de Souza. – Sociologias. – 2005. – Vol. 7. – No 13. – P. 302 – 323; Luiz de Souza R. *Método, raça e identidade nacional em Sílvio Romero* / R. Luiz de Souza // RHR. – 2004. – Vol. 9. – No 1. – P. 9 – 30; Marson A. *A ideologia nacionalista de Alberto Torres* / A. Marson. – São Paulo, 1979; Sússekind F., Ventura R. *História e dependência: cultura e sociedade em Manoel Bomfim* / F. Sússekind, R. Ventura. – Rio de Janeiro, 1981; Tavares J.N. *Autoritarismo e dependência: Oliveira Vianna e Alberto Torres* / J.N. Tavares. – Rio de Janeiro, 1979.

³⁹ Botelho T.R. *Censos e construção nacional no Brasil Imperial* / T.R. Botelho // TSRS. – Vol. 17. – No 1. – P. 321 – 341; Botelho T.R. *População e nação no Brasil do século XIX* / T.R. Botelho. – São Paulo,

рых восточно-европейских историографиях. Некоторые исследования посвящены анализу литературных текстов в контексте нациестроительства и развития идентичностей⁴⁰, что сближает бразильскую гуманистику с некоторыми европейскими исследовательскими трендами. Проблемы политической и культурной модернизации, постепенной трансформации традиционных локальных сообществ, соотношение «высокой» и «низкой» культур⁴¹ так же пребывает в сфере интересов бразильских авторов, работающих в методологическом поле *Nationalism Studies*. Не исключено, что именно это направление в перспективе может стать основой для формирования «новых, над-дисциплинарных областей социогуманитарного знания»⁴². Большинство исследований, принадлежащих к этому направлению, связано, вероятно, с анализом теоретических проблем развития и функционирования национализма, трансформацией идентичностей и формированием национального государства⁴³.

В такой ситуации имеет смысл в значительной степени пересмотреть постсоветские методы изучения латиноамериканской, в том числе – и бразильской, проблематики. Вероятно, в центре исследований посвященных Бразилии должны быть текст, контекст и бэк-граунд. Тексты интересны не просто как порождения той или иной эпохи. Они интересны сами по себе как попытка зафиксировать историческое, политическое и культурное время. Тексты интегрированы в более широкий контекст нарративных источников. Не исключено, что многие тексты связаны, взаимовлияли друг на друга. Одни тексты неизбежно ведут к появлению новых или забвению старых. За текстами всегда стоит интеллектуальный, культурный или идентичностный бэк-гаунд.

Эти бэк-гаунды диаметрально различны: интеллектуальная история, история идей, история текстов никогда не была единой⁴⁴. История в этом контексте – совокупность не фактов, а интерпретаций факта и фактов, история трансформируется в рефлексию о прошлом, ко-

1998; Gauer R.M. *A construção do Estado-nação no Brasil* / R.M. Gauer. – Curitiba, 2000; Oliveira L.L. *A questão nacional na Primeira República* / L.L. Oliveira. – São Paulo, 1990.

⁴⁰ Candido A. *Os brasileiros a literatura latino-americana* / A. Candido // NE. – 1981. – Vol. 1. – No 1. – P. 58 – 68; Araujo Pelegrini S. de, *Manifestações à problematização da palavra na poesia concreta* / S. de Araujo Pelegrini // RHR. – 2001. – Vol. 6. – No 1. – P. 39 – 60.

⁴¹ Cancilini N.C. *As culturas populares no capitalismo* / N.C. Cancilini. – São Paulo, 1983; Catanacci V. *Cultura Popular entre a tradição e a transformação* / V. Catanacci // SPP. – 2001. – Vol. 15. – No 2. – P. 28 – 35; *Literatura e Cultura tradição e modernidade* / ed. S. de Romalho. – Brasília, 1997; Ortiz R. *Cultura brasileira e identidade nacional* / R. Ortiz. – São Paulo, 1994.

⁴² Репина Л.П. *Историческая наука и современное общество*. – С. 7.

⁴³ Cardoso de Oliveira R. *Identidade, Etnia e Estrutura Social* / R. Cardoso de Oliveira. – São Paulo, 1976; De Luca T.R. *A Revista do Brasil: um diagnóstico para a (N)ação* / T.R. De Luca. – São Paulo, 1999; Domingos M., Martins M.D. *Significados do nacionalismo e do internacionalismo* / M. Domingos, M.D. Martins // TMRON. – 2006. – Vol. 2. – No 1. – P. 80 – 111; Guimarães M.L. *Nação e civilização nos trópicos* / M.L. Guimarães // EH. – 1988. – 1988. – Vol. 1. – P. 5 – 27; Reis J.C. *As identidades do Brasil* / J.C. Reis. – Rio de Janeiro, 1999; Vieira E. *Autoritarismo e corporativismo no Brasil* / E. Vieira. – São Paulo, 1981.

⁴⁴ Попытка интерпретации проблем, связанных с развитием национализма и идентичностей в Бразилии в духе идей, высказанных выше, содержатся в книге автора. См.: Курчанов М.В. *Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке* / М.В. Курчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений ВГУ, 2008.

торая запечатлена в нарративе, а рефлексия может перерасти в спекуляцию. Нам остается иметь дело только с текстами, помня о том, что текст, его появление, рефлексия о нем и спекуляция относительно него порождают процесс. Где лучше отражена история бразильской модернизации в период правления Жетулиу Варгаса? Не в советской, насыщенной цифровыми и статистическими данными, историографии, которая представляет собой рефлексия, граничащую со спекуляцией на идеологической почве. Сами тексты, тексты выступлений и президентских посланий, то есть сфера безраздельного доминирования политической наррации, в максимальной степени отражает политические дискурсы и стоящие за ними идентичности, интегрированные в широкий социальный и интеллектуальный бэк-граунд.

Вероятно, следует проститься с цифрой и обратиться к тексту. Это – не разрушение истории. Историю в принципе невозможно разрушить – мы имеем дело с фиксацией факта / события, а не самим фактом. Это – разрушение наших общих схематических представлений о прошлом. Это и прощание с иллюзией того, что возможно написание истории вообще. Фрагментированная история Бразилии – это и фрагментированные интеллектуальные и политические поля. Фрагментированная история Бразилии – это и параллельные политические культуры и параллельные интеллектуальные традиции. История Бразилии, в отличие от современной российской латиноамериканистики, это – не дорога с односторонним движением. Это совокупность историй – от истории политической до истории интеллектуальной, от истории бедности до истории богатства, от истории локальной / региональной до истории национальной, от истории социального до истории маргинального...

История становится историей различных социальных, культурных и политических пространств, на которых развиваются интеллектуальные традиции, порождающие культуры, создающие тексты. Мы вернулись к тому, с чего пытались начать. История Бразилии – это история текстов...

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Е.А. Щеблыкина

БРАЗИЛЬСКИЕ НЕМЦЫ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СООБЩЕСТВА

Существование в пределах страны определенного количества этнических групп и сообществ отличного от большинства населения является характерной чертой многих государств, даже тех, которые претендуют на статус национальных. Во многих странах Латинской Америки, в том числе – и в Бразилии, присутствуют такие группы, которые оказывают влияние на культуру страны, включая социальный, экономический и политический уровни. В этой статье анализируются проблемы иммиграции немцев в Бразилию и основные характеристики сообществ «бразильских» немцев: время и причины их прибытия в Бразилию, волны иммиграции, основные места поселений, особенности языка и проблемы ассимиляции, а также основные аспекты влияния культуры «бразильских» немцев на развитие и культуру Бразилии.

Бразильские немцы (по-немецки: *Deutschbrasilianer*, по-португальски: *teuto-brasileiro*) являются потомками жителей Германии и других немецкоязычных европейских государств. Они проживают во многих регионах Бразилии, но больше всего их в южной части страны, особенно в Рио-Гранде де Сул, Паране и Санта-Катарине. Сегодня более 12 миллионов бразильцев имеют немецкие корни¹. Когда первые немецко-говорящие иммигранты появились в Бразилии, а это было в начале XIX века, они рассматривали себя как особенное германобразильское сообщество. Постепенно их самосознание, отличное от самосознания обычных бразильцев, проявило себя в целой серии специфических геополитических и социальных аспектов². Немцы иммигрировали в основном из Германии, но были выходцы из Швейцарии, Австрии и России (т.н. «русские немцы»). Многие были вынуждены переехать в португалоязычную Бразилию из испано-говорящих стран Латинской Америки.

С 1824 по 1969 года более 250.000 немцев иммигрировало в Бразилию, став четвертой по величине общиной в стране после португальцев, итальянцев и испанцев. Большая часть из них прибыла в пе-

¹ Wikipedia, the free encyclopedia // http://en.wikipedia.org/wiki/German_Brazilian.

² Projeto Imigracao Alema // <http://www.rootsweb.com/~brawgw/alemanha/Cronologia.htm>.

риод между Первой и Второй Мировыми войнами; многие были евреями, спасающимися от развивающихся идей фашизма, которые поощряли истребление еврейской нации, включая конфискацию имущества и массовые убийства.

Первыми германскими поселенцами в Бразилии были 165 семей, которые обосновались в местечке *Ilheus* штате Байя в 1818 году. Спустя один год, 200 семей поселились в Сан Жорже на территории Байи. Некоторые немцы служили в армии после освобождения Бразилии от португальского владычества. Центром немецких поселений в 1818 году было Сан Леополду. К 1820-м годам Южная Бразилия в то время была регионом с очень низкой плотностью населения. Большинство жителей было сосредоточено на побережье, а внутренние районы страны были покрыты лесам и населены индейцами. Этот недостаток населения был проблемой, потому что Южная Бразилия могла быть просто присоединена к соседним странам. С того момента, как страна стала независима от Португалии, стало невозможно привести португальских иммигрантов. В тот период времени Германия страдала от эффектов, последовавших после войн с Наполеоном, перенаселения и нищеты сельской местности. Поэтому многие немцы переехали на постоянное место жительства в Бразилию. Более того, бразильская императрица Мария Леопольдина была австрийского происхождения и поощряла прибытие германских иммигрантов.

Первая община «бразильских» немцев была организована с помощью майора Шеффера, немца по происхождению, жившего в Бразилии. Он был послан в Германию с целью привести желающих для проживания и работы в Южной Америке. Из Рейнского региона майор привез иммигрантов и солдат. Чтобы привлечь их, бразильское правительство обещало им большие земельные территории, где они могли бы жить со своими семьями и колонизировать регион. На практике же это были земли в центре больших лесов, и первые германцы были фактически оставлены бразильскими властями без внимания. В период с 1824 по 1829 майор привез пять тысяч германских иммигрантов. Они селились в основном в сельской местности, которую называли колониями. Эти земли были поделены между переселенцами бразильским правительством³.

Первые годы существования немцев в Бразилии были непростыми. Многие умерли от тропических болезней, а большая часть оставшихся в живых стремилась покинуть колонии с целью найти лучшую жизнь в других местах. Так, германская колония Сан Леополду оказалась в бедственном положении: подавляющее большинство из ее поселенцев либо умерли от болезней, либо сбежали в другие районы. Тем не менее, в последующие годы более 4830 немцев прибыло в этот регион. Позднее в развитии немецких сообществ проявилась позитив-

³ http://en.wikipedia.org/wiki/German_Brazilian.

ная динамика, а немецкие колонисты стали основывать новые города города, среди которых был и Novo Hamburgo⁴. Из городов São Leopoldo и Novo Hamburgo немцы более активно стали расселяться и в другие регионы Бразилии. Однако, в течение 1830 – 1840-х годов немецкая иммиграция была прервана из-за конфликта в стране (War of the Farrapos).

Из всех диаспор иммигрантов в Бразилии наибольшую опасность для правительства представляли именно немецкие поселенцы, так как они представляли собой неассимилированную группу иммигрантов. В повседневной речи они чаще всего использовали немецкий язык, а также сохранили очень сильную культурную, политическую и сентиментальную зависимость от Vaterland – страны происхождения. Не смотря на то, что многочисленные статисты приводили в пример замкнутость диаспор, которые к 1942 году составляли уже более 1 миллиона человек, германская община в то же время способствовала развитию Южной Бразилии. Большую часть иммигрантов составляли бедные или люди с доходом чуть ниже среднего, немногие из них имели опыт ведения фермерского хозяйства. На первое место они ставили коммуникацию с другими немцами, чем и объяснялась закрытость их общин, поэтому контакты между переселенцами и коренными жителями были довольно редки (нельзя упускать из вида и тот факт, что для Южной Бразилии на данный период времени была характерна довольно низкая плотность населения, а немцы предпочитали селились в подавляющем большинстве на лесных невозделанных территориях). Смешанные семьи встречались крайне редко.

Особенно примечательна германская колонизация штата Санта-Катарина (Святая Катакрин)⁵: количество проживающих там немцев настолько превышало коренное население, что основными ориентирами в развитии экономики, политики и культуры стали преобладающими интересы иммигрантов. Благодаря этому в данном регионе была сформирована нацистская партия, а в ФРГ эту часть Бразилии называли Антарктической Германией ("Antarctic Germany"). Однако в период с 1933 до 1938 этот фактор имел особое значение: дело в том, что хорошо организованные немецкие школы с образованными учителями являлись очагами различных провокаций на национальной почве.

Иммиграция продолжилась после 1845 г. вместе с созданием новых колоний. Наиболее важные из них были Blumenau в 1850г. и Joinville d 1851 г., оба города находятся в Штате Святой Катарини⁶. Они привлекали тысячи иммигрантов в регион. Сегодня эти пространства германской колонизации считаются самыми изобильными в Бразилии с самым низким уровнем неработающего населения в стране, и они до сих пор очень привержены традициям. Также германские об-

⁴ German Overseas Migration in the Online-Databank HISTAT // <http://www.histat.gesis.org>.

⁵ Wir Deutschbrasilianer // http://www.topicos.net/fileadmin/pdf/2004/1/Wir_Deutschbrasilianer.pdf.

⁶ Instituto Brasileiro de Pesquisa Linguística - IPOL // <http://www.ipol.org.br>.

щины были созданы в Rio Grande do Sul и во многих других регионах страны.

Но не все немцы, поселившиеся в Бразилии, стали фермерами. В начале 20 века очень многие сельские местности Южной Бразилии были практически пусты, а большинство из них были населены германскими, итальянскими и польскими иммигрантами. В такой ситуации большинство германцев, прибывших в Бразилию в 20 веке селились в больших городах, хотя многие из них предпочитали жить в сельской местности.

Пик германской иммиграции пришелся на период 1910 -1 920-х годов. Кризис в Европе заставил немцев искать лучшую жизнь в других государствах, включая Бразилию, где они в своем большинстве были средним классом. В течение 1920-х и 1930-х годов, Бразилия так же привлекла и существенное число евреев, которые селились по большей части в Сан-Паулу. Германцы активно проникали в индустриализованные и развитые города Бразилии, такие как Порту Аллегри и Куритиба⁷.

Особое значение для немецких иммигрантов играли открытые ими школы, которые являлись своеобразными культурными центрами, обособленными от влияния бразильской культуры. В них детей учили любви к Отечеству, но под ним подразумевали не Бразилию, а Германию, передавали его культурные традиции, моральные нормы и правила поведения. Большое количество подобных школ, которые порождали нежелание юных немцев ассимилироваться, представляло для бразильских властей разрастающуюся в своем объеме проблему. С началом Первой Мировой войны оно было вынуждено закрыть немецкие школы и начать практически решать проблему "islands of culture".

Однако с окончанием войны германский вопрос продолжал оставаться нерешенным. В Бразилии начали развиваться идеи фашизма, которые к этому моменту получили некоторое распространение в Европе благодаря деятельности Третьего рейха. Данные события положили начало новому этапу в развитии истории Бразилии, которая не знала ничего подобного ранее. Это выразилось в распространении радикальных идей и реакцией на действия правительства⁸. Немецкие школы были преобразованы в Лигу школ, находящуюся под покровительством Национал-социалистической Организации Учителей, и к преподаванию допускались только прошедшие специальную нацистскую подготовку учителя. Преподавание велось по «переработанным» в соответствии с фашистской идеологией материалам. После Второй Мировой президент-националист Жетулиу Варгас ограничил использование немецкого языка в Бразилии, стремясь защитить свою страну

⁷ Pomerode's official website // <http://www.pomerode.com.br>.

⁸ Projeto Imigração Alemã // <http://www.rootsweb.com/~brawqgw/alemanha/Cronologia.htm>.

от дальнейшего развития крайних правых идей. В связи с этим уровень иммиграции существенно снизился.

На современном этапе большинство бразильских немцев говорят только на португальском языке. Это главным образом вызвано тем, что в школах немецкий язык был запрещен, равно как и публикация германской газеты (вместе с итальянской и японской) во время Второй Мировой войны, когда бразильцы разрушили дипломатические отношения с Германией⁹. Однако на немецком говорят около 600 000 человек как на первом или втором языке. Немецкая диаспора в южной части Бразилии сохранили традиции и язык по сей день. Однако они стараются избегать разговаривать на нем в публичных местах с теми, кто не принадлежит к их сообществу. Большинство бразильских германцев – это римские католики и лютеране. Немцы были первыми, кто построил на территории Бразилии протестантскую кирху.

Анализируя проблему ассимиляции немецких переселенцев, необходимо отметить, что когда немцы впервые прибыли в Южную Бразилию в 1824 году, они нашли страну с климатом и природными условиями сильно отличающимися от германских, что создало иммигрантам множество трудностей для дальнейшего проживания. В последующие годы волны немецких иммигрантов прибывали, они заселили различные регионы, преимущественно – в Южной Бразилии¹⁰.

К 1940 году около одного миллиона немцев переехало на постоянное место жительства в Бразилию. С другой стороны, население страны составляло на тот момент больше 40 миллионов. В 1942 года бразильские суда были атакованы немецкими военными кораблями, и бразильское правительство, находящееся под влиянием США, объявило войну Германии. Боясь, что германские сообщества восстанут против бразильского правительства, президент Жетулиу Варгас начал проводить программу культурной ассимиляции иммигрантов, которая работала довольно эффективно: было запрещено любое проявление немецкой культуры, германские школы были закрыты, дома с германской архитектурой были снесены, и использовать немецкий язык стало строго запрещено.

Именно с этого времени немецкие сообщества столкнулись с вызовами ассимиляции, хотя немецкие школы были снова открыты в течение 1950-х годов¹¹. С другой стороны, немцы имели прямое отношение к индустриализации и модернизации в Бразилии. Многие бразильские города строились с ориентиром на немецкие континентальные архитектурные нормы и традиции. Многие стороны бразильской, бытовой и массовой, культуры подверглись влиянию немцев. Пиво,

⁹ Pomerode's official website // <http://www.pomerode.com.br>.

¹⁰ http://en.wikipedia.org/wiki/German_Brazilian.

¹¹ <http://www.rootsweb.com/~brawqw/alemanha/Cronologia.htm>.

которое было привезено немецкими иммигрантами, сегодня наиболее популярный там напиток¹².

В заключении, подводя итоги, отметим следующее. Массовое переселение немцев в Бразилию началось задолго до Первой Мировой войны. Подавляющее большинство было людьми небогатыми, стремящимися найти лучшую жизнь и лучшую долю в других странах. Как и всем переселенцам, немцам, прибывшим в Бразилию, было очень трудно: в начальный период пребывания в стране одно из первых мест занимала проблема акклиматизации и незнания португальского языка, также остро стояли проблемы жилья, питания, работы для взрослых и обучения детей. Бразильское правительство, обещавшее снабдить мигрантов всем необходимым, на практике, выделило абсолютно не обработанные лесные территории. Но и в этой ситуации немцы смогли создать одну из наиболее организованных и успешно функционирующих сообществ в Бразилии. Вероятно, немецкое трудолюбие сыграло в данном аспекте решающую роль: на сегодняшний день места, заселенные «бразильскими» немцами считаются наиболее благополучными и динамично развивающимися.

С другой стороны, следует подчеркнуть, что в период между 1910-ми и 1950-ми годами немецкое сообщество была самым многочисленным в Бразилии. Вместе с тем, оно являлось и наиболее замкнутым, что представляло собой большую проблему для бразильского правительства. При этом с 1930-х годов, среди немцев начинают распространяться идеи национальных радикалов с их исторической родины, которые особенно активно пропагандировались в немецких школах. Данное обстоятельство вынудило правительство Бразилии взять на вооружение ассимиляционистскую модель.

В целом, немецкие иммигранты, прибывшие в Бразилию, смогли успешно интегрироваться и ассимилировать. Германская диаспора способствовала успешному развитию экономических, политических и духовных аспектов жизни Бразилии. Таким образом, большое значение для Бразилии и бразильского населения имели те знания и навыки, которым иммигранты могли поделиться с бразильцами. Это подчеркивает, что проблемы функционирования и существования немецких сообществ, развитие немецких идентичностей в Бразилии нуждается в дальнейшем изучении.

¹² German Overseas Migration in the Online-Databank HISTAT // <http://www.histat.gesis.org>.

Н.М.Миронов
**ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ
МЕЖАМЕРИКАНСКОЙ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

Становление межамериканской системы защиты прав человека началось на рубеже XIX-XX веков, когда в регионе был принят ряд многосторонних договоров, затрагивавших правовой статус отдельных категорий лиц. Прежде всего, речь шла о статусе и правах мигрантов – иностранных или натурализованных граждан. В частности, в 1902 году в Мехико была заключена многосторонняя Конвенция о правах иностранцев, в 1906 году – Конвенция о статусе натурализованных граждан (Рио-де-Жанейро). В 1923 году на 5-й Межамериканской конференции в Сантьяго (Чили) принята Резолюция о правах женщин, иностранных граждан и их детей, в 1928 году – Конвенция о правах иностранцев и о праве убежища (Гавана).

В дальнейшем перечень тем, которые рассматривались в рамках формирующейся межамериканской системы защиты прав человека, расширялся. Например, в 1936 году состоялась межамериканская конференция по вопросам прав и обязанностей женщин в связи с проблемами мира. На 8-й Межамериканской конференции в г.Лима в 1938 году был принят ряд резолюций по различным аспектам защиты прав личности, в том числе о свободе ассоциаций, о свободе выражения мнений трудящимися, о проблемах войны и мира и правах человека, о недискриминации (в связи с расовыми и религиозными различиями) и другие.

Логическим результатом первого этапа сотрудничества по вопросам прав личности в регионе стала институционализация региональной правозащитной системы на межгосударственном уровне. Этому способствовало формальное (а иной раз и фактическое) участие многих стран американского континента во Второй мировой войне и в проходящих накануне и после ее завершения процессах становления универсальных международных институтов – ООН, Международного суда и т.д. На либеральной волне, когда заговорили о возможности всемирного признания примата общечеловеческих ценностей, недопустимости агрессивной войны и человеконенавистнических идеологий Межамериканская конференция по проблемам войны и мира в Мехико провозгласила верховенство прав и свобод человека в регионе (1945 год). В документах конференции говорилось о необходимости формирования международной системы защиты прав человека и о международно-правовом регулировании статуса личности.

Основной темой правозащитной повестки в американском регионе стала тема укрепления демократического устройства в двух главных аспектах: на межгосударственном и на внутригосударственном уровнях. Считалось доказанным, что защита прав и свобод чело-

века невозможна без демократического устройства государства и межгосударственной системы, что агрессивная война – закономерный результат внутривластных процессов в недемократическом, нелиберальном обществе.

Институциональное оформление межамериканской системы защиты прав человека проходило в несколько этапов. Первый из них связан с созданием Организации американских государств (ОАГ). В 1948 г. на 9-й Межамериканской конференции в Боготе (Колумбия) был принят Устав ОАГ. В нем указывалось, что солидарность американских государств предписывает им политическую организацию на базе эффективного осуществления представительной демократии. Устав закреплял принцип уважения неотъемлемых прав человеческой личности без различия расы, национальности, веры и пола. Приверженность указанным принципам рассматривалась как базис духовного единства Америки.

2 мая 1948 года, за 7 месяцев до принятия Всеобщей декларации прав человека (ООН), государствами американского континента была провозглашена Декларация о правах и обязанностях человека (состоявшая из 38 статей).

В течение 10 следующих лет разрабатывалась институциональная база новой системы. В 1959 году на 5-м совещании министров иностранных дел стран региона была принята резолюция «Права человека», которая постановляла образовать Межамериканскую комиссию по правам человека (МКПЧ), имеющую полномочия по содействию уважению прав человека. В резолюции говорилось: «Создать Межамериканскую комиссию по правам человека, состоящую из 5 членов¹, каждого из которых Совет ОАГ избирает из числа трех кандидатов, предлагаемых правительствами государств – участников; эта Комиссия будет уполномочена поощрять уважение прав человека на основе полномочий, которые определит указанный Совет; он же будет организовывать ее деятельность». В соответствии с указанным поручением, в 1960 году Советом ОАГ был принят первый Статут МКПЧ. С образованием МКПЧ американский регион получил собственный региональный юрисдикционный механизм защиты прав человека. До этого подобный институт был сформирован на европейском континенте в рамках Совета Европы (Европейский суд по права человека и Европейская комиссия в соответствии с Римской конвенцией 1950 года).

Статут МКПЧ 1960 года предусматривал следующий порядок ее формирования. В Комиссию избиралось 7 человек, каждый из них представлял все страны ОАГ, действовал от их имени. Каждое правительство предлагало 3 кандидатуры, из числа которых тайным голосованием Совет ОАГ избирал членов Комиссии. В составе МКПЧ госу-

¹ При формировании МКПЧ ее численный состав был увеличен до 7 членов.

дарства могли быть представлены только одним членом Комиссии. В этом же порядке члены МКПЧ могли быть переизбраны на новый 4-летний срок, причем государства – участники были вправе предложить кандидатуры не только своих граждан, но и граждан других государств. Соответственно, юридически ослаблялась зависимость членов МКПЧ от своих правительств.

Комиссия избирала из своего состава председателя, срок полномочий которого составлял 2 года с правом переизбрания не более чем 1 раз. Это также способствовало независимости МКПЧ, поскольку исключалась возможность оказывать на нее влияние через председателя, как это нередко бывает в коллегиальных органах.

Указанный порядок формирования МКПЧ отражает особенности построения властных институтов в Латинской Америке. Для этого региона традиционной является форма коллегиального органа, члены которого избираются на основе предлагаемых соответствующими субъектами «троек» кандидатов, и состав которого подвергается регулярной частичной ротации. Обычным также можно назвать избрание председателя коллегиального органа из его состава, с установлением для него срока полномочий меньше, чем срок полномочий указанного органа.

В первые годы своего существования (до 1966 г.) функция МКПЧ сводилась, в основном, к общему мониторингу прав и свобод человека в регионе и формулированию соответствующих индивидуальных и общих рекомендаций. Небезынтересно, что МКПЧ принимала непосредственное участие в оформлении своего правового статуса. В частности, сама Комиссия уточнила состав полномочий, закрепленный Статутом, приняв решение о том, что она вправе вырабатывать рекомендации, как для всех государств-членов, так и для каждого из них, с тем, чтобы в них принимались действенные меры для обеспечения прав человека в рамках внутреннего законодательства. Новшеством в данном случае была практика индивидуальных рекомендаций, прямо в Статуте не предусмотренных. Комиссия также стала проводить изучение состояния прав человека *in loco* (на месте)². Свои рекомендации она включала в ежегодный доклад, который представлялся ею в органы ОАГ.

В то же время, в первое десятилетие своей деятельности МКПЧ не пошла на кардинальное расширение собственной компетенции. Это хорошо видно на примере вопроса о возможности принятия и рассмотрения индивидуальных жалоб на нарушения прав человека. МКПЧ на первой своей сессии приняла решение о том, что Статут не наделяет ее таким полномочием. Однако, принимая во внимание, что рассмотрение подобных жалоб позволяет лучше знать ситуацию с правами человека, Комиссия установила, что жалобы и сообщения,

² Первый визит *in loco* состоялся 22-29 октября 1961 года в Доминиканскую Республику.

которые она будет получать от индивидуальных лиц, она будет рассматривать как информационные в интересах лучшего исполнения других своих функций.

Дальнейшее расширение компетенции МКПЧ имело место в 1966 году. На прошедшей в этом году внеочередной межамериканской конференции была принята резолюция о расширении полномочий и функций Комиссии, в которой предусматривалось, что:

- МКПЧ должна обеспечивать контроль за соблюдением основных прав человека в каждом государстве – участнике ОАГ;

- Комиссия уполномочена изучать направляемые ей индивидуальные сообщения и обращаться к правительствам соответствующих государств с целью получения от него необходимой информации и выработки рекомендаций для обеспечения соблюдения прав человека;

- Комиссия готовит ежегодный доклад, представляемый на меж-американские конференции или консультативные совещания МИД стран региона.

Это решение позволило МКПЧ восполнить «пробел» в части рассмотрения индивидуальных жалоб. В правовом отношении устранялось самое существенное различие между европейской и американской системами защиты прав человека. Произошло признание де-юре права индивида использовать межгосударственные юрисдикционные механизмы защиты своих прав и свобод, что означало изменение юридического статуса личности на континенте в его соотношения с государственным суверенитетом.

На своей 13-й сессии МКПЧ включила в Статут 1960-го года статью 9bis, в который закрепила новые полномочия:

- МКПЧ должна уделять особое внимание соблюдению следующих прав и свобод человека: право на жизнь, свободу и неприкосновенность личности; равенство в правах и обязанностях, запрет дискриминации; свобода совести и вероисповедания; право на информацию и свободу мысли и выражения собственного мнения; право на государственную, главным образом, судебную защиту своих прав и свобод; запрет на лишение лица свободы иначе как случаях и порядке, установленных законом, принятым до заключения под стражу; запрет на лишение свободы за гражданские деликты; право на процедуру habeas corpus; право на гуманное обращение во время нахождения под стражей; презумпция невиновности, право на беспристрастный, публичный, компетентный суд, запрет жестоких, позорящих и унижающих наказаний. Перечисленные права рассматривались как основа межамериканской системы защиты прав человека;

- МКПЧ изучает индивидуальные и коллективные обращения и в связи с ними направляет заинтересованным правительствам запросы, а также рекомендации с целью добиться соблюдения прав человека;

- Комиссия представляет ОАГ ежегодный отчет, включающий сведения о состоянии прав человека, конкретные факты и предложения в связи с нарушениями прав личности отдельными государствами.

Был также дополнен Регламент Комиссии³, в котором в разделе «сообщения и жалобы, направляемые в Комиссию (статьи 37-58) установлена следующая процедура рассмотрения таких сообщений и жалоб. МКПЧ в качестве предварительной меры должна установить, были ли надлежащим образом исчерпаны внутригосударственные средства правовой защиты государства – участника, выступающего «ответчиком». Затем устанавливается 6-месячный срок, в течение которого государству направляется уведомление о нарушении прав человека. В следующие 180 дней это государство должно представить в Комиссию объяснения по соответствующим фактам. МКПЧ также вправе заслушать личные объяснения сторон, провести другие «следственные» действия, а также «изучение *in loco*»⁴ (с выездом рабочей группы в страну, где имело место предполагаемое нарушение). Если правительство в указанный срок не направило информацию, Комиссия презюмирует достоверность заявленных в жалобе фактов. В любом случае, установив, что имело место нарушение, МКПЧ готовит соответствующий индивидуальный доклад, включающий рекомендации заинтересованному правительству. Если правительство не примет в разумный срок рекомендованных мер, Комиссия может сформулировать замечания, которые включает в ежегодный доклад конференции или консультативному совещанию. Кроме того, индивидуальный доклад может быть опубликован.

Введение вышеуказанной процедуры было большим шагом вперед в развитии межамериканской системы защиты прав человека. Хотя с позиций современной юрисдикционной правозащитной системы, например европейской, практика обязательных лишь в моральном плане информационных докладов может показаться мало эффективной, однако для Латинской Америки 1960-70-х годов, когда в большинстве стран региона у власти находились неконституционные правительства или готовились военные перевороты, сопровождаемые репрессиями, это было достижением.

В юридическом отношении в этот период происходило становление основополагающих правовых институтов, без которых невозможна межгосударственная система защиты прав человека. В частности, речь идет о закреплении категории «жертва» ущемления прав, под которой понималась как собственно жертва нарушения, о котором сообщено Комиссии, так и лицо, выступившее в ее защиту и само подвергшееся преследованию, а также о разделении категорий заявителя и лица, в пользу которого возбуждается «иск» против правитель-

³ OEA/Ser.L/V/II.17 doc.26 de 2 de mayo de 1967; Действующий Регламент принят на 109 сессии МКПЧ в декабре 2000 года.

⁴ См.: Регламент о наблюдениях *in loco* // OEA/Ser.L/V/II.35, doc.4 rev.1, 15 de octubre de 1975.

ства. В целом, формировались материально- и процессуально-правовые нормы и институты, вырисовывалась схема административно-судебного международного процесса, предназначенного для разрешения споров о правах личности.

Важной вехой в развитии межамериканской системы защиты прав человека стало принятие в ноябре 1969 г. Американской конвенции о правах человека (так называемый «Пакт Сан-Хосе»)⁵, которая, помимо закрепления соответствующих прав и свобод, скорректировала статус МКПЧ. Период 1969-1978 гг. является переходным периодом, в течение которого был заложен фундамент современного статуса Комиссии⁶.

В положениях главы VII Конвенции, которая посвящена МКПЧ, получили развитие рассмотренные ранее элементы статуса Комиссии. Был сохранен ее количественный состав (7 членов)⁷, порядок избрания членов Комиссии и срок их полномочий (4 года). В дополнение к ранее действовавшему порядку Конвенция требовала от правительств государств – участников, чтобы хотя бы один из предлагаемых ими кандидатов был гражданином другого государства, что должно способствовать независимости Комиссии.

Конвенцией установлены следующие основные полномочия МКПЧ:

- развивать познания в области прав человека среди народов Америки;
- давать рекомендации правительствам государств - участников, когда она сочтет разумным, для принятия мер по защите прав человека в рамках предписаний их национального права и Конституции, также как и соответствующих мер в целях соблюдения этих прав;
- подготавливать такие исследования или доклады, какие она считает разумными при исполнении своих обязанностей;
- запрашивать у правительств государств - участников информацию о мерах, принятых ими в области прав человека;
- отвечать через Генеральный секретариат ОАГ на запросы, сделанные государством - участником по вопросам, относящимся к правам человека, и, в рамках своих возможностей, оказывать таким государствам консультативные услуги по их требованиям;
- предпринимать действия в отношении жалоб и сообщений в рамках своих полномочий;
- представлять ежегодный доклад Генеральной ассамблеи Организации американских государств.

В Конвенции установлено, что любое лицо или группа лиц, или любая неправительственная организация, законно признанная в одном

⁵ Вступила в силу 18 июля 1978 года.

⁶ Он основан на рассматриваемых ниже положениях Конвенции, а также Статута МКПЧ 1979 года и ее Регламента 2000 года.

⁷ В настоящее время в состав Комиссии входят представители следующих государств: Парагвай, Бразилия, Эль-Сальвадор, Антигуа и Барбуда, Венесуэла, США, Аргентина.

или более государстве – участнике ОАГ, могут подавать петиции в Комиссию, содержащие обвинения или жалобы о нарушении настоящей Конвенции государством – участником. Принятие Комиссией обращения осуществляется с соблюдением следующих условий:

- внутригосударственные средства судебной защиты исчерпаны в соответствии с общепризнанными принципами международного права;

- жалоба подана в течение шести месяцев с даты, когда стороне, ссылающейся на нарушение ее прав, было сообщено об окончательном решении (данные два пункта не применяются, если национальное законодательство соответствующего государства не предоставляет должной возможности для судебной защиты права или прав, которые согласно заявлению были нарушены, либо стороне, заявившей о нарушении ее прав, было отказано в доступе к средствам судебной защиты в национальных судебных органах или ей препятствовали в их полном использовании, а также при неоправданной задержке в принятии решения);

- петиция или сообщение не является предметом рассмотрения другой международной процедуры.

Недопустимыми являются, в частности, обращения, которые:

- не содержат фактов, ведущих к установлению нарушения прав, гарантированных настоящей Конвенцией;

- явно безосновательны или очевидно не относятся к компетенции Комиссии;

- ранее уже рассматривались Комиссией или в рамках иной международной процедуры.

Установленная в 1960-е годы процедура рассмотрения жалоб и сообщений претерпела незначительные изменения. МКПЧ также как и раньше, запрашивает у правительства информацию и направляет ему материалы дела. Если государство приняло меры по восстановлению нарушенных прав, либо нарушение не имело места, Комиссия может прекратить производство. Одним из новшеств является процедура «полюбовного» разрешения спора, то есть «мирового» соглашения между правительством и жертвой нарушения прав. Если вопрос подобным образом не урегулирован, Комиссия осуществляет расследование, в том числе заслушиваются устные объяснения сторон, истребуются необходимые доказательства, проводится изучение вопроса *in loco*⁸. В рамках этой процедуры Комиссия составляет доклад о деле, содержащий, в том числе необходимые рекомендации правительству. Получив от правительства информацию о выполнении этих рекомендаций, МКПЧ принимает решение, достаточны ли принятые меры. Если меры не приняты или не являются достаточными, Комиссия со-

⁸ Последний визит *in loco* имел место в сентябре 2004 года по вопросу о дискриминации и насилии в отношении женщин в Республике Гватемала. Всего за 1961-2004 гг. совершено 90 таких визитов.

ставляет свое заключение, включает его в ежегодный доклад, а также может опубликовать его в форме специального доклада.

Основное нововведение, которое было закреплено в Пакте Сан-Хосе, - это включение в региональную правозащитную систему Межамериканского суда по правам человека⁹. Пакт закрепил следующий статус суда: он состоит из семи судей (так же, как и члены МКПЧ, они избираются из предлагаемых правительствами кандидатур), которые имеют срок полномочий 6 лет, с обновлением состава суда каждые три года наполовину. Во всех делах, рассматриваемых в суде, одной из сторон является МКПЧ. Суд приступает к рассмотрению спора только в том случае, когда исчерпана процедура его разрешения в МКПЧ. Обязательным условием для передачи дела в суд является признание соответствующим государством его компетенции.

В формальном отношении компетенция суда напоминает привычную для западноевропейского права судебную юрисдикцию, являющуюся одним из элементов публичного властвования. В частности, Межамериканский суд по правам человека наделен такими типичными для судебной власти полномочиями, как право принятия обеспечительных мер по делу (для устранения возможности нанесения непоправимого ущерба предмету иска), он принимает обязательные постановления/предписания сторонам о запрете чинить препятствия в пользовании правами, принимает меры к восстановлению нарушенных прав, например, в форме выплаты компенсации (это сближает компетенцию суда с компетенцией Европейского суда по правам человека).

Публично-властный характер полномочий суда подкрепляется нормой Пакта о том, что государства – участники обязаны неукоснительно соблюдать его решения. Санкции в отношении этих государств могут быть применены Генеральной Ассамблеей по представлению МКПЧ или суда. В принципе, сама выплата компенсации уже является международно-правовой санкцией.

Межамериканский суд по правам человека вместе с МКПЧ образуют региональный межгосударственный юрисдикционный механизм, обеспечивающий защиту и восстановление нарушенных прав человека, признаваемых на континенте. Суд добавляет созданной системе формально-юридический, «властный» антураж, восполняет недостающие у МКПЧ публично-властные функции. В то же время, именно МКПЧ была и остается органом, на который приходится основная масса дел, проходящих через межамериканскую систему защиты прав человека. Сама процедура их рассмотрения построена таким образом, что соответствующие споры могут быть разрешены Комиссией без передачи в суд. МКПЧ не является органом по предварительному рассмотрению жалоб до их передачи в суд, процедура комиссионного

⁹ Деятельность суда осуществляется в соответствии со Статутом 1979 года и Регламентом 2003 года.

разрешения споров, в принципе, самодостаточна. В этом существенное отличие межамериканской системы от европейской, где вся нагрузка приходится на Европейский суд по правам человека и где процедура рассмотрения дел в комиссии вообще была упразднена в 1994 году. Для американского континента, правовая и политическая системы стран которого менее гомогенны и где интеграционные процессы протекают иначе, чем в Европе, пока остается непривычным передавать дела в межгосударственный властный орган, наделенный судебными функциями и уполномоченный налагать санкции на государства – участников. Фактически более действенным является механизм морально-политической ответственности, основанный на рассмотрении дел в Комиссии¹⁰.

В период с момента создания МКПЧ до настоящего времени произошло существенное расширение ее полномочий и, соответственно, ее влияния. МКПЧ и Межамериканский суд по правам человека образуют взаимодополняющий механизм защиты прав и свобод человека, признаваемых государствами – участниками ОАГ, который имеет достаточно большой «кредит доверия» в регионе. Усилилось влияние МКПЧ на процессы развития региональной правовой системы, а также на внутригосударственное право и состояние прав человека в отдельных странах¹¹.

При МКПЧ действует ряд специализированных органов, таких как службы мониторинга (*relatorias*) по ряду актуальных направлений, например, по вопросам свободы слова, прав женщин, индейцев, трудящихся-мигрантов и членов их семей, лиц, лишенных свободы. В декабре 2001 года создано административное ведомство по работе с правозащитными организациями (правозащитниками) региона (декабрь 2001 года).

Ежегодно МКПЧ представляет доклады, в которых рассматривается состояние прав человека в государствах – участниках, указываются результаты изучения индивидуальных обращений (последний доклад – за 2007 год, появился в марте 2008 года). Из этих докладов видно, что именно разрешение индивидуальных споров становится основным направлением деятельности МКПЧ. Традиционно в докладах присутствуют разделы, посвященные отдельным государствам региона. Расширяется практика составления специальных докладов: по отдельным странам или по отдельным направлениям (свобода слова, терроризм и права человека, коррупция и т.д.).

¹⁰ Опубликование Комиссией замечаний по фактам нарушения прав человека можно, в принципе, формально рассматривать как применение мер юридической ответственности (своего рода «выговор»).

¹¹ Один из примеров – ссылка на материалы дела, рассматриваемого МКПЧ, как на основание для расширения прав женщин в избирательном процессе, в декрете президента Аргентины от 28 декабря 2000 года №1246/2000, которым регламентируется так называемая «женская квота» на выборах.

Получила развитие правовая база межамериканской системы защиты прав человека. В последние годы был принят ряд новых региональных правовых актов, например межамериканские конвенции о насильственном похищении людей (1994 г.), о предупреждении пыток (1985 г.), о предупреждении насилия против женщин (1994 г.), о недопущении различных форм дискриминации лиц, с ограниченными физическими возможностями (1999 г.). На сессии Генеральной ассамблеи ОАГ, открывшейся 11 сентября 2001 года, одобрена Межамериканская демократическая хартия, вновь подтвердившая принцип представительной демократии. В 1990 году принят протокол к Пакту Сан-Хосе, предусматривающий отмену смертной казни. В 1988 году дополнительным протоколом к указанному Пакту конкретизирован перечень признаваемых на континенте социально-экономических и культурных прав.

В нынешнем своем виде межамериканская система защиты прав человека имеет свою специфику. Основные права и свободы со времени принятия первых актов о правах личности, в частности, Декларации о правах и обязанностях 1948 года, положения которой охранялись МКПЧ в первые два десятилетия своей деятельности, рассматриваются сквозь призму особого, отличного от традиционного европейского подхода к правовому статусу личности. Этот статус позиционируется в значительной степени в контексте прав и обязанностей социальных коллективов, прежде всего, семьи – основной ячейки общества. Именно в таком ракурсе выявляется содержание прав женщины, ребенка, трудоспособного мужчины, нетрудоспособного лица и т.д. Семейные ценности, в основе которых положена категория «очага» (домашнего хозяйства, психологической и материальной сферы существования семьи) отражены в большинстве конституций и законодательстве стран региона. Другой особенностью является взаимообусловленность прав и обязанностей человека, общества, государства. Последнее обеспечивает защиту прав личности, когда личность исполняет свой долг перед государством. Отсюда, например, вытекает закрепленный еще в Декларации 1948-го года обязательный вотум, характерный для основного состава стран региона (Латинская Америка). Большое влияние в Центральной и Южной Америке имеет католическая церковь¹². Еще одна особенность связана с таким аспектом правозащитной повестки, как обеспечение прав индейцев – автохтонного населения Америк.

Отсутствие ярко выраженной эмансипации личности, которую в рамках латиноамериканского правопонимания не принято рассматривать сугубо обособленно и в противопоставлении государству, накла-

¹² В законодательстве ряда стран региона признается главенствующая роль Римско-католической церкви, присутствует соответствующая риторика, например, государственные функционеры приносят присягу именем Бога и Святых Евангелий; в то же время гарантируется свобода совести и право устанавливать и исповедывать иные культы.

дывает свой отпечаток и на состояние правозащитных институтов в регионе. Государство и внутригосударственное право – неотъемлемый элемент региональной системы защиты прав человека. Прежде всего, эта система должна обеспечить соблюдение прав государствами и в рамках государств. Можно с известными оговорками утверждать, что система ценностей, признаваемых в контексте региональных правозащитных институтов, в значительно меньшей степени, чем европейская, отделяет человека от коллектива – территориального, религиозного и т.д. В этом аспекте правопонимание латиноамериканского региона сближается с российским. Центрально- и южноамериканский континент демонстрирует собственную интерпретацию западной парадигмы взаимоотношений личность – общество – государство. В связи с этим межамериканская система прав человека имеет свой потенциал развития, который может быть в определенной мере интересен и для других регионов.

М.В. Кирчанов

БРАЗИЛЬСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЕЕ КОНТЕКСТЫ: ДИСКУРСЫ НАЦИОНАЛИЗМА, ИДЕНТИЧНОСТИ, ГЕНДЕРА, ПРОТЕСТА И ЛОЯЛЬНОСТИ

Одним из положений path dependence theory является признание того, что результаты любых политических процессов и движений зависят от стартовой точки социальных перемен и политических изменений. Иными словами, то, куда придет сообщество зависит от того, откуда оно выйдет. Эта теория вполне применима для изучения политических процессов, в том числе – и процессов политического транзита и модернизации, которые в ряде случаев могут протекать одновременно. В центре внимания настоящей статьи – теоретические аспекты политической модернизации в Бразилии, точнее – судьбы некоторых политических институтов и метаморфозы политических процессов в контексте трансформационных изменений.

Вероятно, политический процесс не ограничивался в Бразилии исключительно политической сферой функционирования общества. Модернизация стала, в первую очередь, разрушением традиционных идентичностей, формированием новых политических культур, лояльностей и идентичностей. Эти стороны модернизационного процесса оказались чрезвычайно сложными и многоуровневыми. Не следует сводить модернизацию к той или иной политической динамике, которая вылилась в триумф демократических ценностей и идей гражданского общества. Бразильская модернизация – это формирования новых идентичностных трендов и стоящих за ними интеллектуальных бэк-граундов. В Бразилии процесс модернизации был связан с формированием новой современной идентичности.

Процессы формирования национальной идентичности отличаются сложностью и многообразием форм, в которых может протекать сам процесс и разнообразием различных идентичностей и идентичностных проектов, которые возникают в рамках того или иного сообщества. Нередко процесс формирования идентичности, которая является основой национализма как институционализированного движения или оформленного протеста, сводят исключительно к политической сфере существования общества.

Но сфера проявления национального не ограничивается исключительно политикой. Политические процессы нередко способствуют обратному процессу – постепенной денационализации того или иного сообщества. Когда возникает национализм в Бразилии? В европейской истории XIX век стал столетием национализма. Латиноамериканские государства не были исключением. Для развития национализма в Латинской Америке существовали все необходимые условия, и национализм в этом регионе действительно развивался. Это был, как правило, политический (либеральный гражданский) национализм. С другой

стороны, следует вновь вернуться к проблеме, заявленной выше. Что являлось сферой проявления национальных / националистических чувств, сферой доминирования и развития национального националистического воображения? И хотя географически Бразилия, как и все остальные государства Латинской Америки, были крайне далеки от Европы – не следует в Южной Америке видеть периферию, аутсай-дера политических процессов XIX столетия.

Иными словами, Бразилия, подобно европейским национализирующимся странам и обществам, была национализирующимся государством и обществом. Но каким образом протекала национализация в Европе? Национализм как патриотическое чувство и политическая идея был, вероятно, уделом относительно небольшого количества людей, местных интеллектуалов. Сфера влияния национализма нередко совпадала с границами существования и пределами доминирования «высокой культуры»¹. Первыми националистами в континентальной Европе, действительно, были люди образованные - писатели, поэты, политики, которые нередко принадлежали к высшим классам общества. Именно они, изучая язык крестьян, записывая народные песни, сделали много, чтобы позднее на политической и исторической арене появились нации, о которых они мечтали и которые существовали исключительно в их воображении.

Нередко в формировании национальной идентичности и национализма немалую роль играет и процесс выработки интеллектуалами нарративов о чужих. Объективно этими «чужими» и «другими» могли быть кто угодно – соседи, имеющие свое, но враждебное, национальное или национализирующее государство (например, французы для немцев); другая нация, которая так же переживала процесс национального возрождения (в частности, чехи для словаков, или поляки для украинцев); или вообще другие, синтезированные в классический образ чуждости, который, например, в Центральной и Восточной Европе четко соотносился с евреями. Формирование этого образа «другого» / «чужого» объективно осложнялось отношениями зависимости и подчинения, отношениями господина и раба, отношениями колонизатора и колонизируемого. Как протекало формирования нарративов, связанных с появлением в национальной идентичности комплекса представлений о чужих и чуждости в Южной Америке, в частности – в Бразилии?

Выше мы упомянули, что синтезированный образ чуждости и, вероятно, неправильности, по мнению восточно-европейского крестьянина, представлял собой еврей. В Бразилии на роль подобного чужака в глазах белых, романоязычных, бразильцев и все нарастающего потока эмигрантов, мог претендовать, вероятно, даже не негр, а только

¹ О «высокой культуре» см.: Mornet D. *Les Origines intellectuelles de la Revolution française 1715 – 1787* / D. Mornet. – Paris, 1967; Шартье Р. *Культурные истоки Французской революции* / Р. Шартье. – М., 2001.

индеец. Негры, хотя и были рабами, но не исключено, что, в глазах белых бразильцев, они выглядели большими людьми, чем индейцы². Действительно, негры говорили по-португальски, они умели работать, среди них были квалифицированные работники, которых к тому же можно было и продать. Индеец же по всем этим показателям, по мнению белых бразильских интеллектуалов, уступал негру – по-португальски он почти не говорил, образ его жизни казался им диким. Иными словами, индейцы наилучшим образом подходили на роль «чужих».

Особую роль в формировании новой политической идентичности сыграл Жозе дэ Аленкар. Хронологически творческая активность Жозе дэ Аленкара совпала со временем формирования комплекса нарративов, связанных с концептами чуждости и инакости. В такой ситуации литературные тексты играли роль своеобразного канала для транслирования и укрепления национальной идентичности. Развитие концепта чуждости в бразильской литературе было связано с развитием отношений угнетаемых / угнетенных с угнетающими. В этом отношении тексты Жозе дэ Аленкара представляют яркий образчик постколониальной литературы. Отношения между колонизаторами и их жертвами нередко имели и гендерный бэк-граунд, развиваясь как отношения постепенного покорения белым завоевателем женщиной местной женщины.

Покорение и подчинение нередко вообразилось в бразильской интеллектуальной традиции как добровольный акт, как сознательное принятие норм европейской культуры и добровольный отказ от традиции и архаики. В этом контексте творческое наследие Жозе дэ Аленкара начинает постепенно разрушать границы романтического дискурса в литературе. Вероятно, Жозе дэ Аленкар был одним из предшественников бразильского модернизма, который совершенно иначе представлял себе отношения доминирования и зависимости, в том числе – и гендерные. Тексты Аленкара отражают идеи о существовании особых, пограничных и поэтому маргинальных идентичностей покоренного, колонизированного, но не ассимилированного индейского населения.

Нарушив границы романтического дискурса, Аленкар вместе с тем и не стал модернистом. Используя именно индейские нарративы для формирования образа «чужого», бразильские интеллектуалы смогли институционализировать свое собственное сообщество, бразильскую политическую нацию. Появление политической нации стало

² *О неграх в бразильской интеллектуальной традиции см.: Schwarzman S. Guerreiro Ramos: o problema do Negro na Sociologia Brasileira // CNT. – 1954. – Vol. 2. – No 2. – P. 189 – 220; Filho D.P. A trajetória do negro na literatura brasileira / D.P. Filho // EA. – 2004. – Vol. 18. – No 50. – P. 161 – 193; Rabassa G. O negro na ficção brasileira / G. Rabassa. – Rio de Janeiro, 1965; Soares de Gouvêa M. Imagens do negro na literatura infantil brasileira: análise historiográfica // EP. – 2005. – Vol. 31. – No 1. – P. 79 – 89; Costa E.V. O mito da democracia racial no Brasil / E.V. Costa // Da Monarquia a República. Momentos Decisivos. – São Paulo, 1985; Fernandes Fl. A integração do negro na sociedade de classe / Fl. Fernandes. – São Paulo, 1965.*

важнейшей предпосылкой для собственно политической модернизации. Несмотря на признанный статус в истории бразильской литературы, романы Жозе дэ Аленкара в значительной степени маргинальны – маргинальны не в силу своей неестественности, а в контексте тех идентичностей, носителями которых являются герои этих текстов. Позднее на смену им пришел новый тип литературного героя с более четкими идентичностными представлениями. На смену националистам-романтикам пришли националисты-модернисты...

Литературный триумф модернизма в Бразилии тесно связан с началом модернизационных процессов и в политической сфере. История Бразилии XX столетия – это история модернизации, история экономического роста, политического и культурного успеха и прогресса. Вероятно, все эти позитивные перемены, которые произошли в жизни бразильского общества на протяжении XX века, были бы маловероятны без двух событий, состоявшихся в XIX столетии. Речь идет об отмене рабства и провозглашении республики. Хотя, вероятно, второе событие имело гораздо меньшее значение для модернизации в силу того, что определенные модернизационные процессы в Бразилии, связанные с развитием «высокой культуры» и распространением идеи политической нации вполне успешно протекали и в рамках монархического режима.

Основным препятствием на пути к широкой и успешной модернизации было именно сохранение рабства. Рабство представляло собой весьма архаичный институт, что осознавалось и некоторыми носителями «высокой культуры» в Бразилии. В задачу автора в этом разделе не входит анализ феномена бразильского рабства³ с нравственных позиций. Само существование такого института как рабство оказывало значительное влияние на развитие бразильского общества. Институт рабства имел несколько измерений, и экономическое, вероятно, было не самым важным.

Существование рабства вело к развитию особых отношений в рамках сложившихся типов политической культуры, идентичности и лояльности⁴. Рабство повлияло на появление пограничных идентичностных типов. Не исключено, что не только рабы, но и некоторые из их хозяев были носителями маргинальных, переходных, идентичностей. Вот почему сам факт существования и использования рабства подчеркивал сосуществование в Бразилии нескольких культур и идентично-

³ О рабстве в Бразилии и его роли в развитии идентичности и различных политических культур и интеллектуальных традиций см.: *Brasil: Colonização e Escravão* / ed. B. Nizza da Silva. – Rio de Janeiro, 2000; Bergard L. *Slavery and the Demographic and Economic History of Minas Gerais, Brazil, 1720 – 1888* / L. Bergard. - Cambridge, 1999; Fernandes E. *Família escrava numa boca do Sertão. Lenções, 1860 – 1888* / E. Fernandes // RHR. – 2003. – Vol. 8. – No 1. – P. 9 – 30; Couty L. *A Escavidão no Brasil* / L. Couty. – Rio de Janeiro, 1881 (1988); Mattoso K. *Ser escravo no Brasil* / K. Mattoso. - São Paulo, 1982; Mattoso K. *Família e sociedade na Bahia só século XIX* / K. Mattoso. – São Paulo, 1988.

⁴ См. подробнее: Florentino M., Coes J.R. *A paz das senzalas* / M. Florentino, J.R. Goes. – Rio de Janeiro, 1997; Moura C. *Rebeliões de Senzala* / C. Moura. – Rio de Janeiro, 1972.

стей. Городские культуры выглядели на фоне сельской периферии явно более современно.

Воздействие городской культуры нередко могло заканчиваться там, где вступали в силу традиционные отношения, связанные с рабством. В свою очередь, рабство было такой темой, о которой редкий бразильский интеллигент, носитель «высокой культуры» упускал возможность порефлексировать. Само рабство было крайне благоприятной почвой (как не цинично это звучит) для культурных дебатов и интеллектуальных дискуссий. Само существование в Бразилии до второй половины 1880-х годов рабства, вероятно, свидетельствует о том, что страна пребывала на начальном этапе процессов модернизации. Политическая сфера так же продолжала оставаться узкой и монополизированной представителями «высокой культуры». Политические партии, как институты представительства интересов различных социальных слоев и носителей разных идентичностей, пребывали в зачаточном состоянии. Поэтому, дискурс политического доминировал в культурной сфере, что вело к тому, что литературные тексты писались как тексты политические. В условиях отсутствия гражданских и политических свобод литература превращается в важный канал развития национальной идентичности: не только в этнической, но и в политической сфере.

Культуры на протяжении длительного времени сосуществовали и продолжают существовать, что ставит перед нами целый ряд проблем, важнейшая из которых состоит в следующем: какая культура в наибольшей степени способствует развитию национализма и национальной идентичности? На протяжении длительного времени предложение и выработка идентичностей было уделом почти исключительно «высокой» культуры. Это, в частности, характерно для истории европейских наций, в описании и интерпретации которых присутствует мощный примордиалистский тренд, опирающийся на развитую традицию интеллектуальной жизни, которая в том числе представлена и нарративными источниками. Именно эти тексты дают нам возможность судить о развитии европейских идентичностей.

Изучая Латинскую Америку и Бразилию, в частности, исследователь сталкивается с несколько отличным от Европы культурным и интеллектуальным контекстом. Бразилия исторически, в течение длительного времени, развивалась как колония европейской периферии – Португалии. В Южную Америку португальские колонисты принесли свои культурные ценности и идентичности, трансплантировав их на местную почву. Бразилия обрела политическую независимость от Португалии в первой четверти XIX века – времени почти безграничного и безраздельного доминирования «высокой культуры». Именно носители «высокой культуры» и выступали в роли создателей наций. Развитие «высокой» культурной традиции в Бразилии того времени (как и Европы в целом) отмечено последовательной сменой различ-

ных культурных трендов, которые доминировали в культурной жизни страны. Первым в ряду таких трендов и продуктов эволюции почти исключительно «высокой» культуры был романтизм.

Для своего времени романтизм был универсальной площадкой для развития идентичностных проектов как литературе, так и в истории. В литературе романтизм заявил о себе созданием классических образов национального гения и национальной добродетели, в то время как в сфере «исторического» знания романтики придавались столь безудержной интеллектуальной спекуляции, что история стала не сферой изучения прошлого, а сферой создания и культивирования исторических мифов. В бразильской литературе авторы-романтики сделали немало для развития национальной идентичности, особенно – для развития концепта самости и появления образа инакости. Идеал романтиков был в прошлом, а образа «чужого» для развития нормальной идентичности было явно недостаточно. Это, вероятно, понимали и сами романтики. Поэтому, в разделе, посвященном индейским романам одного из крупнейших бразильских романтиков Жозе дэ Аленкара, мы констатировали, что самому писателю было, скорее всего, узко в рамках доминировавшей тогда романтически идиллической парадигмы рефлексии над бразильской историей. Именно поэтому автор указывал, что на смену романтизму в бразильской литературе приходит модернизм.

Литературный триумф модернизма⁵ совпал с кризисом и почти смертью «высокой культуры»: в такой ситуации, если романтизм предлагал в значительной степени унифицированные схемы поведения героев (и, как результат, унифицированные идентичности), то модернизм предложил несколько вариантов поведения в условиях определенного идентичностного кризиса. На смену сингулярной идентичности приходит идентичность серийная. «Гибель» культуры элиты была ознаменована значительной политизацией масс и появлением новых политических движений, которые предлагали новые идентичностные проекты и культурные идентичности. Рождение новых идентичностей новых современных (современных) наций протекало чрезвычайно тяжело, сопровождаясь острыми интеллектуальными дебатами.

Именно модернизм привел не только к появлению серийных идентичностей, но и к дефрагментации идентичностного дискурса, выделению левых и правых трендов⁶. Но это было характерно для раз-

⁵ О модернизме см.: *Modernism in Twentieth-Century Poetry*. – NY., 1970; *Odkrywanie Modernizmu. Przekłady i komentarze*. – Krakow, 1998; Гундорова Т. *Проявления слова. Дискурс раннего украинського модернізму. Постмодерна інтерпретація* / Т. Гундорова. – Львів, 1997; Моренець В. *Національні шляхи поетичного модерну першої половини ХХ ст.: Україна і Польща* / В. Моренець. – Київ, 2002; Павличко С. *Дискурс модернізму в українській літературі* / С. Павличко. – Київ, 1997 (1999).

⁶ О модернизме в контексте интеллектуальной истории Бразилии см.: *Essa gente do Rio. Modernismo e nacionalismo*. – Rio de Janeiro, 1999; Casto Gomes A. *Os intelectuais cariocas, o modernismo e o nacionalismo: O caso de Festa* / A. Casrto Gomes // LBR. – 2004. – Vol. 41. – No 1. – P. 80 – 106; *Modernidade e modernismo do Brasil* / ed. A.T. Fabris. – São Paulo, 1994.

витого модернизма первой половины XX века. Ранний модернизм (или прото-модернизм) столь ярко выраженной политической детерминированностью не отличался. С другой стороны, тексты, возникшие в рамках раннего модернизма, демонстрируют целый ряд интересных идентичностных дискурсов, на которых мы остановимся в этом разделе, выбрав в качестве источника тексты классика бразильской литературы Мошаду дэ Ассиза (1839 – 1908). В литературе, посвященной Мошаду дэ Ассизу, он, как правило, предстает как писатель-реалист, хотя эта тенденция не столь однозначна⁷. Вероятно, реализм играл роль внешнего бэк-граунда в то время, когда наибольший интерес для него представляли переживания и искания героев в мире весьма непонятном, мире не совсем нормальном и адекватном. Это мир доминирования разрушенной хронологии, мир в значительной степени разобщенный и дефрагментированный, сфера доминирования идентичностей не модерна и не архаики, а идентичностей перехода.

Ранний модернизм (или протомодернизм) сыграл значительную роль в формировании, развитии и даже появлении новых идентичностей на территории Бразилии. Развитие модернистского тренда в литературе было связано с кризисом «высокой культуры», носителями которой являлись представители политической, культурной и интеллектуальной элиты. Примечательно, что в этом случае кризисные явления осознали сами носители этой культурной идентичности, став провозвестниками новых культурных и литературных практик. В рамках этой новой, «большой» культурной рефлексии, были подвергнуты радикальной ревизии те ценности, которые ранее казались почти неизблемыми. Переоценка охватила все сферы жизни, в первую очередь – отношения полов.

Значение бразильского модернизма в литературе крайне велико для модернизации в политической сфере. В новой идентичности, предлагаемой и создаваемой усилиями модернистов, формировались и новый мужчина, и новая женщина. Среди них теперь было сложно определить однозначного лидера и аутсайдера. Эти понятия перестали быть гендерно маркированными, утратив связь и с социальным статусом. В этой новой идентичности сам статус стал весьма подвижным. Но эта статусная динамика почти не затрагивала социального, культурного и интеллектуального бэк-граунда в целом. Литература раннего бразильского модернизма – это литература, отмеченная сочетанием новых и архаичных институтов при условии почти полного доминирования традиции.

⁷ См.: Castello J.A. *Realismo e ilusão em Machado de Assis* / J.A. Castello. – São Paulo, 1969; Barros da Silva A.L. *Machado de Assis: anti-apologista, anti-romantico, anti-realista. Paper presented in "VIII Congresso Luso-Afro-Brasileiro de Ciências Sociais, Coimbra, 2004, Setembro, 16 – 18; Bosi A. Machado de Assis / A. Bosi. – São Paulo, 2003; Brandão O. O niilista Machado de Assis / O. Brandão. – Rio de Janeiro, 1958; Chalhaub S. Machado de Assis historiador / S. Chalhaub. – São Paulo, 2003; Gledson J. Machado de Assis: impostura e realismo / J. Gledson. – São Paulo, 1991; Ferreira Martins R.A. *Macado de Assis e a literatura brasileira do oitocentos: um projeto da literatura nacional* / R.A. Ferreira Martins // RHR. – 2002. – Vol. 7. – No 2. – P. 9 – 32*

Ранний бразильский модернизм – это литература начинающейся модернизации. Начало модернизационных процессов стало возможно благодаря кризису традиционной высокой культуры и постепенному распаду романтического тренда в литературе. Разрушая старую романтическую идентичность, ломая социальные стереотипы и каноны, пересматривая социальные роли, ранний модернизм готовил почву для расцвета новых, современных, идентичностей, который были в значительной степени более дефрагментированными, развиваясь в контексте историзации нации, а так же в рамках левого и правого литературного трендов в интеллектуальной жизни Бразилии.

Механизмы зарождения национализма как политического движения и национализма как политической идеологии в контексте политической модернизации (модернизация невозможна без нации – главного детища националистов, в противном случае – модернизировать просто нечего) принадлежат к числу дискуссионных проблем. Представителями исследовательского сообщества высказываются различные точки зрения, начиная с утверждения о том, что проблема является надуманной в виду примордиального характера нации и завершая различными модернистско-конструктивистскими теориями. Сторонники последних могут связывать возникновение национализма как доктрины и организованного националистического движения как фактора политической жизни с различными процессами – социальными переменами, стимулирующими модернизацию; протестом периферии против центра; политическими процессами разложения имперских политических институтов и структур под нажимом новых национальных движений и молодых агрессивных интеллигенций.

В политологической литературе предложено немало интерпретаций начала национализма и, как следствие, модернизации. Одна из наиболее популярных и востребованных теорий связана с анализом роли интеллектуального сообщества, носителей «высокой культуры» в формировании идеологий нового типа, первой в ряду которых и явился национализм. Действительно, если мы обратимся к истории любого европейского, североамериканского и латиноамериканского национализма, первыми националистами почти всегда были те, кого можно назвать носителями «высокой культуры». Ситуация особенно очевидна в центрально-европейском контексте, где некоторые первые националисты не говорили на языке того народа, за национальное развитие и освобождение которого они ратовали. В регионе Латинской Америке сложилась несколько иная ситуация, местная специфика была очевидной, локальные особенности очень значительными, но и в этом и в Южной Америке первыми националистами оказались носители «высокой культуры».

Национализм как политическая доктрина был связан с кризисом классической европейской «высокой культуры» и тех ее форм, которые были перенесены португальскими и испанскими колонизаторами,

в том числе – и представителями, политической элиты, в Латинскую Америку. Национализм стал своеобразной рефлексией (если угодно – аутопсихотерапией) некоторых носителей «высокой культуры» относительно кризиса и постепенного разрушения устоев традиционного общества под напором начинавшейся в Европе модернизации.

Итак, «высокая культура» была неразрывно связана с интеллектуальной рефлексией, которая, в свою очередь, имела различные проявления, одним из которых был интерес к истории, изучение истории и написание истории. Но в такой ситуации может возникнуть вопрос относительно связи истории с национализмом. Применение истории не ограничивается изучением только прошлого. Формирование национальной идентичности в Бразилии протекало, в том числе, и в рамках интерпретации исторических событий прошлого⁸.

Практически в каждой национальной исторической науке были и есть исследователи-националисты⁹ и историки без конкретных национальных пристрастий, заинтересованные в развитии исторической науки как таковой¹⁰. В разные исторические периоды влияние этих групп и число их приверженцев может быть различным. В периоды активной политической борьбы, национального движения или патриотической эйфории в результате обретения независимости – национализм может стать единственной парадигмой, определяющей направление исторических исследований¹¹. В периоды относительной политической и экономической стабильности национализм в исторической науке являет собой маргинальное направление. Но в период политической модернизации, особенно – ранней модернизации, национализм, вооружающий нацию прошлым, является необходимым условием модернизации в силу того, что строить новое общество не-

⁸ Проблемы связи истории и национализма получили некоторое изучение в Бразилии. См.: Castro Gomes A. *História e historiadores: a política cultural do Estado Novo* / A. Castro Gomes. – Rio de Janeiro, 1996; Gomes Á. *História e historiadores* / Á. Gomes. – Rio de Janeiro, 1996; Contijo R. Manoel Bomfim, “pensador da História” na Primeira República / R. Contijo // RBH. – 2003. – Vol. 23. – No 45. – P. 129 – 154; Iglesias F. *Historiadores do Brasil (capítulos de historiografia brasileira)* / F. Iglesias. – Rio de Janeiro, 2000.

⁹ См. в связи с этим классическую статью британского историка Энтони Смита «Национализм и историки». Смит Э.Д. *Национализм и историки* / Э.Д. Смит // *Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 236 – 263.

¹⁰ О связи исторических исследований с национализмом см.: Friedman J. *History, Political Identity and Myth* / J. Friedman // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. – 2001. – No 1; McCormack G. *The Japanese Movement to “Correct History”* / G. McCormack // *Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States* / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 53 – 73; Gerow A. *Consuming Asia, Consuming Japan: the New Neonationalistic Revisionism in Japan* / A. Gerow // *Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States* / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 74 – 95; Козут З.Є. *Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні* / З.Є. Козут // *Козут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України* / З.Є. Козут. – Київ, 2004.

¹¹ См.: Agamben G. *Infância e história: Destruição da experiência e origem de história* / G. Agamben. – Belo Horizonte, 2005; Bann S. *An invenções da e história* / S. Bann. – São Paulo, 1994; Moscateli R. *Um redescobrimento historiográfico do Brasil* / R. Moscateli // RHR. – 2000. – Vol. 5. – No 1. – P. 187 – 201; *Domínios da história: ensaios de teoria e metodologia* / eds. C.F. Cardoso, R. Vainfas. – Rio de Janeiro, 1997; *Fontes históricas* / ed. C. Pinsky. – São Paulo, 2005.

возможно без рефлексии относительного того общества, разрушением которого и занимались националисты.

Бразильская история как проект возникает к началу XX века, когда проблемы корректировки новой идентичности стали более актуальной проблемой. Изучение национальной истории и, как следствие, развитие национальной историографии является, вероятно, одной из важнейших частей эволюции (точнее – возникновения и развития) современной идентичности. История первых националистов была не просто написанной историей – она была сферой существования их идентичности. Бразильские историки играли не менее выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма, чем бразильские политики. Именно историкам, которые нередко создавали нации в своем воображении (а политической реальностью они становились гораздо позднее), принадлежит заслуга создания культурного, политического и социального основания для самой идеи нации. Бразильская история писалась и создавалась как определенный концепт самости, как концепт идентичности, который основывается на радикальном отделении от какой-либо другой идентичности.

Поэтому мы можем предположить, что создание национальной историографии играет определяющую роль в формировании современной идентичности – политической и национальной. Появление в Бразилии бразильской истории сделало легитимным существование бразильской политической нации. Без истории бразильцы не являлись нацией. Поэтому политический и интеллектуальный императив написания истории оказался чрезвычайно важным для бразильских националистов, которые осознали потенциал истории, точнее – написанной истории – в борьбе за равноправие с другими нациями, которые уже успели заявить о себе не просто в качестве исторических, но и политических. Восприятие истории – это сфера формирования, изменения и донесения истории до конечных потребителей – широких национализирующихся масс. Нет более лучшей сферы для развертывания национального нарратива и культивирования националистических мифов, чем история. Дебаты, споры и дискуссии по поводу прошлого (не важно – своего или чужого, хотя известны случаи, когда рефлексия над чужой историей способствует если не возникновению, то хотя бы росту национализма) обычно сопровождают формирование нации.

Академически написанная и политически выверенная (в зависимости от ситуации история может стать важным политическим фактором), соотнесенная с политическим и социальным заказом история является одним из важнейших звеньев в цепи, при помощи которой общество, с одной стороны, сохраняет и охраняет идею гражданства, а, с другой, идеализируя свое прошлое, предлагают своим членам будущее. Известно, что это сделали представители и носители «высокой культуры». Представители масс, несвязанные с традициями «высокой культуры», думавшие в категориях культуры серийной и растиражи-

рованной при помощи популярных политических брошюр и дешевых газет, захватят лидерство в организованных националистических движениях позднее, в начале XX столетия. XVIII и XIX века – время интеллектуальной монополии носителей «высокой культуры» в национализме. Но в такой ситуации возникает вопрос относительно того, кем была представлена «высокая культура» в Бразилии? Это была культура тех, кого в «новой исторической науке» (речь идет о «школе “Анналов”») нередко определяют как «представителей имущих классов» и в этом определении нет социального подтекста, а есть только констатация факта.

Носители «высокой культуры» обладали иными социальными, политическими, экономическими и главное – культурными и интеллектуальными, статусами чем «молчаливое большинство». Их политическая монополия опиралась, вероятно, не только на принуждение и насилие. Она имела свой важнейший бэк-граунд в другом – в монополизации интеллектуального труда, в монополизации самого права на выпуск и распространение интеллектуального продукта. Иногда и представители «молчаливого большинства» делали карьеру и становились носителями «высокой культуры», но они порывали со своей социальной родиной и подобные случаи были исключением, нежели правилом. В XX веке на смену сингулярным, уникальным идентичностям пришли серийные идентичностные проекты, что было вызвано двумя процессами. С одной стороны, модернизация привела к расширению политического дискурса за счет постепенной интеграции в него широких слоев населения.

С другой стороны, политизация масс выдвигала новые идентичностные проекты и концепты, которые отличались от ранее доминировавшей высокой культуры. Выходцы из масс, из молчаливого большинства так же не были чужды исторической рефлексии. Несмотря на появление и развитие новых идентичностей, исторические исследования по-прежнему оставались тесно связанными с политической динамикой, а история, как наука, с национализмом. История Бразилии XIX века – это не просто ранний этап существования независимого бразильского государства. Это – период национальной консолидации, которая протекала в условиях почти полного и безраздельного доминирования в интеллектуальной и культурной жизни правого политического дискурса. Вероятно, этому в значительной степени способствовало и то, что Бразилия в то время была единственным латиноамериканским государством с монархическим устройством. Этот правый дискурс не исчез и после провозглашения Республики.

Он в некоторой степени уступил свои позиции новому левому дискурсу, некоторые представители которого в 1950 – 1960-е годы провозгласили в Бразилии конец истории, низведя исторический процесс к технократическим и социальным изменениям, к последовательной и планомерной модернизации страны. Иными словами, история

стало только подготовительной фазой модернизации. Для бразильских левых 1960-х годов, история – это не сфера битвы за идентичность. История деградировала до уровня интеллектуальной рефлексии с определенным, леворадикальным и националистическим, подтекстом.

Восприятие истории потребителями, для коих она была создана, может стать причиной мобилизации, легитимации и / или политизации той или иной национальной идентичности. При этом национальные нарративы, как и сами истории, представляют собой далеко незаконченные проекты, которые требуют постоянной ревизии и ре-интерпретации. Это вызвано тем, что история пишется, создается, «воображается» и «изобретается» в определенном контексте и представляет собой проект определенного типа. Нередко этот проект испытывает зависимость от социального бэк-граунда.

Написание истории является и результатом социальных позиций. Эти социальные позиции формируют условия существования и воспроизводства идентичности, которая служит для проявления самости, для подчеркивания черт того или иного сообщества. Поэтому, дискурс истории в современном обществе, пережившем модернизацию, подобно мифу в традиционном обществе, существующем в условиях доминирования архаичной культуры, представляет собой и дискурс идентичности. Но и история остается в значительной степени мифической (точнее: мифологизированной) конструкцией в том смысле, что она представляет собой представление о прошлом тесно связанное с утверждением идентичности в настоящем. Бразилия не была исключением: история в этой стране нередко использовалась для легитимации социальных процессов и состояний, для оправдания произошедших политических изменений.

Выше автор констатировал, что модернизм в формировании и развитии национализма играет не менее важную роль, чем романтизм¹². Если романтизм способствует идеализации прошлого, являясь одним из важнейших стимулов в развитии национального воображения, то модернизм ознаменовал собой своеобразный идентичностный переворот, внося радикальные изменения и новации в развитие идентичности в Бразилии и в новые, постоянно появляющиеся, идентичностные проекты, представленные в литературных текстах. Автор уже неоднократно указывал, что важнейшее значение модернизма в развитии национализма состоит в том, что модернизм изменил саму сущность дискурса идентичности.

¹² В данном случае автор солидаризируется в бразильской интеллектуальной традиции, в которой эта связь неоднократно подчеркивалась. См. например: Maggie Y. Mário de Andrade ainda vive? O ideário modernista em questão / Y. Maggie // RBCS. – 2005. – Vol. 20. – No 58. – P. 5 – 21; Zago Conçalves L. O Lugar do Modernismo em Textos Críticos de Tristão de Athayde e de Mário de Andrade / L. Zago Conçalves // RPPC. – 2000. – No 1. – P. 149 – 164; Fokkema D. Modernismo e Pós-Modernismo. História. Literária / D. Fokkema. – Lisboa, 1983; Diogo A., Monteiro R.S. Modernismos, Pós-Modernismos, Anacronismas. – Lisboa, 1993.

Романтический бэк-граунд был, скорее всего, протонациональным, а не национальным, что было связано с четким соотношением романтизма и «высокой культуры». Такие романтические идентичностные проекты редко выходили за пределы интеллектуального сообщества. Модернизм, наоборот, было более понятным и, вероятно, привлекательным для носителей «низкой» народной культуры. Модернизм постепенно разрушил сингулярные идентичности интеллектуального сообщества – идентичность стала серийным и массовым продуктом.

Начав разрушение традиционной культуры, модернизм привел и к чрезвычайно дроблению, дефрагментации идентичностного дискурса. За общим и единым модернистским бэк-граундом скрывались и развивались различные идентичности, связанные с разными политическими трендами – левыми и правыми¹³. В такой ситуации модернизм привел к значительной политизации интеллектуального пространства. Литературные тексты обрели не просто идентичностный бэк-граунд, но и нашли идентичностно-политические, в том числе – и гендерные¹⁴, обоснования. Поэтому, литературные тексты стали сферами развития не просто различных бразильских идентичностных проектов. Эти проекты могли быть левыми или правыми. С другой стороны, обращаясь к наследию Машаду дэ Ассиза, автор констатировал, что модернистский тренд в литературе имел тенденции к превращению в тренд гендерно маркированный, гендерно ориентированный. В бразильской литературе постепенно возникал феминизм.

Бразильские писательницы не были лишены склонности к рефлексии над бразильской действительностью, за которой стояла их идентичность¹⁵. Примечательно, что это была, вероятно, идентичность двойственного плана – и гендерная, и политическая. В данном случае автор склонен сформулировать несколько провокационный вопрос: к какой политической идентичности, левой или правой, склонялись бразильские писательницы. Не исключено, что к обществу, которое переживало процессы бурной модернизации (начиная с 1930-х годов), в

¹³ О сочетании политической и гендерной идентичности см.: Lopes D.H. *Integralismo: uma das oportunidades de participação feminina no espaço público* / D.H. Lopes // RICFFC. – 2004. – Vol. 4. – No 2.

¹⁴ См.: Alves B.M. *Ideologia e feminismo: a luta da mulher pelo voto no Brasil* / B.M. Alves. – Petrópolis, 1980; Alves B.M., Pitangay J. *A que é memínismo* / B.M. Alves, J. Pitangay. – São Paulo, 1982; Flores M. *A política da beleza: nacionalismo, corpo e sexualidade no projeto de pardonização brasileira* / M. Flores // DL. – 2000. – No 1. – P. 88 – 109; Pedro J.M. *Mulheres Honestas e Mulheres Faladas: uma questão de classe* / J.M. Pedro. – Florianópolis, 1998; Perrot M. *Práticas de Memória Feminina* / M. Perrot // RBH. – 1989. – Vol. 8. – No 18; Zimbrão da Silva T. *Mulheres, Cultura e Literatura Brasileira* / T. Zimbrão da Silva // IREL. – Vol. 2. – No 3. – P. 91 – 100; Zimmermann T.R. *Medeiros M.M. de, Biografia e Gênero: repensando o feminino* / T.R. Zimmermann, M.M. de Medeiros // RHR. – 2004. – Vol. 9. – No 1. – P. 31 – 44.

¹⁵ О соотношении гендера и национализма доступна русская версия статьи Сильвии Уолби, содержащая критический обзор основных концепций. См.: Уолби С. *Женщина и нация* / С. Уолби // *Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 308 – 331. Английская литература по этой теме достаточно обширна. См. например: Enloe C. *Bananas, Beaches and Bases* / C. Enloe. – L., 1989; Jayawardena K. *Feminism and Nationalism in the Third World* / K. Jayawardena. – L., 1986; Showalter E.A. *A Literary of their Own: British Women Novelists from Bronte to Lessing* / E.A. Showalter. – Princeton, 1977.

обществе, склонном к политизации и увлечению крайними (в зависимости от политической ситуации – левыми или правыми) идеями – мощный феминистский дискурс в литературе совпал с влиятельным левым трендом в политической жизни. Поэтому, «классический» портрет бразильской писательницы 1930 – 1950-х годов может быть, вероятно, таким: феминистка, левая и радикально ориентированная¹⁶.

Политический и интеллектуальный ландшафт в Бразилии на момент появления гендерно ориентированных политических текстов отличался значительной степенью расколотости и дефрагментированности. Наряду с несомненными тенденциями к модернизации традиционные институты и отношения оставались не только стабильными и устойчивыми, но и успешно функционирующими. Нередко современность носила сугубо внешний характер, что проявлялось в принятии достижений европейской науки и искусства, что в принципе не составляло для бразильских политических и культурных элит, носителей «высокой культуры», особого труда в виду осознания своей принадлежности и причастности к европейской культурной традиции.

Сферой почти безусловного доминирования современности был бразильский город, точнее – городской центр. Аграрная сельская периферия испытала влияние современности в гораздо меньшей степени. В то время, когда в городе и местных сообществах модернизация уже была активно развивающимся и динамично протекающим процессом, в аграрной периферии модернизационные тенденции нередко не выдерживали в конкуренции с традиционностью и архаикой. В Бразилии сложились различные политические культуры и идентичности. Носители традиционной культуры сохраняли лояльность старым патриархальным, преимущественно – локальным, идентичностям. Носители новой современной культуры отдавали предпочтение современным ценностям. Если в городе политическая борьба была обусловлена принадлежностью к тому или иному сообществу, той или иной культуре, то на периферии сложилась иная ситуация.

В городах Бразилии политическая борьба была формой политического участия. Сам процесс участия стал более четко соотноситься с политическими идеологиями, доктринами и стоящими за ними политическими партиями. Аграрная внутренняя периферия не знала столь развитой диверсификации политического дискурса. Политическое участие не было отделено от принадлежности к группе, католическому приходу, городку, селению... Провести модернизацию, не поборов архаику, не уничтожив стоящие за ней культурные и политические идентичности, отношения лояльности и подчиненности, было невозможно. Поэтому, в своей модернизационной политике Ж. Варгас

¹⁶ См.: *Duas modernistas esquecidas: Adalzir Bittencourt e Ercília Nogueira Cobra: visões do passado, previsões do futuro* / eds. S. Quinlan, R. Sharpe. – Rio de Janeiro, 1996; Raros M. *Ao Brasil dos meus sonhos: feminismo e modernismo na utopia de Adalzir Bittencourt* / M. Raros // *EF*. – 2002. – No 1. – P. 11 – 37.

и правившие после него военные и гражданско-военные режимы уделяли значительное внимание сознательному и направленному разрушению периферии, ее интеграции в политический контекст и культурный дискурс Бразилии. Традиционная модель общества характеризуется значительными социальными, политическими и культурными потенциями в деле самосохранения, функционирования и воспроизводства.

В странах, переживающих модернизацию, традиционное общество не упускает возможности, чтобы во всеуслышанье о себе заявить. Это самовыражение архаики имеет разные формы – от почти неосознанной стихийной социальной борьбы, направленной на разрушение даже внешних атрибутов современности до художественной литературы, через страницы которой недовольные интеллектуалы рефлексировуют и возмущенно размышляют о вызовах современности и судьбе традиционного общества.

Выше мы констатировали, что сферой доминирования тенденций к модернизации был город, городская культура. Традиционные ценности почти безраздельно доминировали на периферии. Традиционность нередко имела не просто культурный, интеллектуальный, социальный, но и гендерный бэк-граунд. На этом фоне проникновение модернизации на периферию неизбежно затрагивала и отношения между полами, разрушая архаичные гендерные роли, характерные для традиционного общества, и способствуя постепенному освобождению женщины, ее политизации, включению в дискурс не только традиции, но и дискурс политики, политического участия.

Возникали новые идентичности – политические, культурные, гендерные. Идентичностная дефрагментация политического поля сочеталась и с политической. Процесс активизации и рождения новой женщины в Бразилии совпал с появлением левого движения. В такой ситуации сложились предпосылки для постепенного сближения новой гендерной и новой левой идентичности. Это было результатом не просто политических изменений в Бразилии, не первыми успехами модернизационной политики, начатой в рамках авторитарной правоориентированной модели Жетулиу Варгаса. Подобные тенденции в развитии интеллектуального поля в Бразилии были связаны и с утверждением мощного модернистского течения в бразильской литературе. Этот модернистский бэк-граунд достаточно быстро распался на различные тренды, среди которых был и левый. И в дальнейшем тенденция к дефрагментации интеллектуального поля в Бразилии доминировала, а сам культурный контекст развивался в сочетании правых и левых дискурсов.

ОСОБЕННОСТИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Выбор темы данной статьи не случаен – нет региона, чья история так связана с революционными процессами. Начиная с национально-освободительной борьбы начала XIX века против испанско-португальского колониального владычества, в Латинской Америке непрерывно полыхало пламя революционной борьбы. А на настоящий момент Латинская Америка является эпицентром мирового революционного процесса (если использовать данный термин)¹.

Исследования революционных процессов в Латинской Америке² красноречиво свидетельствуют о том, что т.н. «классическая модель» Великой Французской революции, служащая для описания революционных процессов³, слабо применима к Латинской Америке. Более того, модель революционных процессов, характерная для этого континента, отличается и от революционных процессов на других континентах⁴.

Попробуем отметить наиболее важнейшие особенности этих процессов.

1. Как уже было сказано выше, революции играют огромную роль в истории региона. Латинская Америка (после ее открытия Христофором Колумбом) как субъект мировой истории родилась из революций, сочетающих национально-освободительную борьбу и идеи О. Конта о возможности прогрессивных социальных преобразований сверху.

2. Революционные процессы в Латинской Америке, особенно современные, не могут быть описаны в традиционных категориях политической науки, таких как «левый» / «правый», «буржуазный» / «со-

¹ Данный термин использовался в советском обществоведении для характеристики революционных движений Нового и Новейшего времени, которые, с точки зрения марксизма-ленинизма, являлись частью единого революционного процесса, носящего глобальный характер.

² Коваль Б.И. *Революционные процессы в Латинской Америке* / Б.И. Коваль, С.И. Семенов, А.Ф. Шульговский. – М.: Наука, 1974. – 371 с.; Григулевич И.Р. *Эрнесто Че Гевара и революционный процесс в Латинской Америке* / И.Р. Григулевич. – М.: Наука, 1984. – 301 с.; *Пролетариат и революционный процесс в Латинской Америке* / [отв. ред. Б.М. Мерин]. – М.: Наука, 1985. – 376 с.; Королев Ю.Н. *Латинская Америка: революции XX века* / Ю.Н. Королев, М.Ф. Кудачкин. – М.: Политиздат, 1986. – 349 с. и др.

³ Имеется в виду описание революционного процесса в виде сменяющих друг друга этапов: I - конституционалистского (этап реформ, осуществляемых старой властью), II - жирондистского (когда власть переходит к новым революционным элитам), III - якобинского террора (когда активным участником революции становятся народные массы, что значительным образом радикализирует революцию, наполняя ее иррациональным содержанием), IV - термидорианского (когда революционные элиты, устав от террора, не щадящего никого, даже их, отстраняют от власти революционных фанатиков и постепенно отходят от революционных идеалов ради самого банального обогащения), V - бонапартистского (когда власть переходит к личностям типа Наполеона Бонапарта, сумевшим подавить сопротивление крайне-левых и крайне-правых, творчески соединить ценности «Старого Порядка» и «Революции», способствуя преодолению гражданской войны) и ... VI - реставрационного (наступающего в результате поражения революции и означающего полную или частичную реставрацию «Старого Порядка»).

⁴ См.: *Революционный процесс в странах Африки и Азии* / [Н.А. Симония, Г.Б. Старушенко, И.П. Цинцадзе и др.]. – Тбилиси: Мецниереба, 1984. – 231 с.; Коваль Б.И. *Революционный опыт XX века* / Б.А. Коваль. – М.: Мысль, 1987. – 542 с. и др.

циалистический», «прогрессивный» / «регрессивный». Их участниками в значительной степени были не только буржуазия и пролетариат, но в значительной степени социальные слои, имеющие некапиталистическое происхождение (аристократия, духовенство, крестьянство, этнические группы, интеллигенция, криминалитет, молодежные группировки, армия), что вообще очень характерно для стран «третьего мира».

3. Принадлежность Латинской Америки к зоне периферийного капитализма и к зоне ибероамериканского культурно-цивилизационного ареала обусловила связь латиноамериканских революционных процессов с революционными процессами в Испании и Португалии (значительное влияние анархизма и анархо-синдикализма, а также правого радикализма), с революционными процессами в США (страны мессианского либерализма, оказывающей активную помощь в национально-освободительной борьбе народов, как от колониального ига, так и от тоталитарно-авторитарных режимов), в СССР (влияние идей Л.Д. Троцкого, проживавшего последние годы своей жизни в Мексике, деятельность Коминтерна, поддержка СССР Кубинской революции 1959 г. и левых сил вообще), в странах «третьего мира» (имеется в виду влияние маоизма, значительная роль крестьянства, военных, духовенства, криминалитета и молодежи в революционных процессах, связь революционного и национально-освободительного движения).

4. Революционный процесс в Латинской Америке имеет ярко выраженный мессианский характер (С. Боливар, Ф. Кастро, Э. Че Гевара, У. Чавес являются яркими символами мирового революционного движения; многие из них активно содействовали «экспорту революции» в другие страны мира). Но, в силу того, что латиноамериканский революционный процесс родился из антиколониального национально-освободительного движения, латиноамериканский революционаризм пока не может выйти за рамки национализма (в понимании “nation-state”), что препятствует политическому объединению Латинской Америки.

5. В латиноамериканском революционаризме, во многом определяющем политический процесс в Латинской Америке, можно выделить три направления: 1) лево-прогрессистское (якобинское), примером которого служит мексиканская революция начала XX века; 2) умеренно-прогрессистское (Чили, Уругвай, Бразилия); 3) анархическое (различные левацкие террористические организации типа «Сендеро Луминосо»). Как отмечает один из ведущих латиноамериканистов А.А. Слинько: «Маятник политической жизни движется здесь не в плоскости, а совершает поворот с тремя остановками в зонах прогрессистского, умеренного и анархического революционаризма»⁵.

⁵ Слинько А.А. Революционаризм в Латинской Америке / А.А. Слинько // Панорама-2007 : сборник научных материалов. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2007. – С. 11.

6. Мощная анархическая составляющая (революция как образ жизни) и «устойчивая бедность» (ее связь с криминалитетом и социальным порядком, делающим ее обратной стороной сверхбогатства олигархов) придают латиноамериканскому революционному процессу перманентный характер, обуславливая его развитие не по Ленину и Сталину, а по Бакунину, Троцкому, Мао. Латиноамериканская «перманентная революция» протекала и протекает главным образом в виде партизанской войны (*герильи*)⁶ – *сельской* с базами в труднодоступных сельских и *городской* – террористические акты в крупных городах, имеющие целью устрашить правящие классы и свидетельствовать о существовании революционных организаций. Движущей силой революционного терроризма там были и до сих пор остаются радикальные интеллигенты, которые, несмотря на то, что многие из них имели аристократическое и плутократическое происхождение, исповедовали идеологию защиты бедных и угнетенных, что, однако, не мешало им сотрудничать с наркомафией («Сендеро Луминосо», ФАРК и др.). Особняком стоят мексиканские сапатисты, претендующие на роль моральной оппозиции неолиберальному миропорядку⁷, но феномен этого движения еще ждет своего исследователя.

7. Перманентность революционного процесса и многосоставной характер латиноамериканского общества не способствуют политической стабильности. Поэтому для осуществления революционных преобразований и сохранения национального единства нередко прибегают к такому типу политического лидерства как революционный каудилизм⁸. Каудилизм свойственен аграрным обществам с низким уровнем развития гражданской политической культуры и высоким процентом малообразованных бедняков, когда вследствие отсутствия консенсуса по базовым вопросам, социум раздирают антагонистические противоречия. В условиях угасания традиционной легитимности и неразвитости легитимности рационально-правовой, именно каудилизм как разновидность харизматического типа легитимности, основанного на действии древнего архетипа «вождь-масса», спасал и спасает ибероамериканское общество от анархии и гоббсовской войны «всех против всех». Правда в отличие от контрреволюционных каудилизмов Франко, Салазара, Стресснера и Пиночета, революционный каудилизм С. Боливара, вождей мексиканской революции начала XX века и У. Чавеса является ибероамериканским аналогом бонапартизма, сочетающего ценности «порядка» и «прогресса». По мере роста «среднего класса», усиления либеральных ценностей и укрепления демократических институтов, каудилизм утрачивает свои позиции,

⁶ Гаспар Г. *Герилья в Латинской Америке* / Г.Гаспар // *Латинская Америка*. – 1998. - №1. – С. 38-44.

⁷ См. : *Субкоманданте Маркос. Другая революция. Сапатисты против нового мирового порядка / Субкоманданте Маркос*. – М.: Гилея, 2002. – 200 с.

⁸ См.: Ceresole N. *Caudilio, ejercito, pueblo* / N. Ceresole // *Bulletin of Latin American Research. Journal of the Society for Latin American Studies*, vol. 21, N2, april 2002.

однако обозначившийся в последние годы «левый поворот»⁹ (приход к власти в ряде латиноамериканских стран левых сил на смену, правящим там долгие годы приверженцев проамериканского неолиберального курса), политическим символом которого стал такой яркий политический лидер как Уго Чавес, опроверг тезис отмирания каудилизма, который все больше приобретает черты перонизма или национал-популизма.

Что касается современного состояния революционного процесса в Латинской Америке, то он, сохраняя все вышеперечисленные особенности, тем не менее, имеет национальные различия (доминирование того или иного типа революционаризма, уровень политического и социально-экономического развития, степень противостояния каудилизма и гражданского общества, степень многосоставности и др. факторы). Важнейшей его особенностью является то, что латиноамериканская революционная мысль, творчески переработав достижения мировой революционной мысли, не испугавшись крушения и трансформации утратившей свой революционный потенциал мировой системы социализма, пытается использовать неудачи неолиберальных реформ 1980-1990-х годов для реализации альтерглобалистского проекта, направленного не против глобализации, но против ее субъективных трактовок, выгодных только развитым странам «золотого миллиарда», прежде всего США. Как отмечает зам. директора Института Латинской Америки РАН Б.Ф. Мартынов: «Новые лидеры континента не марксисты, они опираются на национальные основы и стремятся социализировать глобализацию, приблизить ее результаты к конкретным людям»¹⁰. При этом ослабевает анархическая тенденция в латиноамериканском революционаризме и усиливаются лево-прогрессистское и умеренно-прогрессистское направления, а его лидеры осваивают не только технологии революционного каудилизма (У. Чавес, Э. Моралес), но и технологии гражданского общества (деятельность Альтернативного движения по реализации идей открытого, гуманистического, демократического, плюралистического, экологически ориентированного общества во многом альтернативного неолиберальному в сочетании с деятельностью «сетевых» групп по решению конкретных социальных, территориальных, этнических, экологических, внешнеполитических проблем, результатом которой является срыв МАИ и АЛКА и успех обновивших свою структуру и преодолевших бюрократический паралич левых сил на выборах).

Однако возникает вопрос – не пойдут ли США для восстановления своих позиций в Латинской Америке на организацию там «цветных революций»? Используя контролируемые ими структуры граж-

⁹ См. : «Левый поворот» в Латинской Америке / [отв. ред. В.П. Сударев]. – М. : ИЛА РАН, 2007. – 216 с.

¹⁰ Мартынов Б.Ф. Какое сотрудничество с латиноамериканскими государствами перспективно для России? / Б.Ф. Мартынов // <http://www.km.ru/conference/index.asp?data=10.07.2006%2014:00:00&archive=on>

данского общества для усиления анархического направления латиноамериканского революционаризма, они могут предпринять попытку подорвать стабильность левых режимов, а при удачном исходе – привести к власти проамериканские режимы (благо, технологии уже отработаны). Поэтому, если Россия хочет иметь благоприятные условия для удовлетворения своих интересов в Латинской Америке, ее ученые должны не только обратиться к исследованию революционных процессов в данном регионе на предмет их влияния на политический процесс, но и вернуться к изучению революционных процессов в современном мире, которые хотя и приобрели управляемый характер, однако не утратили возможности ввергать мир в хаос¹¹.

¹¹ См. : Хантингтон С. *Третья волна : Демократизация на исходе XX века* / С. Хантингтон. - М., 2003. – 365 с.; Барсамов В.А. «Цветные революции»: теоретические и прикладные аспекты / В.А. Барсамов // *Социс.* – 2006. – №8. – С. 57-66; Межуев Б.В. «Оранжевая революция» : восстановление контекста / Б.В. Межуев // *Полис.* – 2006. – №5. – С. 75-91; Поляков С. О феномене «импорта демократии» / С. Поляков // *Власть.* – 2007. – №5. – С. 83-86; Почепцов Г. *Революция.com. Основы протестной инженерии* / Г. Почепцов. – М. : Европа, 2005. – 532 с. и др.

М.В. Кирчанов

РАСА, ФЕМИНА, МУСКУЛИННОСТЬ И БРУТАЛЬНОСТЬ: ДИСКУРСЫ ПОЛИТИЗАЦИИ ГЕНДЕРА В БРАЗИЛИИ СЕРЕДИНЫ 1950-Х ГОДОВ*

Модернизм в формировании и развитии национализма играет не менее важную роль, чем романтизм¹. Если романтизм способствует идеализации прошлого, являясь одним из важнейших стимулов в развитии национального воображения, то модернизм ознаменовал собой своеобразный идентичностный переворот, внося радикальные изменения и новации в развитие идентичности в Бразилии и в новые, постоянно появляющиеся, идентичностные проекты, представленные в литературных текстах. Важнейшее значение модернизма в развитии национализма состоит в том, что модернизм изменил саму сущность дискурса идентичности.

Романтический бэк-граунд был, скорее всего, протонациональным, а не национальным, что было связано с четким соотношением романтизма и «высокой культуры». Такие романтические идентичностные проекты редко выходили за пределы интеллектуального сообщества. Модернизм, наоборот, было более понятным и, вероятно, привлекательным для носителей «низкой» народной культуры. Модернизм постепенно разрушил сингулярные идентичности интеллектуального сообщества – идентичность стала серийным и массовым продуктом.

Начав разрушение традиционной культуры, модернизм привел и к чрезвычайному дроблению, дефрагментации идентичностного дискурса. За общим и единым модернистским бэк-граундом скрывались и развивались различные идентичности, связанные с разными политическими трендами – левыми и правыми². В такой ситуации модернизм привел к значительной политизации интеллектуального пространства. Литературные тексты обрели не просто идентичностный бэк-граунд, но и нашли идентичностно-политические, в том числе – и гендерные³,

* Настоящая статья является расширенным и переработанным разделом («Революционная femina: радикализация гендера и левая политическая идентичность») монографии автора. См.: Кирчанов М.В. *Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке* / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений ВГУ, 2008.

¹ В данном случае автор солидаризируется с бразильской интеллектуальной традицией, в которой эта связь неоднократно подчеркивалась. См. например: Maggie Y. *Mário de Andrade ainda vive? O ideário modernista em questão* / Y. Maggie // RBCS. – 2005. – Vol. 20. – No 58. – P. 5 – 21; Zago Conçalves L. *O Lugar do Modernismo em Textos Críticos de Tristão de Athayde e de Mário de Andrade* / L. Zago Conçalves // RPPC. – 2000. – No 1. – P. 149 – 164; Fokkema D. *Modernismo e Pós-Modernismo. História. Literária* / D. Fokkema. – Lisboa, 1983; Diogo A., Monteiro R.S. *Modernismos, Pós-Modernismos, Anacronismos*. – Lisboa, 1993.

² О сочетании политической и гендерной идентичности в истории Бразилии подробнее см.: Lopes D.H. *Integralismo: uma das oportunidades de participação feminina no espaço público* / D.H. Lopes // RICFFC. – 2004. – Vol. 4. – No 2.

³ См.: Alves B.M. *Ideologia e feminismo: a luta da mulher pelo voto no Brasil* / B.M. Alves. – Petrópolis, 1980; Alves B.M., Pitangay J. *A que é meminismo* / B.M. Alves, J. Pitangay. – São Paulo, 1982; Flores M. *A política da beleza: nacionalismo, corpo e sexualidade no projeto de pardonização brasileira* / M. Flores //

обоснования. Поэтому, литературные тексты стали сферами развития не просто различных бразильских идентичностных проектов. Эти проекты могли быть левыми или правыми. Модернистский тренд в литературе имел тенденции к превращению в тренд гендерно маркированный, гендерно ориентированный. В бразильской литературе постепенно возникал феминизм.

Бразильские писательницы не были лишены склонности к рефлексии над бразильской действительностью, за которой стола их идентичность⁴. Примечательно, что это была, вероятно, идентичность двойственного плана – и гендерная, и политическая⁵. В данном случае автор склонен сформулировать несколько провокационный вопрос: к какой политической идентичности, левой или правой, склонялись бразильские писательницы. Не исключено, что к обществу, которое переживало процессы бурной модернизации (начиная с 1930-х годов), в обществе, склонном к политизации и увлечению крайними (в зависимости от политической ситуации – левыми или правыми) идеями – мощный феминистский дискурс в литературе совпал с влиятельным левым трендом в политической жизни.

Поэтому, «классический» портрет бразильской писательницы 1930 – 1950-х годов таков: феминистка, левая и радикально ориентированная⁶. В этом разделе мы попытаемся рассмотреть подобный феминистский, левый и радикальный текст, обратившись к роману бразильской писательницы Марии Алисе Баррозу «Os Posseiros»⁷, который впервые вышел в Рио-де-Жанейро в 1955 году и спустя пять лет, в 1960 году, в СССР под названием «В долине Серра-Алта».

Вероятно, роман был очень левым – иначе сложно объяснить столь быстрый его перевод и издание в Советском Союзе. В СССР в самой писательнице увидели прогрессивную, сочувствующую совет-

DL. – 2000. – No 1. – P. 88 – 109; Pedro J.M. *Mulheres Honestas e Mulheres Faladas: uma questão de classe* / J.M. Pedro. – Florianópolis, 1998; Perrot M. *Práticas de Memória Feminina* / M. Perrot // RBH. – 1989. – Vol. 8. – No 18; Zimbrão da Silva T. *Mulheres, Cultura e Literatura Brasileira* / T. Zimbrão da Silva // IREL. – Vol. 2. – No 3. – P. 91 – 100; Zimmermann T.R. *Medeiros M.M. de, Biografia e Gênero: repensando o feminino* / T.R. Zimmermann, M.M. de Medeiros // RHR. – 2004. – Vol. 9. – No 1. – P. 31 – 44.

⁴ О соотношении гендера и национализма доступна русская версия статьи Сильвии Уолби, содержащая критический обзор основных концепций. См.: Уолби С. *Женщина и нация* / С. Уолби // *Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 308 – 331. Англоязычная литература по этой теме достаточно обширна. См. например: Enloe C. *Bananas, Beaches and Bases* / C. Enloe. - L., 1989; Jayawardena K. *Feminism and Nationalism in the Third World* / K. Jayawardena. - L., 1986; Showalter E.A. *A Literary of their Own: British Women Novelists from Bronte to Lessing* / E.A. Showalter. – Princeton, 1977.

⁵ О сочетании гендерной и политической идентичности см. подробнее: Агеева В. *Жіночий простір. Феміністичний дискурс українського модернізму* / В. Агеева. – Київ, 2003; Гундорова Т. *Femina Melancholica. Стаття і культура в гендерній утопії Ольги Кобилянської* / Т. Гундорова. – Київ, 2002. В теоретическом аспекте см.: *Гендерные истории Восточной Европы* / ред. Е. Гапова, А. Усманова, А. Пето. – Мн., 2002.

⁶ Мария Алисе Баррозу в бразильской интеллектуальной традиции имела своих предшественников. См.: *Duas modernistas esquecidas: Adalzir Bittencourt e Ercília Nogueira Cobra: visões do passado, previsões do futuro* / eds. S. Quinlan, R. Sharpe. – Rio de Janeiro, 1996; *Raros M. Ao Brasil dos meus sonhos: feminismo e modernismo na utopia de Adalzir Bittencourt* / M. Raros // EF. – 2002. – No 1. – P. 11 – 37.

⁷ *Maria Alice Barroso, Os Posseiros* / Maria Alice Barroso. – Rio de Janeiro, 1955.

скому государству, активистку. Роман был прочитан как роман о борьбе народных масс, то есть очень односторонне. Текст книги не так прост и однозначен, как стремилась доказать советская критика. Этот, с безусловно значительным социальным подтекстом, роман – роман о модернизации, точнее – о столкновении и конфронтации различных идентичностей и лояльностей – архаической традиционалистской и современной. Обратимся непосредственно к тексту.

Роман начинается со своеобразной рефлексии относительно прошлого Бразилии: «...негр Фермину живет здесь со времен принцессы Изабеллы... и хорошо помнит, какими печальными были те места в далекие времена, когда хозяйничала маркиза де-Серра-Алта... убитая горем маркиза – жених бросил ее в день венчания – безучастно смотрела на надвигающееся разорение...»⁸. Если у Жозе дэ Аленкара перед нами славное и героическое прошлое⁹, то для Марии Алисе Баррозу прошлое – это не более чем одна из страниц в истории угнетения народа господствующими классами. Такая история – это история упадка и разрушения.

Примечательно, что в данном контексте социальный нарратив явно сочетается с гендерным¹⁰, а мужчина выступает в качестве одного из стимулов к упадку, гибели традиционного и патриархального мира¹¹. Отношения полов в Бразилии, описанной Марией Алисе Баррозу, имеют и расовый бэк-граунд. В процессе этих отношений происходит разрушение границ между сообществами. Поэтому, итальянский эмигрант¹² отдает свою дочь замуж за негра-соседа. Но и повторяя в мыслях, что «эта белая женщина – моя»¹³, даже потомок рабов выступает в роли колонизатора. В таком традиционном обществе маскулинность доминирует над феминностью.

Но этот триумф имеет временный характер. Девочка, цвет кожи которой блее кожи отца, становится своеобразным реваншем покоренной белой женщины. В обществе, о котором идет речь в романе, доминируют, как правило, традиционные ценности. Их доминирование проявляется, в частности, в абсолютизации негром фигуры мест-

⁸ Баррозо М.А. *В долине Серра-Алта* / М.А. Баррозо / пер. с порт. В. Житков, Н. Тульчинская. – М., 1960. – С. 9 – 10.

⁹ Подробнее см. главу «Формирование образа “чужого”: индейские нарративы в творчестве Жозе дэ Аленкара» в монографии автора, посвященной национализму в Латинской Америке, вышедшей в 2008 году: Кирчанов М.В. *Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке* / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений ВГУ, 2008. – С.

¹⁰ См.: Ferreirara-Pinto Bailey A.C. *O “Bildungsroman” Feminino: Quatro Exemplos Brasileiros* / A.C. Ferreirara-Pinto Bailey. – São Paulo, 1990; Ferreirara-Pinto Bailey A.C. *Looking at the Margins from the Borderlands: Understanding Gender and Ethnicity in Brazilian Women’s Literature* / A.C. Ferreirara-Pinto Bailey // *FUN*. – 2003. – Vol. 23. – No 2. – P. 38 – 41; Ferreirara-Pinto Bailey A.C. *Gender Discourse and Desire in Twentieth Century Brazilian Women’s Literature* / A.C. Ferreirara-Pinto Bailey. – West Lafayette, 2004.

¹¹ О «маскулинности» в бразильской культуре см.: Badinter E. *Sobre a identidade masculina* / E. Badinter. – Rio de Janeiro, 1993.

¹² Об итальянцах в бразильской интеллектуальной традиции см.: Berwanger da Silva M.L. *Presença italiana na literatura brasileira* / M.L. Berwanger da Silva // *TriceVersa*. – 2007. – Vol. 1. – No 1.

¹³ Баррозо М.А. *В долине Серра-Алта*. – С. 14.

ного фазендейро, на земле которого он работал. Именно фазенда белого полковника была для негра центром всех социальных отношений, регулятором социальной жизни, местным социальным ориентиром и доминирующим социальным институтом: «...правительство?! В Баие правительством для него был полковник Феррейра, всемогущий сеньор, от которого завесили судьбы многих людей, ему никогда в голову не приходило, что над полковником Феррейрой может стоять еще кто-то более могущественный...»¹⁴.

В такой ситуации для него оказывается откровением, что социальные отношения гораздо сложнее, чем он представлял. Комментируя особенности традиционного сознания и характерного для него восприятия действительности, Л. Леви-Брюль писал, что для носителей традиционных идентичностей «пространство в их воображении абсолютно и гомогенно»¹⁵. В социальном мире носителей традиционного сознания было место для себя, белого бывшего господина, но среди этих двух социальных ориентиров и приоритетов не было место для правительства. Но и сами негры, самовольно захватившие земли, не проявляют никакого желания подчиниться правительству в силу того, что не чувствуют его своим: «...мы не можем рассчитывать на правосудие белых. Никто из них не признает правым сброд из неграмотных негров... если мы хотим остаться хозяевами своей земли, мы должны защищать ее любой ценой...»¹⁶.

Мулаты словно сознательно принижают себя перед белыми: «мы простые неграмотные люди и не умеем красиво говорить»¹⁷. Они словно бессознательно выставляют себя за пределы политического дискурса, добровольно обрекая на маргинализацию. Маргинализация, вероятно, была сознательным выбором и это решение освобождала их от обязанности находится в правовом поле. Хотя, вероятно, они не имели и малейшего представления о законах, полагаясь на традиции. Роман Марии Алисе Баррозу – это роман о традиционном обществе. Одно из местных локальных сообществ в силу своей архаичности не в силах справиться с засухой.

Какова реакция традиционного сообщества? Его несогласие с внезапным природным катаклизмом выливается в религиозный всплеск, религиозную истерию: «...потянулись длинные процессии верующих с камнями на головах: они смиренно несли свои покаяния Господу Богу... священники призывали молиться, давать обеты и просить у Бога дождя...»¹⁸. Но, используя исключительно религиозность, которая обладала немалой мобилизующей силой, бразильские крестьяне не в состоянии решить своих проблем.

¹⁴ Там же. – С. 21.

¹⁵ Levy-Bruhl L. *Primitive Mentality* / L. Levy-Bruhl. – Boston, 1966. – P. 59.

¹⁶ Баррозо М.А. *В долине Серра-Алта*. – С. 106.

¹⁷ Там же. – С. 306.

¹⁸ Там же. – С. 15 – 16.

Именно эта неспособность справиться с ситуацией и стала основным фактором, который способствовал началу стихийного захвата новых земель. Заброшенные земли, о которых идет речь в романе, стали объектом вожделения маргиналов, тех, кто невольно или сознательно порвал со своим сообществом. Но и в такой ситуации они оставались носителями почти исключительно традиционной культуры, они могли только «ухаживать за землей и любить ее»¹⁹. Вот почему, однажды ночью один из героев романа негр Фирмину встречает другого негра, который «ни с чем не считаясь, обосновался на полоске земли между Белыми и Черными холмами»²⁰.

Такие бразильцы – носители традиционной культуры, приверженцы рурализма. Город – ментально далекий, почти не интересующий их объект: «...он редко бывал в городе... вся его жизнь, все его помыслы сосредоточились на этой земле, завоеванной тяжким трудом...»²¹. Идентичность героев романа связана с землей и, поэтому, решение правительства о продаже земли, которую они давно привыкли считать своей, иностранцу вызывает гнев и возмущение со стороны носителей традиционной культуры. Герои книги не имеют бразильской идентичности, их идеи и самые общие представления о том, что такое Бразилия крайне скудны и незначительны.

Их интересуется только земля, ближайшая округа, их интересы редко пересекают границы известного им мира: «...он чувствовал эту землю своей, сросся с ней неразрывными узами...»²². Значительная тяга к земле отразилась, что среди значительной части населения Бразилии того времени доминировали традиционные и архаичные представления. Эта стихийная колонизация, которая постепенно выливалась в отрицании государства, постепенно институционализировалась во внесистемное и протестное движение, за которым стояли свои идентичности.

Выражением протеста становится появление среди стихийных колонистов новой женщины: ее уже не устраивают традиционные гендерные роли, она уже не смотрит на мир как изначальную систему подчинения одних и доминирования других. Для нее мир, в котором «чтобы избавиться от повседневной монотонности нищей жизни, какая-нибудь из дочерей становится проституткой, а сын – вором или убийцей»²³ не является нормальным. Это ведет к тому, что стихийный протест носителя народной культуры обретает социальный бэк-граунд.

Носителям этого протеста становится женщина (в исследовательской литературе неоднократно высказывалось мнение, что для первых писательниц в той или иной национальной литературной традиции

¹⁹ Там же. – С. 10.

²⁰ Там же. – С. 10.

²¹ Там же. – С. 11.

²² Там же. – С. 39.

²³ Там же. – С. 27.

характерно создание героинь, который не могут выбрать между традиционностью и оппозиционными политическими и культурными трендами²⁴), но и в этом случае она вынуждена играть второстепенную роль («...Антонио сказал все, о чем она думала, но не могла выразить словами... кончено, Антонио – мужчина, он ученый, должно быть, учился в университете, а она... неграмотная девушка...»²⁵), признавая свою подчиненность и неполноценность относительно мужчины, считая свое положение почти естественным («...но Антонио, наверное, посмеется над нею, неграмотной крестьянкой... она и говорить совсем не умеет...»²⁶), что было вызвано условиями социализации, которая протекала в обществе, где доминировали традиционные ценности. В этом контексте мы имеем дело с начинающимся женским ревайвэлом, гендерно маркированным «ребелом».

Примечательно, что восточно-европейские литературы, где модернизм возник почти одновременно с бразильской литературой, попытались ответить на эти вопросы раньше, но нередко делали это устами писателей-мужчин. В частности, одна из героинь Михайла Яцкива, Альва, протестую диктату со стороны родственников, говорит: «...прошу мені сказати, чи се може давати право родичам мучити мене своїми радами, увагами на кождім кроці, в'язати свободу і вбивати мою індивідуальність ...»²⁷. Политизация гендера, как полагала Милэна Рудницька, влечет за собой и «полное переустройство государственного общественного порядка и преобразование всей культуры»²⁸. Героиня Марии Алисе Баррозу представляет новый тип женщины, которая, по выражению украинской исследовательницы феминистского тренда в литературе, «не только стремилась иметь собственную комнату – но она и открывает в нее двери»²⁹.

Но радикализация, имевшая вероятно и политический и культурный уровень³⁰, безземельных негров, их столкновения с полицией, гибель родных и знакомых приводит к рождению новой женщины, которая осознает то, что «она рождена для того, чтобы бороться против угнетения с оружием в руках»³¹ – она наравне с мужчинами участвует в нападении на поллюцию и, как они, самостоятельно принимает решения. Но постепенно этот стихийный протест подвергается популяризации и идеализации со стороны тех, кто сочувствовал тем, кто самовольно захватил землю.

²⁴ См.: Шкандрій М. В обіймах імперії. Російська і українська література новітньої доби / М. Шкандрій. – Київ, 2004. – С. 309.

²⁵ Там же. – С. 142.

²⁶ Баррозо М.А. В долине Серра-Алта. – С. 143.

²⁷ Яцків М. Блискавиці / М. Яцків // Яцків М. Муза на чорному коні / М. Яцків. - Київ, 1989. - С. 421.

²⁸ Рудницька М. Статті, листи, документи / М. Рудницька. – Львів, 1998. – С. 75.

²⁹ Гундорова Т. *Femina Melancholica*. Стаття і культура... – С. 227.

³⁰ О радикализации см.: Candino A. *Radicalismos* / A. Candino // EA. – 1989. – Vol. 4. – No 8. – P. 4 – 18; Ridente M. *O Fantasma da Revolução Brasileira: raizes sociais das esquerdas armadas 1964 – 1974* / M. Ridente. – São Paulo, 1994.

³¹ Баррозо М.А. В долине Серра-Алта. – С. 232.

Неслучайно, что в такой ситуации из города приезжает человек, представившийся как Антонио, который оказывается членом партии, «борющейся против полковников, полиции и правительства»³². Социальное политически детерминированное и сознательно обусловленное недовольство постепенно обволакивает стихийный народный протест. В этой ситуации коммунист среди неграмотных крестьян выступает в роли мифотворца. Коммунист-мифотворец рисует им идиллическую картину жизни в СССР, где «...все счастливы: крестьяне работают на своей земле, свободные от эксплуатации полковников, под защитой правительства, которое дает им трактора, чтобы пахать землю...»³³.

Но и этих городских радикалов, которые приехали в Серра-Алта, сама долина, ее обитатели и их проблемы интересуют в наименьшей степени: у них другие цели. Поэтому, коммунист Антонио рисует перед малопонимающими его неграми картину широкой социальной борьбы: «...товарищи, если нам удастся выстоять в нашей борьбе, то победим не только мы, но и все бразильские крестьяне... тысячи братьев поймут, что с несправедливостью можно бороться... правда и справедливость на нашей стороне, товарищи, нужно только бороться с верой в лучшее будущее...»³⁴.

В романе мы наблюдаем, вероятно, смыкание, сочетание и сближение различных протестных дискурсов. Ситуация не уникальна. В частности, М. Шкандрий констатирует, что подобное было характерно и для украинской литературы, например – для творчества Лэси Украинки. В связи с этим М. Шкандрий подчеркивает, что в произведениях Лэси «дискурс национального освобождения дополняется двумя важными факторами: феминизмом и бунтом против народнических взглядов»³⁵. В целом, в тексте доминирует дискурс социального освобождения – неприятия несправедливого и неправильного с социальной точки зрения строя и борьбы с ним. С другой стороны, этот дискурс связан с двумя факторами – феминизмом и бунтом против доминирования мускулистных трендов в политике.

Для бразильских левых радикалов сопротивление носителей традиционной культуры жителей долины властям – только один из многочисленных эпизодов борьбы, которую они в состоянии интерпретировать исключительно в категориях классовой борьбы. Вероятно, заезжий городской коммунист и негры – случайные союзники. Одного интересует политическая борьба, других – земля. В этом контексте заметна фрагментированность политического и культурного дискурса в Бразилии, представленного в то время носителями как традиционной, так и современной культуры.

³² Там же. – С. 140.

³³ Там же. – С. 230.

³⁴ Там же. – С. 141.

³⁵ См.: Шкандрий М. В обіймах імперії. Російська і українська література новітньої доби / М. Шкандрій. – Київ, 2004. – С. 308.

Чем закончился такой конфликт культурой? Крестьяне несколько месяцев обороняли долину, но правительственные войска постепенно вытеснили их, убив большую часть восставших, в том числе – и радикала коммуниста Антонио. Смерть городского коммуниста Антонио стала стимулом к еще большей радикализации жителей долины Серра-Алта, и, подобно его политическому завещанию, звучат слова Орланды: «...борьба еще не закончена, люди! Земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает...»³⁶. Вслед за периферией радикализации в такой ситуации подвергается и город. Подобный тренд в романе, вероятно, свидетельствует о правоте предположения украинской исследовательницы Оксаны Забужко, которая полагает, что благодаря утверждению в любой национальной литературе модернизма на смену образу матери и связанным с ним материнским мифам приходит новый миф, олицетворением которого является «Мать-Отчизна с мечем»³⁷, которая в бразильском случае (в тексте Марии Алисе Баррозу) представлена мулаткой с винтовкой.

Обезумевшая толпа штурмом берет тюрьму, на смену порядку воцаряется хаос: «...схватка охватила всю тюрьму и вовлекла людей, толпившихся на площади... царило смятение... казалось, что все сошли с ума...толпой овладела страсть к разрушению... разрушив все в помещении тюрьмы, народ вышел на улицу...»³⁸. После этого бунта, который был подавлен полицией, казалось, что долина Серра-Алта успокоилась, вернулась к тому патриархальному состоянию подчинения и подавления, в котором и надлежит пребывать традиционному обществу.

Но появление коммуниста Антонио не осталось бесследным – среди местных жителей началась постепенная радикализация и письмо Орланды из тюрьмы, в котором она призывала «...объединить и повести наших братьев крестьян на борьбу, на борьбу за землю...»³⁹ только усилило подобные радикальные тенденции. Вероятно, для модернизма на определенном его этапе образы «женщины» и «тюрьмы» оказались тесно связанными. В этом контексте возможна параллель с уже упомянутым выше М. Яцкивым, который писал, что «...як була я в Альпах, то стріляли ми з одним товаришем росіянином з маузера. Люблю аузерівські пістолі... Тоді зналася я лише з одним осьмаком, він сидить тепер в Росії в тюрмі. Засудили його на вісім літ... Се діялося перед кількома літами під час революційних розрухів. Я також, сиділа в тюрмі. Мій перший любчик був жид...»⁴⁰. И поэтому роман Марии Алисе Баррозу заканчивается картиной широкого социального протестного и радикального движения, сторонники которого,

³⁶ Там же. – С. 337.

³⁷ См.: Забужко О. Жінка-автор у колоніальній культурі, або Знадоба до української гендерної міфології / О. Забужко // Забужко О. Хроніки від Фортінбраса / О. Забужко. – Київ, 1999. – С. 160.

³⁸ Баррозо М.А. В долине Серра-Алта. – С. 346 – 347.

³⁹ Там же. – С. 394.

⁴⁰ Яцків М. Блискавиці / М. Яцків // Яцків М. Муза на чорному коні / М. Яцків. - Київ, 1989. - С. 452.

словно политический лозунг, повторяют слова: «...будь проклят негр, будь проклят бедняк, который побоится взять в руки ружье, чтобы отомстить за несправедливость, которую терпели его отцы! Будь проклят! Будь проклят!...»⁴¹.

Политический и интеллектуальный ландшафт в Бразилии на момент появления романа Марии Алисе Баррозу отличался значительной степенью расколотости и фрагментированности. Наряду с несомненными тенденциями к модернизации традиционные институты и отношения оставались не только стабильными и устойчивыми, но и успешно функционирующими. Сферой доминирования тенденций к модернизации был город, городская культура.

Традиционные ценности почти безраздельно доминировали на периферии. Традиционность нередко имела не просто культурный, интеллектуальный, социальный, но и гендерный бэк-граунд. На этом фоне проникновение модернизации на периферию неизбежно затрагивала и отношения между полами, разрушая архаичные гендерные роли, характерные для традиционного общества, и способствуя постепенному освобождению женщины, ее политизации, включению в дискурс не только традиции, но и дискурс политики, политического участия.

Возникали новые идентичности – политические, культурные, гендерные. Идентичностная фрагментация политического поля сочеталась и с политической. Процесс активизации и рождения новой женщины в Бразилии совпал с появлением левого движения. В такой ситуации сложились предпосылки для постепенного сближения новой гендерной и новой левой идентичности. Это было результатом не просто политических изменений в Бразилии, не первыми успехами модернизационной политики, начатой в рамках авторитарной правоориентированной модели Жетулиу Варгаса. Подобные тенденции в развитии интеллектуального поля в Бразилии были связаны и с утверждением мощного модернистского течения в бразильской литературе.

Этот модернистский бэк-граунд достаточно быстро распался на различные тренды, среди которых был и левый. Роман Марии Алисе Баррозу принадлежит именно левому тренду. Роман стал сферой доминирования альтернативной, левой и радикальной идентичности. И в дальнейшем тенденция к фрагментации интеллектуального поля в Бразилии доминировала, а сам культурный контекст развивался в сочетании правых и левых дискурсов.

⁴¹ Баррозо М.А. *В долине Серра-Алта*. – С. 405.

В. Носов

ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ «ЛЕВЫХ» В ГОНДУРАСЕ

В последнее время в политической жизни Западного полушария явственно наблюдается тенденция к завоеванию позиций силами “левой” идеологической направленности. Начатая приходом к власти в Венесуэле Чавеса, она продолжилась в последние годы победами “левых” в Боливии, Эквадоре, Бразилии, Аргентине, Чили, Никарагуа, Гватемале. В ряде случаев победители ниспровергали ранее казавшуюся застывшей на века двухпартийную систему, традиционную для многих стран континента. Надо оговориться, что, строго говоря, политиков этого ряда связывают в основном общее видение ситуации в регионе и мнение относительно корневых проблем, которые переживают страны региона, однако тенденция прихода к власти сторонников проведения реформ социальной направленности сама по себе выражена четко. Одной из немногих стран Латинской Америки, где все еще сохраняется мощная двухпартийная система, является Гондурас, традиционный оплот консерватизма в Центральной Америке.

В этой стране основу де факто двухпартийной системы заложило то обстоятельство, что с 1902 по 1948 годы вообще не позволялось регистрировать какие-либо другие партии, кроме созданных на рубеже веков Национальной (ПНГ) и Либеральной (ПЛГ), а затем, в значительной степени, на сохранение статус кво повлияла сущность двух гигантов – фактически, это не партии, а патронажные сети. Сами партии не располагают реальными конкурентными политическими программами, на основе которых избирателям следовало бы сделать выводы, за какую из них голосовать, а ограничиваются самыми общими призывами и лозунгами. Более того, и ПНГ и ПЛГ меняют свои позиции по тем или иным вопросам в зависимости от конъюнктуры – например, в 80-е годы ПЛГ была настроена против идеи активного участия военных в управлении государством, поскольку ПНГ в этот период тесно сотрудничала с политиками в погонах. Как можно сделать вывод из материалов гондурасского избиркома, примерно 60% избирателей страны имеют семейные политические пристрастия, традиционно отдавая голоса за “своих”. Вместе с тем система не застыла: если в 50-70-х департаменты Атлантида, Кортес, Франсиско Морасан, Эль Параисо, Йоро традиционно голосовали за ПЛГ, а Копан, Лемпира, Интибуко, Грасиас де Диос, Валле, Чолутека – за ПНГ, то в 80-е годы и далее отмечался значительный разброс результатов¹. Некоторое влияние на ситуацию оказало и новшество, введенное в 1993 году – с этого времени избирателям на участках предоставляют возможность проголосовать отдельно за кандидатов на муниципаль-

¹ <http://www.tse.hn>, accessed 04.03.08.

ных, президентских и парламентских выборах, тогда как раньше избиратель отдавал свой голос за конкретную партию, выставившую единый список, так что раньше голос, отданный за кандидата в президенты, скажем, от ПЛГ, автоматически означал одобрение и списка кандидатов партии на муниципальных и парламентских выборах. Некоторый простор для перемен оставляют и внесенные в середине 90-х по инициативе малых партий страны изменения в избирательное законодательство; теперь и другие группы, помимо двух партий-супергигантов, получили доступ в парламент, и существует некий элемент здоровой неопределенности: из 128 мест в парламенте на выборах 2004 года две лидирующие партии завоевали 116, однако при этом Христианско-демократическая партия Гондураса со своими 5 мандатами получила приличный вес и смогла получить статус младшего партнера в правительстве². В свете общего наступления “левых” в регионе и достаточно скверного положения дел в самом Гондурасе, где экономика находится в не самом лучшем состоянии, а уровни преступности и бедности очень велики, имеет смысл поставить вопрос, возможно ли для “левых” сил страны бросить вызов двум великанам политической сцены? Для того, чтобы ответить на него, нам понадобится взглянуть на положение дел в этом сегменте политической сцене в исторической ретроспективе.

Основу “левых” сил страны составляет ПУД (единая демократическая партия), приходящаяся прямым потомком местной коммунистической партии. Впервые коммунизм в Гондурасе появился в 1923-24 годах, при попытках создать секцию Центральноамериканской компартии, а в 1927-32 существовала уже отдельная, гондурасская, компартия, пользовавшаяся большой популярностью на севере страны. Основатель партии, и крупный деятель гватемальского ее аналога, Пабло Уэйнрайт, был казнен в 1932 году в ходе региональной расправы с коммунистами³. После запрета партии марксисты действовали в составе Демократической революционной партии⁴, но с ее распадом в связи с репрессиями снова вернулись к идее собственной партии, каковая была создана в подполье в апреле 1954 года под акронимом ПКГ. Основной задачей ее являлось, согласно программным документам, осуществление в союзе с антиимпериалистическими, антифеодальными и национально-освободительными силами демократической революции и переход к этапу борьбы за социалистическую революцию. В рамках этого коммунисты широко участвовали в профсоюзном движении, особенно крепко поработав в 1954 во время крупной стачки, в которой поучаствовало, по одним данным, до 50 тыс. чел.⁵. В период правления президента Моралеса ПКГ была крупнейшей в регио-

² *South America, Central America and Caribbean. 2004. P. 520.*

³ *Busky D. Communism in History and Theory. P. 191.*

⁴ *Krenn M. The Chains of Interdependence. P. 61.*

⁵ *СИЭ. Т. 7. С. 614.*

не компартией, имея 2000 членов⁶, но уже к середине 60-х стало вдвое меньше⁷. В 1960 году от ПКГ отошла “гондурасская революционная партия”, желавшая придерживаться во всем научного марксизма, а в 1967 ряды ПКГ покинула про-китайская секция, создавшая “марксистско-ленинистскую партию”, ПКГ (м-л)⁸. Приход к власти военных в 1963 повлек репрессии и разгон компартии, которая, однако, свои организаторские структуры сохранила, и в 70-х в основном занималась лоббированием интересов граждан на местах, например, организуя граждан на предмет пожеланий улучшения инфраструктуры и условий жизни⁹. В 1981 году ПКГ, ПКГ (М-Л) и Социалистическая партия (ПАСОХ) соединились в “Патриотический фронт”, который имел намерение попытаться счастья на выборах. Собственно, до выборов ни фронт, ни христианских демократов правившие тогда в стране военные не допустили¹⁰, что послужило толчком к активизации радикальных элементов в левой части политического спектра. Таким образом, пути развития в политическом поле были для “левых” отрезаны, и ничего удивительного, что в свете общей ситуации в регионе в “левой” части политического спектра восторжествовали радикалы.

Еще в 1978 году основана, а в начале 1980-х перешла к делу МПЛ или “чинчонерос” (по имени крестьянского лидера XIX века, казненного за отказ платить церковный налог, Серапиано “Чинчонеро” Ромеро¹¹), созданные на базе двух марксистских групп, отринувших лоббируемый тогда компартией “реформистский” подход¹², исповедовавшая в идеологическом смысле “эклектику популизма и марксизма-ленинизма”, пользовавшаяся поддержкой ФМЛН и ФСЛН¹³. Финансировалась она путем захвата заложников и грабежа банков, вроде бы не без помощи сальвадорских радикалов, принимавших личное участие в этих акциях¹⁴. “Чинчонерос” попробовали все основные виды активности – взятие заложников, теракты, убийства¹⁵. Нескольким радикальным течениям дала жизнь ПКГ (М-Л), переименованная позже в “партию за трансформацию Гондураса”. От нее, в частности, отошел “Морасанистский фронт освобождения Гондураса”, аффилированный с никарагуанскими сандинистами¹⁶, специализировавшийся на атаках против американских военных и отметившийся на этом по-

⁶ Busky D. *Communism in History and Theory*. P. 191.

⁷ *Foreign Policy in Transition*. P. 148.

⁸ Busky D. *Communism in History and Theory*. P. 191.

⁹ Рафа Н.К. К вопросу о роли союза рабочего класса с крестьянством в антиимпериалистическом движении в странах Центральной Америки // *Проблемы и движущие силы революционного процесса в Латинской Америке*. С. 138.

¹⁰ *The Cambridge History of Latin America*. P. 311.

¹¹ *Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, & Literature*. P. 569.

¹² Allison M. *Guerrilla Politics in Central America*. P. 10. Available online via <http://lasa.international.pitt.edu/Lasa2003/AllisonMichael.pdf>, accessed 04.04.08.

¹³ *Political Parties and Terrorist Groups*. P. 136.

¹⁴ *Terrorist Group Profiles*. P. 79.

¹⁵ *Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, & Literature*. P. 569.

¹⁶ *Terrorism: From One Millennium to The Next*. P. 305.

прище несколькими терактами¹⁷. Выходцы их ПКГ (М-Л) основали также “Народный Революционный фронт Лоренцо Селайя”, названный так в честь убитого в 1965 году крестьянского лидера, и “Гондурасскую революционную партию центральноамериканских рабочих” (ПРТК-Г). Март 1983 года был ознаменован созданием единой координационной группы пяти существовавших повстанческих движений, под общим руководством компартии, под титулом ДНУ-МУР (директорат национального объединения – революционное единство)¹⁸; организация эта находилась под большим влиянием сандинистов, и в 1987 году официальное коммюнике гласило, что защита сандинистской революции это священная обязанность ДНУ-МУР¹⁹, что объясняется, однако, не столько спонсорской помощью ФСЛН, но и статусом Никарагуа того времени как флагмана прогрессивных социальных реформ, в которых Гондурас нуждался. Все группы придерживались, по необходимости, стратегии городской борьбы, большого размаха акции повстанцев, однако, не достигли, не были удачны и две попытки организовать повстанческое движение в сельской местности – в сентябре 1983 год из Никарагуа в департамент Оланчо переправилась группа повстанцев под флагом ПРТК, примерно взвод по численности²⁰, быстро разбитая местной армией, и в 1984 по инициативе ФПЛ²¹ пришла новая группа, но мобилизовать местных крестьян на борьбу так и не удалось. Дорога эта, таким образом, также не привела к заметным результатам, и доказала исключительную консервативность населения страны. Однако эта ситуация не вечна – примерно такой же закованной на века выглядела в 60-е годы социальная структура Сальвадора и Никарагуа.

Общие для всего региона процессы демократизации на рубеже 80-90-х позволили “левым” перейти в легальное политическое поле, что и было проделано; результатом стал фронт “левых” организаций под флагом уже существовавшей “партии трансформации Гондураса”. В 1992 к ней присоединились еще несколько союзных групп, в 1994 их блок официально зарегистрирован под общим названием «Partido Unificación Democrática» (ПУД); особо оговорено, что аффилиаты группы сохраняют автономию. Итого в ПУД состоят “партия патриотического обновления”, “партия трансформации Гондураса”, “морасанистская партия”, и в полном составе “патриотический фронт”, т.е. ПАСОХ, ПКГ, ПКГ (м-л)²². ПУД впервые выступила на выборах 1997 года, и выставляла своих кандидатов на все парламентские и президентские выборы с тех времен. Чисто в плане цифр результаты ее не впечатляют, партия собирает 1-2% голосов на всех выборах, в

¹⁷ *The Dictionary of Contemporary Politics of South America*. P. 163.

¹⁸ *Defence and foreign affairs Handbook*. 1985. P. 278.

¹⁹ *Foreign Policy in Transition*. P. 148.

²⁰ *The Dictionary of Contemporary Politics of South America*. P. 163.

²¹ *The Dictionary of Contemporary Politics of South America*. P. 163.

²² *Busky D. Communism in History and Theory*. P. 192.

1997 году в департаменте Колон ПУД достигла рекордного для себя показателя, 12,7% голосов²³. Кандидаты в президенты занимают третье-четвертое место, так что в абсолютном исчислении партия выглядит карликовой, но это обманчивое впечатление – ведь ПУД при этом является третьей по силе в стране, и занимает ключевое в политическом плане положение, поскольку в условиях примерного равенства сил между партиями-гигантами и при местном избирательном законодательстве роль “номера третьего” очень важна. Каковы перспективы “левых”?

Традиционно наибольшее количество голосов ПУД собирает в департаментах Морасан, Санта-Барбара, Кортес, Колон, Оланчо, Ла Пас²⁴; из этого списка только Морасан и Кортес относятся к регионам-традиционным вотчинам двух крупных партий. Это оставляет определенный простор для действий, поскольку завоеванием позиций в местных муниципалитетах и разумным использованием власти, предоставляемой креслом в таком органе, можно привлечь на свою сторону существующие группы людей, которых не устраивает нынешняя ситуация в стране. Некоторую надежду на сдвиги к лучшему для “левых” внушает и ситуация в регионе – чему доказательством победы известного своими радикальными взглядами Даниэля Ортеги в Никарагуа, левоцентристского кандидата Альваро Колома в Гватемале, ситуация в Сальвадоре, где кандидат от ФМЛН Матиас Фунес реально претендует на победу на президентских выборах. Если следом произойдут и позитивные сдвиги в положении граждан этих стран, то привлекательность “левой” идеологии дополнительно повысится. Предпосылки есть как для перемен к лучшему в самих Гватемале, Гондурасе и Никарагуа, так и для дискредитации политики, которую проводят меняющиеся друг друга у кормила власти ПЛГ и ПНГ: Гондурас хронически отстает от соседей по большинству и экономических, и социальных показателей, гондурасский показатель ВВП на душу населения давно уступает таковым северного и западного соседа, и с некоторых пор традиционный аутсайдер в данном отношении, Никарагуа, реально претендует обогнать самую консервативную страну региона, не говоря уж про неутешительные для этой последней результаты сравнительного анализа социальных достижений стран Центральной Америки.

Вместе с тем важным и существенным промахом нынешнего руководства ПУД является отсутствие какого бы то ни было паблисити, своего рода изоляционизм. Западная аналитика традиционно выражает удивление, что о партии мало что известно²⁵. У ПУД совершенно рудиментарный сайт, состоящий из единственной страницы, хотя в

²³ Allison M. *Guerrilla Politics in Central America*. P. 18. Available online via <http://lasa.international.pitt.edu/Lasa2003/AllisonMichael.pdf>, accessed 04.04.08.

²⁴ <http://www.tse.hn>, accessed 04.03.08.

²⁵ Allison M. *Guerrilla Politics in Central America*. P. 22. Available online via <http://lasa.international.pitt.edu/Lasa2003/AllisonMichael.pdf>, accessed 04.04.08.

условиях, когда офсайты ПЛГ и ПНГ представляют собой просто минимальный набор информации, выложенной в сети в основном по соображениям престижа, информативный ресурс о положении дел в Гондурасе мог бы быть очень к месту и востребован. Сайт ФСЛН в том виде, в каком он существовал до лета 2007 года, с обширной исторической библиотекой и документами, являлся хабом интернет-активности в регионе, намного опережая по числу посещений сайты партий-конкурентов, как раз и ограничивавшихся публикацией самого общего характера материалов. У ПУД же электронный адрес для связи на сайте отсутствует вообще, и кроме того, попытки автора статьи и его корреспондентов в регионе связаться с активистами партии по электронной почте членов ПУД-депутатов парламента Гондураса на предмет получения программы партии и прочих документов такого рода, не увенчались ничем. Между тем нельзя забывать, насколько большую роль сыграли в свое время – и в некотором роде играют до сей поры – в успехах ФСЛН и ФМЛН действия западноевропейских партий “левого” толка. Поэтому следовало бы акцентировать пропагандистские усилия партии на расширении контактов с европейскими и региональными партиями, на укреплении сотрудничества с ними. Это может повлечь и укрепление материальной базы партии, как в свое время и было с ФСЛН и ФМЛН, и рост ее престижа.

Значительным отрицательным для роста влияния “левых” фактором является традиционный союз США и руководства Гондураса; схемы, позволяющие отбирать голоса у “левых” в регионе, хорошо известны на примерах Сальвадора и Никарагуа, а здесь и угрозы расторжения торговых договоров, и наложение ограничений на трудовую миграцию и многое другое. Однако в условиях роста влияния “левых” в регионе открываются возможности для экономического прогресса и не только на базе контактов с “добрым соседом”, что может со временем создать для государств региона пространство для политического маневра.

Важно также помнить, что для придания политической жизни страны нужного направления совершенно необязательно одерживать решительную победу на выборах, а достаточно выступить на них уверенно, а затем вступить в союз с одной из руководящих партий, лоббируя в таком блоке идею прогрессивных социальных преобразований; практика показывает, что довольно быстро наступает период, когда все правящие партии начинают вынужденно включать такие лозунги в свои программы и осуществлять их на практике, просто чтобы не лишиться влияния и не уступать более решительным и разворотливым оппонентам.

«НОВЫЕ ЛЕВЫЕ»:
КУЛЬТУРНЫЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ВКЛАД В ЛАТИНО-
АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Marina A. Sitrin
HORIZONTALIDAD EN ARGENTINA*

The following is a small selection of interviews with protagonists in the autonomous social movements in Argentina, the second in a series that will continue to appear here in the coming months. These are among the many voices that I have the privilege to be compiling into an oral history to be published bilingually in the near future.

I concluded my introduction of the first selection of these interviews by admitting happily that “I am still learning what I am learning.” This remains true today, as I hope it will remain true always, indelibly inspired as I have been by the social and political transformation that is taking place in Argentina. Among the most wonderful and profound dimensions of the social movements in Argentina is, I believe, their pervasive commitment to continually question, learn, and relearn new forms of social creation. In the spirit of the Zapatistas’ “walking while questioning,” the movements in Argentina are not about particular goals, but about the process, about the revolution that can be achieved in the every day. The movements are not about taking power, in other words, as the interviews reflect, but about creating “another power” through social relations, through the process of creation.

I also admitted there that at first I thought that this might all be too good to be true, as I have heard some wonder since in response to the interviews, as I do still myself on occasion. These voices are indeed so very inspiring. What the movements in Argentina are creating, after all, is much of what many of us have imagined for the world for so long. I have shared so much with their protagonists, and still I have to worry occasionally that I may be hearing in their voices not their vision, but mine. Upon rereading the interviews, however, listening again to the voices they reflect, and hearing them anew in the conversations and correspondence I continue to enjoy, I am fortunately and happily reminded of the deep seeded hope and vision that the movements in Argentina do in fact represent, of the ways in which they have moved me, ones I could never have imagined, ones I continue to struggle to understand, of the tears of joy I have witnessed and

* Эта статья была впервые опубликована в 1969 году. Текст печатается по: <http://www.leftturn.org/?q=node/667>

shed myself. These are the stories of our time, and of our future. A profoundly real social and political transformation is taking place in fact in Argentina, a revolution in every day practice. It is happening there. I can happen everywhere.

Natalia and I met one afternoon in the Toma. The Toma is an enormous, four-story occupied building next to the train station in Lomas de Zamora, outside of Buenos Aires. In 2002, a few neighborhood *asambleas* and a *piquetero* group from the area of Lomas de Zamora came together and decided collectively to take over a space to use for the community. The word “toma” means “taken.” It was a conscious decision on the part of those involved in the taking of the space not to call it “occupied” or “recuperated,” so as not to impose on it any particular political identity. The Toma serves many functions, from popular education classes, to theater and music workshops, to housing a popular kitchen (*comedor*) that feeds over one hundred and fifty people a day. Those who eat in the *comedor* also participate in *asambleas* on questions of the food gathering and of serving and cleaning. The goal is not to have a separate relationship among the people who eat and those who cook, serve, and clean. The Toma also works with dozens of street kids. The changes in these kids, as well as in those in the Toma who work with them, is one of the most amazing and visibly concrete things that I have observed during the time in Buenos Aires. While they were at first completely distrustful of anyone in the Toma, seeing them as just more people they could hustle, how wonderful it was to witness, during one of my last visits, one of the older kids working with an *asamblista* and turning afterward to helping a young ~~This is a new space~~, a space of creation, one where we are creating distinct connections, new relationships among and within ourselves. It is also about creating connections with people who are generally marginalized, and breaking with the sort of relationship that does not recognize the other, or creates a barrier that does not allow one to see the other or their situation, making them invisible. It is a new space outside of what has previously been instituted or established. The intention of the Toma is the creation of these new personal relations, other forms of socialization. This is one of the main reasons why it was fundamental that we incorporate the street kids in the space. It is a place for all to share, it is of and for everyone. The idea is to create a consciousness that this place, the Toma, does not belong only to me, those who work here, or the *asambleas*, but rather it is of and for everyone in the neighborhood, the kids, the *cartoneros* [who collect and sell cardboard to survive] the people that live in the street, everyone.

This has been a hugely important learning process. One of the first things I noticed when I entered the Toma is the wonderful tendency, to actively listen to all opinions, ones we may or may not agree with, but listening to everyone, and continuing to try to construct an understanding among all people. If things are not collectively built they are not likely to

be succeed. I am reminded, by way of example, of something that happened with the left political parties. The parties wanted to participate in the asambleas of the Toma, but really they just wanted to have everyone work on their particular project. They had an objective, they wanted to voice it, and then just wanted to bring it to a vote within the asamblea, and that was it. It became clear they could not get what they were seeking and they had to leave.

As I see things in the asamblea, we are creating, and continue to create everything, among and between everyone. One puts out an idea, another complements it, another criticizes a part of it, another supports a part of it, and that is how things continue to grow and change. It is, of course, sometimes difficult. Each person participating has a different learning process. All of us come with a set of ideas and different ways of being. It is difficult to get accustomed to learning to think together. We have many conversations on precisely this topic in the asamblea. The overall objective is that everyone believes that no one can impose anything on another, we strive for horizontality, we know that we need much more time and that it is complicated... but we continue. It is all a learning process, a process of constant creation.

We try and not think too big, because we know that the work is enormous, and the process is very difficult, but when we see certain things, the happiness is enormous, like the work with the street kids ... sometimes these kids would steal from us, or hit or spit at us, and now that we have the bond that we do with them, as they have with us, it is incredible. When you not only believe, but know you can connect with another, it makes it all worth it, it is enough. This is how one continues giving everything, why we know we will continue to give.

It is as if we are not only appropriating the space, but also liberating the word. Before I felt a bit shy and fearful, and now I even approach people to speak. The fact is that we, any of us, go and eat with those in the comedor, and we stay late, it is different than just going, helping with a plate of food and then leaving. The exchange and sharing is all part of creating the bond and connection, a bond that is much more ideal. And this is the difference, that you can begin to discuss, because the learning process, obviously, is mutual. It is not that I have something and am going to then teach it to others, it is about a relationship, that from them I learn so much, the richness is on both sides, it is huge.

Particia, Martin and Vasco participate in the MTDs Allen and Cipoletti, in Patagonia, a region in southern Argentina that is one of the most politically coordinated and sophisticated that I have encountered so far, including a powerful network of occupied factories, MTDs, indigenous Mapuches, university students, and a strong barter network. Formed in the mid 1990s, MTD Allen was the first in the region to organize, and has since inspired MTDs in neighboring towns, including Cipoletti, in part by coordinating autonomous encuentros of unemployed workers. The MTDs

Allen and Cipoletti are pursuing numerous important projects, from organic gardening and other forms of food production, to clothing repair and manufacture, to a medical clinic, which even provides eye care. Most recently, a huge expanse of land has been occupied in order to build homes, and plans are under way to locate there an alternative education project.

The interpretation of horizontalism is important so as to understand the movements. I say this because if you talk with *compañeros* in the left parties they will schematize the question. They believe that horizontalism is a direct line, an association of points, where all are equal and differences do not exist. If you view horizontalism from the perspective of a relationship of different people, all with the same quantity of rights, you do not understand it. You are presupposing that horizontalism is a mechanism that divides up one chorizo in equal parts, and that is not horizontalism. We are all distinct and different. The challenge is for each of us to think within the collective, for each person to be integrated, to form collective thought, as well as understand how we produce a collective, and how this collective relates amongst itself in creating collective thought. This is horizontalism.

The movement in Allen arises, and from there a freshness and naturalness. From the moment it is born with all its freshness and spontaneity, it is born breaking free from the social control imposed by the parties. The first rupture is to toss off the shit of leaders, stop messing with political parties, and to look for our own path. Without an elaborated theory of practice, [the movement] arises as spontaneous expressions of a social practice looking for a different path, as a search.

As well as a search, it is a rupture with everything. A strong break with all that I have seen, all that I have been experimenting with for many years. As they say “enough of this,” including the revolutionary experiences. It is as if we have seen it all and this is not it. So then we make a break and begin to forge another path. I believe that autonomy is a path that is doing this, it is not complete, every day there are things to learn, to internalize, each of the *compañeros* learning from the experiences of the other. Autonomy is something that is developing, and developing constantly. It is in no way closed.

Through the concept of autonomy, this epoch shows the intent to construct a way that will not be a mirror of modes of domination, and will be able to subvert it, if not it is not subversive, but simply reactive.

Autonomous thought does not only question the ideas of the revolutions of the past, nor does it simply question the practices of past revolutionaries in their struggle against capitalism. Rather, we are in a time where the contradiction is capitalism, the presupposition of the disappearance of humanity, or the constitution of a new civilization.... This is to say, not only to try to change the system, not only to question capitalism, but to try and question everything, including all of our own practices. Carlos G. spent hours with me one afternoon discussing the history of the struggle at Zanon and how deeply the struggle there has affected not

only the workers, but their families, the local community, and the broader community of the movements. Zanon has been occupied by the workers and run directly democratically since the fall of 2001. It is the largest factory in Neuquen, Patagonia, occupying several city blocks. Entering the factory offices, one is greeted by walls filled with posters and other materials documenting their struggle, and the struggles of other factories, communities and MTDs in the movements. One wall in particular is covered with letters from elementary school students in the region, thanking the workers for setting an example for them to follow as they grow up. Zanon, no longer in the service of exploitation, is now in the business of creating a community, not only in the “ceramics family,” but throughout the whole of the city. What the workers of Zanon are accomplishing represents a truly inspiring redefinition of values.

There are so many things we are thinking about, including which way to go until this society changes. We are not going to achieve this from day to night. We did not take the plant from day to night. Everything is step by step. We are trying to take these steps little by little. We have come far, from being in the street to being here, working and producing at the level we desire, one that month to month is growing.

When Hebe Bonafini of the Madres visited us in the Zanon plant for the first time, she told us she could feel the life beating here in the song of the machines functioning. This song makes her heart beat, and she sees in us the children that she has lost. For us these words were really important, very “llegantes” also for each one of us. A woman that has fought for more than 26 years, struggling for social change, in a country that has more than 30,000 disappeared and that the only thing that they fought for was a better society, a better country, imagine, how we were affected when we heard these words...

We began this for one reason, that of survival. We have done a lot, taken many steps in which we have grown not only in expressing ourselves, but also in the things that we have done. None of this is done for self-aggrandizement. We are humble. If you ask me, “why are you here?” It is to keep our workplace, and not only for me, but also for my compañeros. I go to other places and I say this, and they say, “but you are making history, you are the greatest and they elevate us like this as if we were an idol, as if you were famous. Or you go to speak in a place, and as soon as you speak people begin to applaud. This happened to me once. These are things that show you what we are living, and you do not want to open your eyes because we know that what we are doing is very very big.

In this conflict we have always been attacked, always. In total we have had five orders of eviction, and all five were pushed back with the help of the community movements. Each time that we faced an eviction, outside thousands gathered within half an hour, so that the factory could not be evicted. The factory is of the people, as we have suggested.

My life has changed, absolutely. The struggle has given me much more courage, more values than I can count. I learned what solidarity is, what is the dignity of a person, up to the valors, until where you get, and that you have to feel for others, collaborating, feeling, to think in a collective form, as a part of the community, and much further from there you think in a collective form that is yours.

We continue growing in different ways. This growth has caused many compañeros to change their way of thinking, this way of thinking of only oneself, and to open up and think also about others, no longer in just the singular. We are everyone.

It is all part of a new reeducation. You speak with a certain confidence, you feel that it is a compañero that struggles at your side... and there you become more human. How are you not going to love him? Yes, you esteem him, you love him, and I am not exaggerating.

And as a dream...a dream is to win this struggle, to move ahead... move ahead with this factory. My personal dream is to teach my son all of the values that I have learned up to this point; that he follows in his fathers footsteps, that he struggle and know why, that if one of us should fall, our children raise our flag, as so many have raised, and continue fighting, that he struggle for just causes and is always conscious that things can always be better, that they can be better on the personal level; and that more than anything he have a path that is clear. I speak of my baby, because my baby was born two months before this conflict.

Alberto and I met one afternoon on the factory floor of Chilavert, a printing press that was taken over by the workers in December of 2001, and has been run collectively and directly democratically ever since. Alberto was there as a representative of the Clinica Medrano, a clinic that has been run without bosses or hierarchy, and by the workers, for over a year. He was there to discuss how to help Chilavert and the neighborhood asamblea of Pompeya open a free neighborhood clinic in one of Chilavert's front offices. Alberto invited me to come visit the clinic and discuss its history and current reality. He explained that before taking over the clinic the workers had a series of struggles with a boss who had not paid them for months. A new owner then took over the clinic, continued not to pay the workers and then called out armed guards when the workers occupied the clinic. In the end, the workers, with support from the community forced the boss to back down. They have been running the clinic without bosses ever since. The process... it has been a revolution in every sense of the word. It was a revolution from the point of view of "I will not tolerate any more." We decided that we would not tolerate more, the workers together, including us, and we began to look for a way out by our own means. The workers, from state employees to private, began to see how to resolve their own problems. What were their problems? Their basic problem was that they had corrupt leaders that did not allow them to fight, who did not allow them to advance. In our case we did not have a way out, so we decided ok,

we will invest our energy into taking our clinic, fighting along the way with the government, and fighting with the union bureaucracy.

We are politically independent, and our politics as a cooperative get resolved in the asamblea, from the most minimal individual problems, to the changes of hours, to things that are not necessary to resolve in the asamblea, but in this case we do resolve all things in the asamblea because we do not want to make mistakes.

How did we feel about taking the clinic, how do we feel? In general we have a lot of hope and many expectations, together with happiness. But also uncertainty, we were facing something that we had no idea how to do. We knew how to work, but not how to administer the mechanics of the organization of a workplace, so everything was a challenge. We pretty immediately surrounded ourselves with people who know about these subjects, and people who in solidarity came to help us. But the work itself was to be done by us.

Solidarity is an essential aspect of our project. We do not want to practice the same type of medicine where what is important is that you have money rather than your health, which is the traditional medicine in this country, as well as others. Our idea is to be able to live, to bring home a salary, while giving the most dignified and best service possible. Offering attention to people who need to resolve their health problems, including a day that we devote to unemployed people, from medical attention to medical consultations. We want to give medical attention to those sectors that are marginalized.

Forms of solidarity among the occupied factories... We have with Chilavert an agreement of attention. They print all of our paper and we give medical attention to all of the members of the cooperative and their families. We also have an agreement with a cooperative that is called the 26th of September. They make software which they install for us. They also offer courses at for the administrative support staff so that we can work better, and learn more about the programs we have. Of course we give medical attention to the cooperative and their families.

One of the things we are trying to do is put together a group of recuperated workplaces that is independent of the political parties. We would like an encuentro of recuperated work places that is the most politically independent and autonomous possible, with independence from the state, political parties, the church, and all of the sectors in general; not independence from politics in relation to the political thoughts of someone who works, but from the institutions; one where the workplaces determine for themselves, in a form that is autonomous where no one comes to tell you what to do, where the workers themselves decide what path they need, and construct it for themselves.

Emilio and I first met in an asamblea of indymedia and Lezamal Sur, located in the occupied Banco de Mayo. Our conversation revolved around their possible eviction from the bank, a space that they, along with others in

the community had been occupying and using as a cultural center since shortly after the 19th and 20th. Many of the occupied spaces in Buenos Aires are banks, chosen in large part for their symbolism. Emilio is 17 years old, and easily one of the most articulate and visionary people I have ever met. He has worked with a number of movements and collectives, including Intergalactica, a “laboratory of global resistance working against capitalism and for a global struggle based in the local.” We met for our interview in Tierra del Sur, behind Lezama Sur, where Emilio spends a great deal of his time. Tierra del Sur was another collectively run occupied building, housing a number of families, and providing cultural activities and a kitchen for the community. During the interview, two children came into the room wanting to know what we were doing, what we were talking about, and why we were using a microphone. When we told them what the interview was about they wanted to talk. They proceeded to tell us why they loved Tierra del Sur and why the possible eviction was “very bad.” They said they enjoyed coming to the space not only to eat, but for their music and puppet workshops as well. Together they chanted “No al Desalojo!” (“No Eviction!”). Both spaces were evicted by hundreds of police the following month. Indymedia is now located in another occupied bank and Tierra del Sur is in an occupied building a few blocks from the original. The workshops and communal kitchens continue.

What is our program, the good thing is that we do not have a program. We are creating tools to be free. First, obviously we need to meet our basic necessities. At the same time we are meeting our basic necessities we are creating tools to be free. And for me this is autonomy. Because if you think about it, what are the concepts that are incorporated in autonomy? One begins to think about self-organization, providing for oneself (individual and collective), organizing in networks, non-commercial exchange of goods, horizontalism, direct democracy, and we think, if we have all of these things then are we autonomous? Autonomous of what? No, if one day we really have autonomy we are not going to be autonomists or autonomous, we are going to be free.

Autonomy for me is a construction and not an end, the day we are autonomous it will no longer be necessary to be autonomous. As well we cannot believe that oh, good, we are autonomous and it is in some geographic or temporal space, that is to say in a non-capitalist community. This was the hippy experience that we can learn a lot from, because this did not work. While capitalism exists we are inside of it.

Autonomy is a bubble that exists within the system. With autonomy what we are able to do is construct spaces where the logic of the system does not reign. That is not the same as the system not reigning. The capitalist system is everywhere, and will be until it no longer exists. And yes, of course we will get there. What can I say, if I did not think we could get there I would not be trying.

What we can do is continue constructing, without falling into the logic of the system. To not think as the system thinks. Trying to make the revolution in our everyday life. And the day when we are successful, the day when we really successful, then the things are ready, we will then be free, we will not be autonomous.

The times we are in are not electoral. We are continuing with our neighborhood construction, and our local construction, thinking globally. In this moment we are in a time of resistance and construction. The rebellions of the 19th and 20th of December and January have passed. Now we are moving ahead step by step, and sometimes we have to pause and examine where we are, each step we take, our successes, and wait, and then continue advancing. It is a moment of resistance and creation.

We are historical subjects. We have stopped being passive subjects, which is what voting, electoral politics and the system try and do to us. We have stopped being marginalized subjects, so as to be historical subjects, active subjects, participatory subjects. Actors in our own lives.

At this moment I believe more important than shutting down roads and bridges, more than direct action, is to expand the work in the neighborhoods. Clearly with an anti-capitalist vision of construction. Most important for me right now, as this moment of resistance is to expand our community gardens, expand our occupied factories, expand really all of the constructive projects we are working on... until another 19th and 20th.

BRAZIL AND THE WORLD-SYSTEM: THE ERA OF LULA*

Brazil is a major country in the world-system. Its large size, its large population, its role as a leader of Latin America, and its strength as a semiperipheral state all mean that what happens in Brazil is of great consequence in terms of both the geopolitical arena and the structure of the world-economy. In 2002, for the first time in Brazil's history, the candidate of a left party, Luiz Inácio da Silva ("Lula") of the Partido dos Trabalhadores (PT), won the elections, and seemed to signal a resurgence of left forces in Latin America and the South in general. Yet, only ten months later, the reviews of commentators, both Brazilian and foreign, are very mixed. Once again, the question is being asked whether it is possible to sustain an elected left government, one that will pursue a policy in opposition to the forces of neo-liberalism, in a country of the South? Or are the counterpressures of the United States, the IMF, and major capitalist forces too strong?

First, we should look at the correlation of forces at the moment of Lula's election. Lula obtained an electoral majority by forging an alliance with other parties (mostly of the center). His party is a minority party in the Brazilian parliament. Brazil has nearly the world's record in terms of internal inequalities. A large part of the rural population is landless. The country was bound by agreements made by the previous regime with the IMF. Brazil had a large debt and a relatively small amount of cash reserves. In the six months prior to Lula's election, he was clearly being threatened by a massive withdrawal of investment and financial inflows, if he failed to "reassure" world capital that he would not engage in measures that they considered hostile. On the other hand, he was swept into office by popular enthusiasm, both for him personally and for the anti-neoliberal program he and his party represented. For Lula and for Brazilians, especially the poor, hope had conquered fear (see Commentary No. 100, Nov. 1, 2002).

There are three arenas which dominate political concerns of Brazilians: economic policy, land reform, and foreign policy. Lula's government clearly decided to move first in the arena of economic policy. Lula gave certain guarantees to international capital, even before his inauguration. He insisted that Brazil would continue to emphasize the fight against inflation. He appointed Henrique Mireilles, who had been head of the Bank of Boston, as the head of the Central Bank. Mireilles had actually supported Lula's opponent during the elections. The rest of Lula's economic team are also persons who are anxious to pursue policies that will not antagonize international capital. In its defense, the government says that it is seeking to renegotiate its accord with the IMF in ways that will reduce

* Публикуется по: <http://fbc.binghamton.edu/120en.htm>

constrictions on infrastructural and social investment, or even dispense with an agreement altogether.

Two major economic decisions of the initial ten months stand out. The Brazilian government has maintained an extremely high interest rate on its bonds (although they have lowered it from 26% to 22%). And the Brazilian government has passed a reform of the social security system which reduces considerably government pensions. Both actions are financially conservative. Both actions have been severely criticized by left intellectuals, but also by some business sectors who feel that the high interest rates make it impossible for them to expand their economic role (as opposed to the economic role of foreign banks and large-scale Brazilian enterprises linked to them). These left intellectuals had promoted instead a "productive shock" through the radical lowering of interest rates. One of them, Emir Sader, talks of a "lost opportunity," whose very negative effects will be felt in the near future.

In the arena of agrarian reform, the government has been far more cautious than in economic policy. Thus far, it has done very little. But Lula has made an effort to keep the support of the Movimento dos Sem-Terra (MST, or the Movement of the Landless), who were a major historic pillar of the PT, and who continue to have the support of a major segment of the Catholic Church as well as the Coordenação dos Movimentos Sociais (which groups a large number of powerful trade-union, student, and church organizations). The MST engages in occupations of unused land (which represents a significant part of Brazil's acreage). The government's official position is that the government should buy this land from its owners and turn it over to the landless. The problem is that it doesn't really have the money to do this, and its economic policy is not one that will augment the sums necessary in any short time. The MST is not waiting, and continues to occupy land. It is met by resistance, often armed resistance, from the large landowners, who regard the MST as a dangerous movement that should be crushed, or at least curbed. These landowners are not for the most part ready even to sell their land, much less give it up without compensation.

The MST recently asked for an audience with Lula, which he granted on June 24, much to the public dismay of the landowners. In his talk with the leaders of the MST, Lula asked them for "patience" and reaffirmed his "moral and historic commitment" to agrarian reform. One of the leaders of the MST, João Paulo Rodrigues Chaves, said they still had faith in Lula, but he warned that he had to "implement real changes" no later than the end of 2003. We shall see if he is able to do that.

Finally, in the arena of foreign relations, which even his left intellectual critics agree is his best showing, Lula has moved in various ways to show his colors. He has reached out strongly to other leaders of South America - not only Venezuela and Argentina - but also Peru which he visited this month, pushing the idea that Mercosur (Mercosul in Portuguese) must be strengthened, widened, and become a major force on

the world geopolitical scene. Mercosur is today the embryo of an economic union, with only four full members who have reduced tariffs between each other. Its strength is about that of the early forms of the European Union some 30-40 years ago.

Of course the major issue is how Mercosur relates to the Free Trade Agreement of the Americas (FTAA, or ALCA in Spanish and Portuguese), being promoted by the United States. The U.S. basically regards Mercosur as at best a nuisance and at worst an enemy. The U.S. wants a free trade agreement that would open Latin American countries to its financial institutions and would guarantee intellectual property. The Latin Americans are interested in access for their manufactures to the U.S. market. Each side basically hopes to veto or put off the primary demands of the other side by insisting that the questions each doesn't like be treated within the framework of the World Trade Organization (rather than bilaterally) where each believes it can find support.

In the end, U.S.-Brazilian divisions over FTAA/ALCA are the key apple of discord. If Lula holds strongly to his position, he will find that he has made a big difference in world geopolitics and that therefore the Bush government may give him no quarter. If he doesn't, however, he may have little to show for his term of office. Brazil is already in the midst of electoral maneuvers. But no one believes him. And his polls at the moment are good. He is a charismatic figure and there is no visible opponent of stature. What kind of government is the government of Lula? His supporters say that it is a government of the center-left (necessarily, because of the alliances). He himself said this August that he is not and has never been a "leftist," although his public declarations in the past seem to belie this, since he spoke of being part of the Latin American left with a socialist perspective. Some left intellectuals in Brazil now are saying that his government is a right-wing government, even though they also say there is no left party to contest him.

In neighboring Argentina, President Kirchner is pursuing the policy many expected or hoped that Lula would pursue and which was not expected of Kirchner. But Lula and Kirchner have different social and cultural "constraints," as the left Uruguayan publicist, Raúl Zibechi, has recently reminded us, Argentina having a middle class that has lost considerable income recently whereas Brazil has a middle class that is still moving upwards. Can Lula move more in the direction which the PT represented historically in Brazil? That depends in part on how far he succeeds with Mercosur. It also depends, and few acknowledge this, on how much trouble George Bush finds himself in. To the degree that the U.S. is in political and economic difficulty, the room for manoeuver of a government like that of Lula, will increase considerably. The picture will become much clearer in 2003.

ЦЕРКОВЬ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ

Леонардо Бофф СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ: БЕДНОСТЬ И НИЩЕТА*

Сегодня говорят о самых разных кризисах: экономическом, энергетическом, социальном, моральном, экологическом, о кризисе системы образования. На самом же деле все эти частные кризисы суть части огромного кризиса общества, которое мы создали за последние четыре столетия. Этот кризис можно назвать всемирным в том смысле, что эта социальная модель распространилась (не всегда добровольно) практически по всему миру.

Самой бросающейся в глаза чертой нашего типа общества является то, что в нем богатство и бедность резко противостоят друг другу. Это явление можно наблюдать и в масштабах планеты, и в каждой отдельной стране. В масштабе планеты есть несколько богатых стран и множество бедных. В каждой отдельной стране особенно заметно, что меньшинство пользуется изобилием всевозможных благ (продуктами, медицинским обслуживанием, образовательной системой, бытовым комфортом), а большинство не имеет даже минимума, необходимого для сохранения жизни и достоинства. Бедные есть даже в индустриализированных странах Севера, как есть свои богачи в Третьем мире. Почему это так? Ответ можно найти в анализе трех концепций, критически относящихся к современному обществу.

1. Освободительное движение угнетенных утверждает, что это общество построено не на принципах жизни, общего блага, солидарности или совместной деятельности людей, но на экономике, на тех механизмах и силах, которые создают богатство, грабя природу и эксплуатируя людей. Эта экономика стремится к безграничному росту за кратчайший период времени, с минимальными затратами ради максимального дохода. Люди, способные выжить в таком вихре и следовать такой логике, смогут составить себе капитал и разбогатеть, но только в результате постоянной эксплуатации окружающих.

Такая экономика вдохновляется идеалом развития, подразумевающим бесконечность двух величин: природные ресурсы кажутся бездонными, возможности будущего роста - безграничными. Для такого типа экономики, который можно назвать экономикой роста, при-

* Печатается по: http://www.krotov.info/libr_min/ae/aecoteol/eco_282.html

рода является просто складом ресурсов, сырьем для удовлетворения человеческих желаний. Рабочие являются человеческими ресурсами, необходимыми для достижения целей производства. При таком подходе обнаруживается утилитарность и механистичность подобной экономики: люди, животные, растения, минералы - все живое теряет свою автономность и внутренне присущую им ценность. Все превращается в средство для достижения цели, которую установили, исходя из субъективных побуждений, люди, считающие себя центром вселенной и стремящиеся к роскоши и накоплению богатства.

Освободительное движение критикует такую экономику за то, что в ней обогащение одних совершается за счет обнищания других. Такая экономика не умеет стимулировать экономическое развитие, не производя в то же время социальной эксплуатации как внутри отдельно взятого общества, так и во всемирном масштабе. Нельзя назвать общество с такой экономикой и демократическим, потому что оно устанавливает политическую систему, в которой все контролируется элитой - либеральной элитой, избираемой демократически, или военизированной хунтой. Это не демократия, построенная на интересах большинства, нацеленная на благосостояние многих через совместную деятельность людей, создающую и увеличивающую равенство и солидарность.

Такая критика и породила освободительные движения угнетенных: от хаотической борьбы безземельных и бездомных за собственность до хорошо организованных вооруженных отрядов. Именно эта критика породила культуру, в которой так много означают гражданственность, демократия, соучастие в управлении и производстве, солидарность, освобождение. Эта критика выступает за развитие, которое отвечает потребностям всех, а не только сильных.

2. Группы, выступающие с позиций пацифизма и активного ненасилия, отмечают, что общество неравного развития порождает насилие и в отдельных странах, и в отношениях между народами. Это насилие является прямым следствием того, что страны, обладающие технологической и научной мощью, господствуют над отсталыми странами. Этот конфликт проявляется разнообразно. Наиболее заметны классовые, этнические, половые и религиозные конфликты.

Наша модель общества поощряет не солидарность, а соревнование, борьбу всех против всех. Человек отбрасывает свою способность к сочувствию ближнему, любви ко всему живому, сердечному сотрудничеству ради удовлетворения примитивной жажды исключительности, классового или личного превосходства. Такое общество принципиально нестабильно, и приходится развивать военную силу, способную контролировать и подавлять сопротивление, чтобы поддерживать минимум единства. Противостоящие друг другу союзы народов создают военно-индустриальные комплексы, наращивают вооружения, все их существование милитаризируется. Холодная война кон-

чилась, но каждый год в индустрию смерти вкладывается от одного до трех триллионов долларов, а в сохранение планеты - в двадцать раз меньше. Именно поэтому участники движения за мир и ненасилие предлагают так организовать общество, чтобы демократия вела к установлению справедливости.

3. Экологическое движение заявляет, что существующее общество не может производить богатство, не разрушая окружающую среду. Побочным результатом развития индустриального общества являются накопление мусора, ядовитых и радиоактивных отходов, загрязнение атмосферы, кислотные дожди, разрушение озонового слоя, отравление земли, воды и воздуха - и все это ведет к ухудшению качества жизни. Голод, болезни, обездоленность, отсутствие жилья и образования, кризис семьи и общества - всё это экологическая агрессия против самого сложного существа, против человека, особенно против слабых, бедных, отверженных.

Озабоченность этой агрессией порождает экологическую культуру - коллективное осознание нашей ответственности за выживание планеты, животного и растительного мира. Эта культура подчеркивает нашу ответственность за нищету и бедность в мире, за установление таких взаимоотношений, при которых все люди и всё живое могли процветать¹.

В наши дни важно прямо высказать все критические замечания в адрес господствующей в мире системы. Мы должны как можно скорее найти новую модель общества, которая не повторяла бы ошибок прошлого и объединяла бы всех людей, устанавливала бы более добрые отношения с окружающей средой.

Социальная экология: грандиозное равновесие

Мы говорим об экологии, бедности и нищете. Бедность и нищета рождены обществом, а не природой или Промыслом. Они есть следствие того, как организовано общество. Сегодня очевидно, что экологические проблемы многообразны и весьма реально связаны с социальными вопросами. Все взаимосвязано. Проблемы окружающей среды связаны с социальными. Социальная экология стремится изучать вырабатываемые обществом отношения между членами социума и социальными институтами, между обществом в целом и природой.

Прежде всего необходимо сделать несколько важных предостережений.

¹ Redigor J.R. *Giustizia sociale e giustizia ecologica nei rapporti Nord-Sud* / J.R. Redigor // *Emergence*. – Vol. 4. – P. 22 – 26.

Экология есть нечто намного большее, чем стремление к консервации наличного положения вещей. Экология не озабочена только выживанием отдельных видов, ей недостаточно спасти их от уничтожения. Сегодня речь идет о сохранении всей планеты, потому что под угрозой уничтожения находится всё.

Недостаточно сохранять те регионы, где еще существует равновесие естественных природных систем, организуя ландшафтные заповедники или парки. Так мы только поощряем экологический туризм, а поведение людей меняется незначительно: уважение и почтение к природе ассоциируется только с определенными местами, а не с миром в целом.

Экология имеет дело не только с природой: растениями, водой, воздухом, в этом смысле нужно говорить о недостаточности заботы об "окружающей среде". Такая забота может обернуться против человека, в котором начинают видеть "экологического сатану", опасного для природы. Такой взгляд очень распространен в странах Севера, где люди, экономически и политически господствующие над миром, ощущают потребность в очистительном самоумалении. Правда заключается в том, что люди есть часть естественной среды. Люди есть часть природы, они могут изменять природу и себя, создавая культуру.

Следует остерегаться политизации экологического движения, при которой люди ищут гармонии общества и природы только для того, чтобы безнаказанно эксплуатировать природу, как можно меньше меняясь лично. Такое отношение к природе подпитывает потребительское отношение к земле, согласно которому люди должны господствовать над природой. С этой точки зрения, нужна не прочная гармония, а перемирие: пусть природа подлечит свои раны, а затем мы опять начнем её эксплуатировать. Мы должны преодолеть такое опустошительное и расслабляющее отношение современного общества к природе; люди должны заключить союз с природой, стать ее союзниками в деле сохранения и укрепления нашего общего существования.

Экология не должна ограничиваться сферой идей, она должна учитывать социальный аспект существования. Конечно, от идеологии зависит, насколько мы агрессивны или, напротив, доброжелательны, но все-таки люди живут не в царстве концепций, а в гуще постоянно ухудшающихся социальных отношений. Сами умственные и физические особенности людей в огромной степени обусловлены социально. Поэтому мы должны думать о социальной экологии, способной установить социальную справедливость. Проблемы бедности и нищеты следует решать именно в рамках социальной экологии. Бедность и нищета - это социальные проблемы, и решать их следует на уровне общества.

1. Что такое социальная экология? О социальной экологии писали много. Шарбоно Родс написал "Французскую экологическую энциклопедию".

лопедию", существуют работы социального антрополога Эдгара Морина. Нельзя не упомянуть произведения М.Букчина из Северной Америки, А.Несса из Норвегии. В Латинской Америке о социальной экологии стали активно писать после первой международной конференции ООН по проблемам окружающей среды, прошедшей в 1972 году в Стокгольме. На этой конференции говорили о том, что в экологии существует два основных направления: страны Севера тяготеют к сосредоточенности на проблемах окружающей среды в отрыве от гуманистических и политических аспектов, страны Юга подчеркивают социальный и политический аспекты экологии. В Латинской Америке развитие социальной экологии стало особенно заметно с появлением работ перуанцев Карлоса Герца и Эдуардо Контрераса и уругвайца Эдуардо Гудинаса.

Гудинас дал определение социальной экологии как "изучение человеческих систем в их взаимодействии с системами природными"². "Человеческие системы" включают в себя людей, общества, социальные структуры. "Природные системы" включают в себя природные объекты (джунгли, пустыни, равнины), достижения цивилизации (города, фабрики) и людей (мужчин, женщин, детей, этнические группы, классы).

2. Главные вопросы социальной экологии. Гудинас следующим образом сформулировал основные положения социальной экологии.

Человеческие существа активно взаимодействуют с окружением и как личности, и как члены общества. Невозможно порознь изучать людей и природу. Некоторые проблемы можно понять только в комплексе: возникновение лесов на месте вырубок, разнообразие зерновых (пшеница, кукуруза, рис и пр.) и фруктов, являющееся результатом тысячелетнего генетического развития.

Взаимодействие людей с природой является динамическим, оно разворачивается во времени. История людей неотделима от истории их природного окружения и взаимодействия с ним.

Каждая человеческая система создает соответствующее себе природное окружение со своими особенностями и представлениями.

Социальная экология интересуется такими вопросами, как способности воздействия людей на природу. Пользуемся ли мы интенсивными технологиями (например, агротоксинами) или органическими удобрениями? Каким образом люди распределяют между собой природные ресурсы: по принципу солидарности и соучастия или неравномерно, так что одним достается много, а другим - ничего? Как влияет такое неравномерное распределение на социальные группы? Чем и как те, кто находится у власти, оправдывают неравноправные отношения? Чем и как оправдывают свои действия люди, добывающиеся у

² Gudyas E. *Social Ecology: The Latin America Route* / E. Gudyas. – Montevideo, 1990.

владельцев капитала улучшения условий труда в промышленности и сельском хозяйстве?

Социальная экология рассматривает такие проблемы, как обнищание и бедность отверженных слоев населения, сосредоточение сельских и городских земель в руках элиты, технологии, используемые в сельском хозяйстве, рост народонаселения и урбанизация, распад озонового слоя, нарастание парникового эффекта, истребление лесов в тропиках и северных странах, отравление воды, почвы, воздуха.

3. Комплексная экология. С точки зрения комплексного подхода частью экологического комплекса являются и общество, и культура. Экология есть отношения между всем живым и неживым, природным и культурным. С этой точки зрения, экономические, политические, социальные, образовательные, городские и сельскохозяйственные вопросы должны рассматриваться социальной экологией. Во всех перечисленных случаях налицо основной вопрос экологии: насколько та или иная отрасль знания, та или иная социальная активность, действия того или иного человека или организации помогают поддерживать равновесие всего сущего или нарушают его? Все мы, как природные существа, все то, что мы создали через культуру, является частью грандиозной системы равновесия - экосистемы.

Ингмар Хедстрём, шведский социальный эколог, много лет проживший в Коста-Рике, писал: "Экология критикует и даже отвергает способ функционирования, который избрало для себя современное общество. Отвергается, в числе прочего, эксплуатация южного полушария ... сравнительно богатыми странами Севера. В этом отношении осознание глобальных экологических проблем должно рождать осознание социально-экономических, политических и культурных проблем нашей цивилизации. Это означает, что мы должны признать факт эксплуатации южных стран промышленными странами Севера³.

*Современная социальная система
является антиэкологической и порождает нищету*

С точки зрения социальной экологии мы должны признать глубоко антиэкологический характер социальной системы, в которой мы живем, - распространившегося по всей планете капиталистического строя. Эта система изначально была построена на эксплуатации людей и природы, и эта особенность капитализма никуда не исчезла. Алчное стремление к бесконечному материальному развитию привело к неравенству между капиталом и трудом, привело к эксплуатации рабочих и нарастающему ухудшению качества жизни.

³ Hedstrom I. *We are Part a Great Equilibrium* / I. Hedstrom. – San Jose, 1985. – P. 12.

В Латинской Америке такое насилие было predeterminedено тем стандартом труда и отношений с природой, который господствовал в шестнадцатом столетии и который вел к экоциду - разрушению наших экосистем. Затем нас сделали частью машины капиталистической экономики. Наша капиталистическая система есть экономика, целиком зависящая от экспорта.

Была введена частная собственность на источники богатства - землю, её недра, воду. Такое присвоение природы произошло на совершенно иррациональной и глубоко несправедливой основе. Большинство захватило лучшие земли; большинству достались земли наименее плодородные, и чтобы выжить, обрабатывая их, надо было эксплуатировать и истощать почву, а это вело к уничтожению лесов, нарушению природного равновесия. Юридически черные рабы получили свободу, но они не получили никакой компенсации за рабство, их просто выбросили из господского дома в пригородные лачуги. Они были вынуждены селиться на холмах вокруг городов, вырубать леса, чтобы строить свои лачуги, выкапывать канавы, которые служили им канализацией и из-за которых они живут под страхом болезней и эпидемий. Все это - проявление агрессии общества против окружающей среды.

Сегодня завоевание продолжается, и главной его формой стал внешний государственный долг, который, по существу, есть агрессия против социальной гармонии, ограбление и маргинализация огромных слоев населения, отравление биосферы. Становится все яснее, что внешний долг есть явление прежде всего политическое. Банки застрахованы от неуплаты этого долга, но о прощении долга речь не идет, потому что он важен политически как средство контроля со стороны народов Севера, он обеспечивает нарастание зависимости от них прочих народов. Проценты по этому долгу растут, мешая вырваться из кабальной зависимости. Эта система поощряет такое промышленное развитие, при котором предпочтение отдается крупным проектам, господству монокультур (в Бразилии - соя, в Центральной Америке - рогатый скот, в Чили - фрукты). Именно на такое развитие выделяют кредиты и деньги Всемирный Банк и Международный Валютный Фонд.

Выплата долга и процентов по нему обеспечивается экспортом, но получение дохода от экспорта зависит от цен на мировом рынке, и поэтому полная уплата долга становится невозможной. В результате государственные вложения в социальную сферу сокращаются, чтобы выплатить долг. Такая стратегия ведет к социальной катастрофе, отражается на внутренней политике в распределении еды, медицинского обслуживания, ведет к нарастанию безработицы и урбанистического кризиса.

Социальная трагедия идет рука об руку с трагедией окружающей среды. В городах бедняки живут в самых опасных районах, в сельской

местности они живут на границе обрабатываемых земель, вынуждены сводить леса, чтобы выжить, вынуждены загрязнять реки в поисках золотых россыпей. Неспособность стран-должников выплатить долг заставляет их брать новые кредиты под более высокие проценты, чтобы платить проценты по старым долгам. Так начинается новый виток цикла зависимости, неокOLONиализма и эксплуатации.

Упразднение долга не решит проблему, если останется принцип развития общества, который опустошает природу, унижает людей, заботится о том, чтобы обеспечить прихоти богачей, живущих за границей, а не об удовлетворении нужд внутреннего рынка. Порочный круг сохранится с прежними разрушительными последствиями.

Американский экономист Кенет Боулдинг называет капиталистическую экономику "ковбойской": ведь она основывается на убеждении, что природные ресурсы безграничны, что впереди огромные пустые прерии, которые нужно покорить. Таков безудержный антропоцентризм. Боулдинг утверждает, что вместо этого мы должны развивать "экономику Земли как космического корабля". На этом космическом корабле, как и в любом самолете, жизнь пассажиров зависит от равновесия между тем, скольких людей способен выдержать аппарат, и потребностями пассажиров. Это означает, что люди должны привыкать к тому, что главной добродетелью является солидарность, должны найти свое место в экологическом равновесии, должны научиться сохранять природное равновесие и при этом размножаться, сберегая свою жизнь и жизнь окружающих созданий. Земля есть не открытая, а закрытая, сбалансированная система, и на ней недопустимы анти-экологические авантюры.

Чико Мендес предложил такую модель развития человечества, в которой забота об обществе и забота об окружающей среде сочетаются. Он подчеркивает, что обитатели джунглей (элемент социальный) нуждаются в джунглях для своего существования (элемент экологический). Он выявляет два типа насилия: насилие экологическое, направленное против окружающей среды, и насилие социальное, направленное против автохтонных племен и собирателей каучука. Оба насилия вдохновляются одной логикой - логикой накопления через господство над людьми и материальным миром. Как же должно происходить развитие? Каким образом может социум обитателей джунглей поддерживать свое существование, противостоя логике накопительства? Прежде всего общество должно уважать то знание о джунглях, которое на протяжении многих столетий своей истории накопили автохтонные племена и собиратели каучука, и оберегать его. Это знание природы: деревьев, растений, почвы, ветра, шума джунглей. И в то же время общество должно поощрять новые технологии, которые поддерживали бы равновесие между социумом и природой на благо всех людей.

С этой точки зрения становится понятна насущная потребность в такой этике, которая регулировала бы не только отношения людей между собой, но и их отношения с окружающей средой (воздухом, землей, водой, животными, растениями)⁴. Мы должны преодолеть наш антропоцентризм, выйти за рамки господствующего на Севере понимания экологической этики, ограничить насилие над природой, присущее нашему представлению о неограниченном развитии, научиться уважительно относиться к природе, чувствовать несхожесть всех тварных вещей. Такая этика может стать источником благоговения перед природой, обретения той слитности с природой, которая утрачена в психологии техницизма и секуляризации.

Хотя экологическая этика невероятно важна и сама по себе, ей недостает одного существенного элемента: социального контекста со всеми присущими ему противоречиями. Окружающая среда не существует в изоляции от общества. Люди, объединенные в общество на принципах неравенства и несправедливости, активно взаимодействуют с природой. Именно в этом социальном контексте существует насилие, именно в нем обитают люди, осужденные на ужасающие условия жизни, вдыхающие загрязненный воздух, пьющие загрязненную воду, ступающие по отравленной почве. Это новый тип агрессии.

Социальная жизнь влияет на окружающую нас среду, природа влияет на общество, и поэтому наша этика должна быть социальной и экологической одновременно. Несправедливость существует двух типов: несправедливость социально-экономико-политическая, вытекающая из насилия над рабочими, над горожанами, над низшими классами; несправедливость экологическая - насилие над воздухом, озоновым слоем, водой. Социальная несправедливость влияет на людей прямо; экологическая несправедливость влияет на них косвенно, исподтишка нападает на человеческую жизнь, вызывает болезни, недоедание, навлекает гибель не только на биосферу, но и на планету в целом.

Новая социально-экологическая этика должна избегать двух крайностей, разрушающих экологическое равновесие: природоцентризма и антропоцентризма. Природоцентризм рассматривает природу в качестве неподвижного субъекта, священным и неизменным законам которого должны покоряться человеческие существа. Напротив, антропоцентризм рассматривает людей в качестве повелителей творения, которые могут вмешиваться во что угодно, не чувствуя себя связанными или ограниченными природой. Обе точки зрения разделяют то, что должно оставаться единым. Природа и люди всегда взаи-

⁴ Redigor J.R. *Etica ecologica* / J.R. Redigor // *Nuevi paradigmi*. – 1991. – No 1. – P. 61 – 73.

мозависимы, существуют внутри друг друга, вместе составляют часть огромного целого.

Люди, являющиеся фундаментальной частью природы, обладают одной специфической чертой. Человечество является видом живых существ, обладающих нравственностью, способных действовать свободно, выносить суждения, занимать определенную позицию, соответствующую их интересам, но также способных солидаризироваться, сострадать, любить. Люди могут думать и действовать в интересах других. Они могут пожертвовать личными интересами ради солидарности и дружбы. Они могут сообразовать свою жизнь с природными ритмами. Все это делает человека существом ответственным, и именно ответственность делает людей этическими созданиями. Они могут быть хранителями природы, наследниками, ответственными за то, что они получили от Создателя, а могут быть демонами земли, разрушающими ее, нарушающими равновесие, уничтожающими жизнь на планете, убивающими даже себе подобных.

На протяжении всего историко-культурного процесса люди взаимодействовали с природой. Ради использования определенных видов животных в собственных интересах они использовали и насилие, и изобретательность. Немного есть указаний на то, чтобы они заботились, какое влияние оказывают на природу; об этом задумывались разве что тогда, когда природа уже находилась на грани, после которой начинался распад и человеческой культуры. Однако на протяжении последних четырех веков разворачивалась индустриализация, агрессия против природы становилась все сильнее и последовательнее, все превращала в орудие накопления, в основном в интересах тех, кто владел средствами производства, а затем уже в интересах всех остальных. Результатом стало разрушение. Люди унизили природу, стали обращаться с ней несправедливо. Земля неспособна более сопротивляться механизму смерти.

Экологическая этика считает, что у людей есть долг по отношению к земле. Земля обладает собственным достоинством, обладает правами. Миллионы лет она существовала без человека, и у нее есть право продолжать существовать благополучно, сохраняя равновесие. Экологическая этика предлагает по-новому взглянуть на землю, взглянуть благоговейно, признать, что люди и земля принадлежат друг другу, искать способ возместить урон, причиненный планете научно-технической моделью развития.

Экологическая несправедливость трансформируется в несправедливость социальную, поскольку она порождает социальное угнетение, ведет к истощению природных ресурсов, отравлению атмосферы, ухудшающемуся качеству жизни, а все это затрагивает каждого человека и общество в целом.

Новая социально-экономическая этика состоится, если мы выработаем новое, планетарное мироощущение, сознание общей ответст-

венности за судьбу всех людей. Из этого сознания постепенно вырастет новая, экологическая культура, концепция которой более уважительно и комплексно относится к окружающей среде. Философ Ханс Йонас выразил это сознание, видоизменив знаменитое утверждение Канта: "Поступай таким образом, чтобы последствия твоих действий всегда были совместимы с существованием природы и человеческой жизни на планете"⁵.

С богословской точки зрения мы можем говорить об экологическом грехе. Поведение, которое нарушает экологическое равновесие и влечет за собой губительные последствия для всего живого, включая людей, имеет не только сиюминутные последствия, оно затрагивает и отдаленное будущее, влияет на тех, кто еще не родился. Библейская заповедь "Не убий" (Исх 20, 13) может относиться и к биоциду, и к грядущему экоциду. Мы не имеем права создавать такие социальные условия, так влиять на окружающую среду, чтобы грядущим живым созданиям грозили болезни и смерть. В этом смысле мы можем говорить о солидарности поколений: наши убеждения и действия должны оставлять за теми, кто еще не поселился на нашей планете, право жить без эпидемий, право радоваться нормальной, целостной природе.

Такая этическая установка отразилась в концепции, которая призывает "конвертировать" внешний долг, чтобы деньги, предназначенные на его уплату, пошли на реализацию политики по защите природной и социальной среде наций-должников. По мере того, как правительства и бизнесмены будут предпринимать усилия по защите окружающей среды, налаживание более равных и справедливых социальных отношений, часть внешнего долга должна аннулироваться. Но недостаточно конвертировать внешний долг к выгоде правительства и крупного бизнеса. Во имя социальной справедливости эта конверсия должна распространяться на социальные движения и их представителей. Они также должны быть субъектами экономической, политической и социальной трансформации, которая бы отвечала их традиционным требованиям и неуклонно воплощала в жизнь социальную и экологическую справедливость.

Народы Севера поступили бы несправедливо и ханжески, потребовав от народов Юга сосредоточиться на экологических проблемах, не обеспечив их технологическими средствами, облегчающими сохранение природы. Необходимо передать беднейшим нациям такие технологии, чтобы они могли заниматься производством продукции как на внутренний рынок, так и на экспорт, резко уменьшив при этом ущерб природе.

Обычная экология развивалась вне связи со своим социальным окружением, и точно так же современные теологические концепции, включая теологию освобождения, развивались вне связи с пробле-

⁵ Jonas H. *Das Prinzip Verantwortung* / H. Jonas. – Frankfurt, 1984. – S. 36.

мами окружающей среды. Сегодня настоятельно необходимо согласовать в единое целое все эти аспекты. За угнетением народов и дискриминацией личности со стороны правящих классов стоит та же логика, которая вдохновляет эксплуатацию природы. Эта логика стремится к непрерывному и ускоренному прогрессу и промышленному развитию, видя в них средства создания условий, необходимых для счастья людей. Такой способ достижения счастья разрушает сами основы существования природы и людей, без которых невозможно и счастье.

Чтобы обнаружить корень зла, с которым мы имеем дело, и найти решение наших проблем, мы нуждаемся в новом теологическом подходе, который рассматривал бы всю планету как великое таинство Божие, храм Духа, место осуществления творческой активности людей и обитания всех существ, созданных любовью. Слово "экология" происходит от обозначения места обитания. Экология и призвана заботиться о месте, в котором мы живем, возмещать нанесенный этому месту ущерб, приводить его в соответствии с новыми задачами, помогать ему вмещать новые культурные и природные создания.

Дополнение:

три примера взаимосвязи между социальными и природными явлениями в Латинской Америке

1. Гибель птиц в Бразилии. В 1985 году в центральном районе Бразилии Минас Гераисе была зафиксирована поразительная гибель почти 50 тысяч голубей и ястребов. Было установлено, что эти птицы посещали рисовую плантацию, которую опрыскивали фурданом - инсектицидом, производимым Сельскохозяйственной Компанией Гваикухи. Аналогичная трагедия произошла в Мехико в 1986 году: неожиданно погибли миллионы голубей и зимующих птиц. Специалисты утверждают, что они погибли в результате термической инверсии, из-за которой в северо-восточной части города кадмий и побочные продукты очистки бензина не смогли рассеяться в атмосфере. Отравились также миллионы детей, многие из которых умерли.

2. Термическая инверсия. Термическая инверсия проявляется в Сан-Пауло и особенно в Мехико. Мехико расположен на высоте 2500 метров на огромном плато, окруженном скалами. Термическая инверсия происходит из-за того, что слои чрезвычайно загрязненного воздуха не могут подняться в стратосферу и продолжают нависать над городом, образуя плотный туман или смог. Это отражается на циркуляции воздуха, и люди начинают задыхаться. Говорят, что для легких одна прогулка по улицам Мехико так же вредна как сорок выкуренных сигарет. Известно, что в Лондоне в 1952 году во время грандиозной термальной инверсии погибло 4000 человек. В Мехико ежегодно

погибает от термальной инверсии около 30 тысяч детей и 100 тысяч взрослых.

Летом к термальной инверсии присоединяются кислотные дожди. Воздух, насыщенный кислотами, парами серы, азотом, двуокисью углерода отравляет облака, которые затем изливают яд в реки и озера, на плантации и животных.

Причиной кислотных дождей становятся также химические реакции, протекающие в атмосфере, насыщенной промышленными кислотами. Продукты этих реакций отравляют землю цинком, свинцом, ртутью, алюминием - металлами высокотоксичными для человеческого организма. Они растворяются в воде, проникают в растения и животных, в воздух. Это отражается не только на людях, но и на растениях, озерах, обитателях рек, наносится ущерб плантациям и городам. Может быть уничтожена экологическая система озер. Водные растения, которые поглощают токсины, употребляются в пищу рыбками, а те, в свою очередь, служат пищей крупных рыб, идущих на пропитание людям.

3. "Гамбургеризация" лесов. В 1955 году создание огромного комплекса закусочных "Макдональдс" повлекло за собой огромные экологические проблемы для всей Центральной Америки. Чтобы удешевить гамбургеры, Макдональдс начал импортировать из Центральной Америки дешевое мясо. Чтобы вырастить больше скота, экспортеры мяса начали вырубать леса под пастбища. Между 1960 и 1980 годами экспорт говядины вырос на 160%, а зеленый пояс Центральной Америки сократился с 400 000 квадратных километров до 200 000. Ингмар Хедстрём назвал это "гамбургеризацией" Центральной Америки⁶.

Сходным образом знаменитые проекты Даниэла Людвиг и Фольксвагена повлияли на район Амазонки. В Яри де Людвиг было вырублено два миллиона акров леса. Фольксваген вырубил 144 тысячи акров, чтобы отправить на выпас 46 тысяч голов скота. На одну голову приходилось 30 тысяч квадратных метров земли. Оба проекта провалились. Никто не получил выгоды, а леса были потеряны для всех.

⁶ Hedstrom I. *We are Part a Great Equilibrium* / I. Hedstrom. – San Jose, 1985. – P. 46 – 47.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Фабио Джамбьяджи
НЕУЯЗВИМАЯ БРАЗИЛИЯ?¹

В последнее время в дебатах на экономические темы в Латинской Америке преобладали два вопроса. Первый: когда закончится сегодняшний период высокой международной ликвидности? Второй: что случится, когда это произойдет? Мы можем прибавить еще и третий, сопутствующий, вопрос: готовятся ли правительства Латинской Америки к этому дню? В случае Бразилии, ответ кажется неясным, по крайней мере, на первый взгляд.

С одной стороны, Бразилия практически ничего не сделала относительно экономических реформ после формирования правительства президента Луиса Инасио Лула да Сильвы в 2003 году. Важнейшие изменения налогового и трудового законодательства, а также пенсионной системы просто не были сделаны.

С другой стороны, если раньше кредиторы требовали от Бразилии обязательств, которые было практически невозможно выполнить в силу особенностей политической ситуации, которая сложилась в стране, сегодня эти же кредиторы, похоже, полностью довольны Бразилией, невзирая на бессилие ее экономической политики.

Существуют объективные причины этих изменений. Впервые за десятилетие Бразилия смогла воспользоваться выгодами хорошей экономической ситуации, чтобы сократить свой внешний долг, тем самым, снизив риски кредиторов. В 2006 году соотношения внешнего долга Бразилии к объему ее экспорта было самым низким за последние 50 лет. К тому же, в то время как за последние восемь лет общий объем внешнего долга Бразилии снизился на 50 миллиардов долларов, ее резервы иностранной валюты резко выросли, особенно за последние два года, что снизило объем чистого внешнего долга более чем на 120 миллиардов долларов, начиная с кризиса 1999 года.

Снижение размера долга важно для инвесторов, поскольку говорит о тенденциях: если темпы снижения долга 2006- 2007 годах сохранятся, Бразилия полностью выплатит чистый внешний долг до конца второго президентского срока Лулы да Сильвы в 2010 году.

¹ Печатается по: <http://www.day.kiev.ua/183580/> (Джамбьяджи Ф. Невразлива Бразилія? / Ф. Джамбьянджі // День. – 2007. – № 103). Перевод с украинского М.В. Кирчанова.

Этот факт и сильная кредитно-денежная политика Бразилии означают, что она будет намного лучше защищена от внешнего кризиса, чем когда-либо в новейшей истории.

Действительно, страна, склонная к негативному влиянию мирового экономического спада или снижения экспортных цен, будет намного более восприимчивой, если ее внешний долг составляет 40 или 50 % стоимости ее чистого экспорта, чем если у нее есть лишь небольшой внешний долг или совсем никакого долга. Когда несколько лет назад поток внешних кредитов для Бразилии исчерпался, единственным способом избежать банкротства было обратиться к МВФ. Вместо этого теперь, если что-то подобное произойдет опять, Центральный Банк будет иметь иностранную валюту для обслуживания долгов и одновременной поддержки стабильного валютного курса.

Однако вследствие этого Бразилия сталкивается с неприятной финансовой дилеммой. Чтобы компенсировать рост денежных запасов, связанный с приобретением долларов, правительство выпускает ценные бумаги, за которые выплачивается более высокая процентная ставка, чем та, которую получает Центральный Банк от инвестирования своих резервов за границей. В то время, как результат относительно чистого государственного долга нейтрален, сокращение внешнего долга в государственном (который уже ниже международных резервов Бразилии) и увеличение внутреннего долга не так уже хорошо в показателях стоимости официального долга.

Это одна из причин, почему слишком важно снизить внутренние процентные ставки. В ближайшие годы правительство Бразилии должно также стремиться к установлению сбалансированного бюджета, а затем к достижению профицита, чего уже несколько лет назад достигла Чили.

Бразилия действительно частично готовится к этому дню, когда период высокой международной ликвидности закончится. Хотя структурные реформы отстают от графика, экономика страны стала намного менее восприимчивой, чем была в прошлом.

О.В. Романенко

РОССИЯ – ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

Укрепление и расширение отношений с латиноамериканским миром является объективной, а не формальной необходимостью для России. Тем более что нынешнее положение в странах Латинской Америки открывает определенные перспективы для нашей страны. Установлены дипломатические отношения со всеми 33 суверенными республиками региона. Восстанавливаются или налаживаются связи по другим направлениям, прежде всего в области торгово-экономического сотрудничества. Правда, объем годового товарооборота едва превышает 6 млрд долларов, что далеко не отвечает возможностям сторон.

Необходимо определить точки соприкосновения интересов, что придавало бы мощный импульс развитию и укреплению российско-латиноамериканских отношений. Это давнишнее обоюдное стремление приобретает сейчас, в период глобализации, первостепенное значение. Главное сейчас - определить, с какими именно странами необходимо нам сотрудничать, так как Латинская Америка - разная. Одно дело мелкие центральноамериканские или карибские республики, которые в большой степени так и остались "банановыми" под контролем США и в целом для нас малоперспективны. И другое дело наиболее развитые государства, с которыми Россия находится примерно на одном уровне. Здесь речь может идти о стратегических союзах с отдельными странами или их блоками, ибо мы никогда не конфликтовали в прошлом, и нам нечего делить в настоящем.

Так что же сближает Россию со странами Латинской Америки, так это схожесть проблем так называемого переходного периода и вытекающих отсюда вызовов со стороны "первого мира". В Бразилии, Венесуэле, Боливии по-новому научились распоряжаться национальными богатствами, защищают свой суверенитет перед лицом транснациональных корпораций. Дабы не строить иллюзии, стоит сразу заметить, что Россия сегодня не способна претендовать на нечто серьезное в геополитическом плане в Южном полушарии. Но в то же время, она может сотрудничать и расширять свою нишу в таких областях, как высокие технологии, мирное использование атомной энергии и освоение космоса, энергетика, нефтегазодобыча, металлургия, фармацевтика, рыбная отрасль, сельскохозяйственное и дорожное машиностроение, агропромышленный комплекс. По крайней мере, ведущие страны Южного конуса считают Россию перспективным партнером, и это мнение также разделяет российская сторона в отношении данного региона.

Сотрудничество России с латиноамериканскими странами в сфере энергетики во многом базируется на достижениях советского про-

шлого. Поставки отечественного энергетического оборудования в регион были длительное время важным элементом экономического сотрудничества СССР и Латинской Америки, реальные основы сотрудничества на базе межгосударственных соглашений были заложены в 70-80-е годы.

Российские исследователи выделяют в российско-латиноамериканском энергетическом сотрудничестве несколько направлений: 1) поставки оборудования для латиноамериканских ГЭС и ТЭС; 2) проведение проектно-изыскательных работ и составление технико-экономических обоснований и технико-экономических докладов по строительству отдельных ГЭС и ТЭС (в том числе определение оптимальных створов на реках для строительства ГЭС, консультации советских специалистов по электроэнергетике и т.д.); 3) поставки оборудования для нефтяной и газовой промышленности Латинской Америки; 4) работы по разведке на нефть и газ в странах региона; 5) поставки нефти; 6) обучение латиноамериканских студентов по энергетическим специальностям в советских ВУЗах и стажировка на наших предприятиях специалистов из Латинской Америки.

Энергетика – традиционная сфера контактов России со странами Латинской Америки. Сейчас первостепенная задача для обоих акторов заключается в переходе на новый уровень инвестиционного сотрудничества. Крупнейшие российские компании, в частности, «Газпром» проявляют заметный интерес к строительству одного из самых крупных газопроводов в мире, который свяжет Венесуэлу с Аргентиной через Бразилию и пройдет практически через весь регион. В перспективе к ним могут присоединиться Уругвай, Чили, Парагвай, Боливия и Перу. Он послужит мощным катализатором для укрепления интеграционных процессов в Южной Америке. Впечатляет размах сооружения. Длина его превысит 9 тысяч километров, а мощность подачи газа составит 150 млн кубометров в сутки. Строительство займет 5—7 лет и обойдется в 20 млрд долларов. Участие российских компаний в этом мегапроекте внесет новое качество в присутствие России в этом регионе.

В последнее время на латиноамериканском энергетическом рынке ситуация качественно меняется. Масштабность планируемых в регионе работ по разведке и добыче нефти и природного газа, модернизации существующих и строительству новых ГЭС и ТЭС, объектов энергетической инфраструктуры открывает дополнительные возможности для участия в этих проектах российских энергокомпаний, прежде всего в Аргентине, Бразилии, Венесуэле и Колумбии. Перспективным направлением российско-латиноамериканского энергетического сотрудничества могут стать совместные исследования и разработки в области альтернативных источников энергии и энергосберегающих технологий. Имеются факты, свидетельствующие об определенной заинтересованности стран Меркосур в использовании прак-

тики РАО «ЕЭС России» в деле создания единой электроэнергосистемы этого блока. В свою очередь, и для России, возможно, был бы интересен латиноамериканский опыт реформирования электроэнергетики в плане проработанности правовой базы, развития конкурентной среды, привлечения инвестиций, организации государственно-частных партнерств и оптимизации схемы госрегулирования.

Подводя итог, стоит заметить, что в российско-латиноамериканских отношениях не наблюдается доминирование какой-либо стороны. Каждая сторона в полной мере заинтересована во взаимосотрудничестве. Складываются благоприятные предпосылки для серьезного расширения масштабов деятельности российских компаний на энергетическом рынке Латинской Америки, что и проявляется в активизации российско-латиноамериканских политических и экономических отношений.

РЕЦЕНЗИИ

Джэймз Н. Грин
ПЕРЕОДЕТЫЕ «КОРОЛЕВЫ» РАБОЧИХ
КВАРТАЛОВ МЕХИКО *

Annick Prieur. *Memo's House, Mexico City: On Transvestites, Queens, and Machos.* Worlds of Desire--The Chicago Series on Sexuality Gender and Culture. Chicago: University of Chicago Press, 1998. xv + 293 pp. Notes, bibliography, illustrations, and index. \$50.00 (cloth) ISBN 978-0-226-68257-0; \$16.95 (paper), ISBN 978-0-226-68256-3.

Городское восстание 1969 года в Нью-Йорке стало стимулом для политического движения масс в Соединенных Штатах, повлияв и на новаторские исследования о геях и лесбиянках. В колледжах и университетах профессора начали читать специализированные курсы, связанные с проблемами сексуальных меньшинств. В 1990-е годы исследования распространились и на другие гуманитарные дисциплины, в том числе – и литературоведение. В настоящее время, любой читатель, просматривающий книжные полки в магазинах может найти сотни академических изданий, посвященных несметному числу вопросов, связанных с однополым эротизмом. Всестороннее антропологическое, социологическое, и историческое исследование и изучение гомосексуализма в Латинской Америке имеет меньший опыт и результаты. За прошлое десятилетие латиноамериканские, европейские и североамериканские исследователи начали изучать гендерные системы в испано- и португальскоязычной Латинской Америке в их отношениях к различным формам однополого эротизма.

Среди первых исследователей в этой новой области знания был антрополог, бразильский профессор Питер Фрай, который планировал изучить в середине 1970-х иерархическую природу гендерной системы, основанной на исследованиях гомосексуалистов, «женоподобных мужчин» в Белене¹. Фрай указал на двойную природу действий среди мужчин, имеющих сексуальные отношения друг с другом. Он заметил, что принятые ими сексуальные и социальные роли отражали доминирующие социальные образцы и нормы поведения, в которых

* Печатается по: James N. Green . "Review of Annick Prieur, *Memo's House, Mexico City: On Transvestites, Queens, and Machos,*" H-Urban, H-Net Reviews, March, 1999. URL: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.cgi?path=30110921537203>. Сокращенный перевод с английского Т. Гарист.

¹ Peter Fry, "Da hierarquia a igualdade: a construação histórica da homossexualidade no Brasil," in *Caminhos Cruzados: linguagem, antropologia e ciencias naturais* (Rio de Janeiro: Zahar, 1982), 87-115.

мужчины были замечены как "активные" сексуальные партнеры, а женщины как "пассивные" участницы эротических действий. Фрай и его последователи утверждали, что мужчины-гомосексуалисты искали в половых отношениях мужскую противоположность для сексуальных связей, что проявлялось в анальном сексе, который, в свою очередь, был отражением биполярных социальных норм. Фрай также утверждал, что новые "эгалитарные" отношения развивались среди бразильских мужчин-горожан среднего класса в 1960-е годы, отражая общие изменения в понятиях пола и гендера. Эти мужчины принимали идентичность, несколько подобную американским и западноевропейским гей-сообществам, где сексуальный выбор объекта преобладал над сексуальными ролями, которые были построены на подражании гетеросексуальным нормам.

Одновременно с научными изысканиями под руководством Питера Фрая в Бразилии в середине 1970-х годов, Кларк Луи Тэйлор провел подобное исследование в Мехико, а Карьер Джозэф - в Гвадалахаре на территории Мексики². На конец 1980-х годов пришелся минибум в антропологических исследованиях мужского гомосексуализма в Латинской Америке. Книга «Mema's House, Mexico City: On Transvestites, Queens, and Machos. Worlds of Desire» является одним из новейших исследований подобного плана³. Это – интересное исследование, посвященное социальной практике переодевания мужчин в женскую одежду на примере бедных и рабочих кварталов в предместьях Мехико. Книга особенно важна, потому что ее автор, Анникк Прье, норвежский антрополог, провел исследование среди той части гомосексуалистов, которая в значительной степени игнорировалась предыдущими исследователями однополого эротизма в Латинской Америке. Благодаря проникновению автора в мир сложных социальных взаимодействий молодых мексиканских мужчин со склонностью к переодеванию в женскую одежду, было бы невозможно без помощи Херардо Рубена Ортеги Суритаи и «Мемы». Мема был центральной фигурой изучаемого сообщества, большинство представителей которого сбежали или были вынуждены покинуть свои дома и искать убежище в доме Мемы. Контакт Приер с Мема дал доступ антропологу к этому подобному семье сообществу молодых людей, многие из которых были втянуты в сексуальное рабство. Роль Мемы как выступающего в роли отца – смотрителя, педанта, социального работника и состра-

² Clark Louis Taylor, Jr., "El Ambiente: Male homosexual social life in Mexico City." (Ph.D. diss., University of California, Berkeley, 1978). Carrier's two-and-a-half decades of research was published as *De Los Otros: Intimacy and Homosexuality Among Mexican Men* (New York: Columbia University Press, 1995).

³ Other works include Richard Parker, *Bodies, Pleasures and Passions: Sexual Culture in Contemporary Brazil* (Boston: Beacon Press, 1991); Roger N. Lancaster, *Life is Hard: Machismo, Danger and Intimacy of Power in Nicaragua* (Berkeley: University of California Press, 1992); Stephen O. Murray, "Machismo, Male Homosexuality, and Latin Culture," chap. in *Latin American Male Homosexualities* (Albuquerque: University of New Mexico Press, 1995) 49-70; and Don Kulick, *Travesti: Sex, Gender, and Culture among Brazilian Transgendered Prostitutes* (Chicago: University of Chicago Press, 1998).

дающей матери по отношению к этим молодым *vestidas* обеспечила доступ Приер к группе молодых «*jotas*». Антрополог в свою очередь предоставил читателю яркий и сложный анализ жизни, деятельности и социальных ролей представителей изучаемого сообщества.

Приер не полагается исключительно на сложные теории, хотя автор знаком с современной литературой о гендере и сексуальности, особенно в Латинской Америке. Автор выполнила тонкое социологическое исследование, которое связано не только с проблемами однополый сексуальности, но и более широкими аспектами социального формирования категорий гендера и гендерной идентичности. Кроме того, книга является многоуровневым исследованием, которое касается проблем пересечения формирования гендерных идентичностей и путей проявления этой идентичности.

Рецензируемая книга выходит за пределы простых объяснений широко распространенных проявлений переодевания мужчин в одежду противоположного пола, бисексуальности, сексуальной двусмысленности, которые, существуют во многих латиноамериканских обществах. Автор признает, что однополый эротизм может быть результатом иерархического разделения гендерных отношений и относительной недоступности многих мужчин женщинам в качестве сексуальных партнеров вне традиционной структуры социальных обязательств, институционализированных в форме брака. Приер утверждает, что постсовременные представления, связанные с проблемами сексуальных возможностей и гендерной двусмысленности не в состоянии описать реальные ситуации в характерном для них разнообразии.

Книга является тщательно выстроенным антропологическим исследованием, в рамках которого сочетается анализ обыденного существования этих молодых людей с их гендерными ролями и статусами. Подобные исследования, посвященные городскому бедному населению и рабочему классу в Латинской Америке будут, без сомнения, развивать наши знания о гендерной идентичности и устойчивых представлениях сформированных экономическими, социальными и культурными влияниями. Книга предлагает ученым твердую платформу, чтобы выстраивать свои будущие исследования в этом направлении.

Andrea S. Allen
Anthropology Department
Harvard University

Mikelle Smith Omari-Tunkara. *Manipulating the Sacred: Yoruba Art, Ritual, and Resistance in Brazilian Candomblé*. African American Life Series. Detroit: Wayne State University, 2005. vii + 169 pp. Illustrations, maps, notes, references, index. \$29.95 (paper), ISBN 978-0-8143-2851-4¹.

Mikelle Smith Omari-Tunkara's *Manipulating the Sacred* is a rich and detailed ethnography and art history about candomblé Nagô, the largest nation (sect) within the Afro-Brazilian religious realm in Salvador, Bahia, Brazil. In her succinct, yet thorough, text, Omari-Tunkara draws on her over twenty years of experience as a practitioner and researcher of Yorùbá-derived religions in Nigeria, the United States, and Brazil as she analyzes the intersectionality of resistance, agency, and art in the lives of candomblé practitioners in Brazil. Her status as an insider/outsider in the transatlantic Yorùbá world is an asset, because she is comfortable deploying a hybrid conceptual framework of analysis, abojúèjì, that draws on both emic and etic perspectives. According to Omari-Tunkara, the abojúèjì model "blends diachronic and synchronic approaches and conjoins an indigenous African sensibility with the Euro-American analytic frames of social history, interpretive semiology, and art history" (p. xxvii).

Manipulating the Sacred has several objectives: to compare Yorùbá religious rituals and sacred objects in Nigeria and Bahia; to describe the function of candomblé as not only a spiritual but also a physical space; and to analyze the role of sacred objects, including clothes, sculpture, clay figures and other pottery, and food, as signifiers of Afro-Brazilians' resistance to racism, oppression, and marginalization. To accomplish these tasks, Omari-Tunkara takes the reader on vividly described trips to several cities in Nigeria, including Abeokuta, Ilê-Ifè, and Ekiti Oyo, and to the Brazilian city of Salvador and island of Itaparica.

In the beginning of *Manipulating the Sacred*, Omari-Tunkara covers the history of candomblés in Brazil with a particular focus on Bahia, because this was the state with the largest enslaved African population and the birthplace of candomblé Nagô; currently, it is the region with the largest presence of African descendants. According to Omari-Tunkara, practitioners and devotees of candomblé gather in sacred spaces that they call ilês axés. Typically, ilês axés are demarcated compounds that usually include buildings or shrines for the orixás (Yorùbá deities) of the temple, living quarters for the ialorixá or babalorixá (priestesses and priests) of the terreiro (temple), sleeping and communal areas for its members, sacred

¹ Andrea S. Allen. "Review of Mikelle Smith Omari-Tunkara, *Manipulating the Sacred: Yoruba Art, Ritual, and Resistance in Brazilian Candomblé*," *H-AfrArts, H-Net Reviews*, February, 2008. URL: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.cgi?path=54831204304950>

rooms that have limited access, and the barracão (building for public festivals). Depending on the wealth of the temple, compounds can be many acres filled with forests and sometimes small streams. Omari-Tunkara describes the temple where she received her initiation, Ilé Axé Opô Afonjá, as being a terreiro that is located on a vast compound. After relating these details, she asserts that these spaces are microcosms, "microarenas," or "microsegments" of Africa. Fences surrounding the ilê axé not only demarcate the boundaries between sacred and profane spaces, but Brazilian and African spaces as well. Spiritually, symbolically, and literally, ilês axés are sites of resistance for practitioners, devotees, and--Omari-Tunkara would add--all Afro-Brazilians.

In her discussion of the origins of ilês axés and candomblé Nagô, Omari-Tunkara expounds on the legacy of Yorùbá religious traditions through a comprehensive description of Yorùbá cosmology. Kingdoms and subgroups within the Yorùbá region of western Nigeria share, with minor variation, common practices and beliefs that they believe originated in the city of Ilê-Ifè in the state of Oṣun. In present-day Nigeria, the United States, and Brazil, the orixás are the focal point of this cosmology as practitioners venerate them, sacrifice to them, petition them, and obey them. Devotees partake in rituals in both communal and individual settings to manipulate the sacred, i.e., axé. Axé has been described by Omari-Tunkara as well as many other scholars and practitioners as a universal energy or life force that dwells within living and nonliving beings and can be harnessed through ritual, sacrifice, communality, and an individual's own personhood to affect the world around and within them. This phenomenon is central to the practice of candomblé, because axé imbues objects with meaning, and as Omari-Tunkara states, it transforms them into sacred objects or sacred art.

For Omari-Tunkara, a semiotic analysis of the sacred arts of candomblé reveals multiple and multilayered understandings of the functionality of these "arts" as signifiers with both religious and secular meanings. Omari-Tunkara employs the notion of "double-voicing" to elucidate the hybrid innovations and creations involved in candomblé. One of her most described examples of this "double-voiceness" is the roupa de axé: sacred clothing that is worn in the ilê axé. Roupa de axé is a system of signs that signify and mark rank, status, gender, role, and inclusion. Omari-Tunkara describes, in great detail, the various articles of roupa de axé that are used in the ilê axé. Depending on the occasion, stages of initiation, or spiritual affiliation, men's roupa de axé are all white, except when they are in trance, and women typically wear the colors of their particular orixá. Omari-Tunkara theorizes that these sacred arts are "sign carriers," as in Petr Bogatyrev's *Functions of Folk Costume in Moravian Slovakia* (1971), that follow learned grammatical rules of candomblé, which communicate myriad messages within a candomblé community. These sign carriers also include the sacred clothing worn during trance (roupa de orixá),

implements and tools, devotional displays, and beaded necklaces. As bearers of axé, these sacred objects also become signifiers of agency and creativity in opposition to the larger oppressive environment of Brazilian society.

One critique of Omari-Tunkara's work is that it is unclear how many Afro-Brazilians are able to fully utilize the potential resources of candomblé. Throughout the text, Omari-Tunkara asserts that candomblé provides a viable option of empowerment for Afro-Brazilians that is not available for them in the wider society. Notwithstanding the popularity and familiarity of candomblé in Bahia, there is a high cost to "active and sustained participation in the sacred"; namely, time and money (p. 125). The initiation processes, which include an individual being sequestered at the terreiro, can last months and sometimes a year, depending on the level of initiation. Depending on the season, initiates can spend an enormous amount of time at the terreiro in preparation for private rituals and public ceremonies. Financially, the clothing, especially the roupa de orixá, are expensive and demand upkeep and maintenance; sacrifices, of various kinds, are also a part of initiates' obligations and can involve the purchase of food, liquor, candles, and other objects. Involvement and participation in candomblé, beyond attending public ceremonies or seeking advice from an iyalorixá or babalorixá, is not a light undertaking, and it would have been useful if Omari-Tunkara acknowledged these tensions.

Despite the lack of information on how individuals negotiate the financial costs and the time issues related to candomblé practice, Omari-Tunkara's work is highly significant because it is accessible to nonexperts of Yorùbá religion, yet also provides sophisticated analyses of candomblé, Yorùbá traditions, and the relationship between art and religion. A glossary of words related to candomblé and a glossary describing the seventeen orixás honored in Brazil add to the accessibility of the book.

A major highlight of *Manipulating the Sacred* is the inclusion of sixteen pages of colored plates, which Omari-Tunkara refers to throughout the text. These vibrant pictures are from her trips to Nigeria and Brazil, and include images of practitioners, altar displays, candomblé compounds, and costumes worn during trance. One image, plate 15, of three female initiates representing various stages of initiation at a public festival is particularly revealing because the distinctions between the women's outfits makes visible Omari-Tunkara's contention that clothes are sign carriers and can identify rank and hierarchical status. This visual encapsulates the beauty and complexity of candomblé in a way that words sometimes can not. It is a testament to Omari-Tunkara's dedication to candomblé and Yorùbá religion that she included an abundance of color plates in her book.

Manipulating the Sacred is a necessary read for any scholar interested in not only candomblé in Brazil, but other Afro-Atlantic religions as well. It is a noteworthy text that can be used in courses that discuss Afro-Brazilian culture, African diaspora and religion, art history, visual arts, and

agency. Although in recent years various works have been published in English on candomblé in Brazil, Omari-Tunkara's work adds a much needed perspective to the field². The descriptions of the rituals, ceremonies, and sacred objects, especially the clothing, provide the reader a valuable framework for understanding the vital role of manipulation and negotiation of religious work. Although other scholars have mentioned the relationship between agency and Afro-Atlantic religious traditions, Omari-Tunkara adds another dimension through her meticulous analysis of the role of art and sacred object as carriers of agentic practices.

² J. Lorand Matory, *Black Atlantic Religion: Tradition, Transnationalism, and Matriarchy in the Afro-Brazilian Candomblé* (Princeton: Princeton University Press, 2005); and Paul C. Johnson, *Secrets, Gossip, and Gods: The Transformation of Brazilian Candomblé* (Oxford: Oxford University Press, 2002); as well as Yvonne Daniel's ethnography centering on dance in Afro-Cuban, Haitian, and Afro-Brazilian religious traditions, *Dancing Wisdom: Embodied Knowledge in Haitian Vodou, Cuban Yoruba, and Bahian Candomblé* (Urbana-Champaign: University of Illinois Press, 2005).

Научное издание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей памяти С.И. Семенова
Составители: А.А. Слинко, М.В. Кирчанов

Выпуск 3 – 4

На русском и английском языке
Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 09.09.2008 г.
Тираж 100

394000, г. Воронеж,
Воронежский государственный университет
Московский пр-т, 88, корпус № 8
Факультет международных отношений
8 (4732) 39-29-31, 24-74-02